

Священник Георгий Кочетков: «Нам нужно поститься и каяться и в этот день»

Проповедь

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

Сегодня мы празднуем день памяти Всех святых Российских, а если всех святых, то значит, не только всех ведомых в России святых, но и всех неведомых. История последнего времени, последнего столетия, истекающего на наших глазах, показала, что у Бога неведомых нам, но ведомых Ему святых больше, чем тех, кого мы знаем, кого мы почитаем, кого явно поминаем, кому подражаем, к кому в вечной божественной памяти обращаемся, веруя, что Бог наш «не есть Бог мертвых, но живых».

Вообще же нам никогда не стоит забывать, что наши мысли — не то же, что мысли Божьи, как говорит нам пророк. Нам всегда нужно ощущать, какую истину или правду мы исповедуем: ту ли, которая открылась нам непосредственно с Небес, от Бога, или иную, которая имеет лишь педагогическое, воспитательное значение для народа Божьего и которая открыта не только Церкви как Божьей Церкви, но и церкви человеческой — церкви, не лишенной черт несовершенства, вносимых именно нами, нашим несовершенством, нашими грехами, нашей бесчувственностью, а подчас и нашей бестактностью.

Мы с вами, дорогие братья и сестры, понимаем, что у Бога все святые живут в вечной божественной памяти, в новом мире, и этот новый мир не похож на мир наш. В этом мире нет государственных и национальных границ, нет границ веков, нет разницы в психологических типах, нет границ профессиональных. Когда нам говорят, что вот — святые, которые защищают земледельцев, а вот — святые русские, наши, то говорят это или не зная, что говорят, или имея в виду лишь педагогические цели, которые, подобно ветхозаветному Закону, только еще ведут ко Христу, но не более того.

Какой же тогда смысл нам с вами, дорогие братья и сестры, праздновать сегодня память русских святых, если у Бога все святые живы и все они составляют единый народ — народ святой?

Древние христиане очень хорошо понимали это и иногда даже как бы перегибали в другую сторону. В древних мариологах, в мученических актах вы можете прочесть, что если спрашивали христианина: «Ты кто? К какому народу и к какому царству ты принадлежишь?» — то христианин-мученик отвечал как подлинный свидетель Христов: «Я — христианин, принадлежу Царству Небесному и народу единому, христианскому». И тогда это ставилось церковью в пример всем.

Те времена давно ушли. Церковь стала ощущать себя все более и более привязанной к земле, к истории, со всеми ее кондовыми тяжестями, грехами и двусмысленностями. Церковь иногда стала сковывать себя земными обязательствами и условностями, которые не позволяли ей быть всегда на высоте, быть всегда собою. Поэтому так трудно бывает сейчас благовествовать нашу веру, особенно в областях новых для христианской церкви, особенно людям, которые в своих человеческих корнях не были прежде приобщены к христианским культурам, народам и цивилизациям.

Как это бывает трудно, дорогие братья и сестры! Это знает всякий, кто хоть когда-нибудь проповедовал именно всем, кого ни призовет Господь, а не тем, кого собрали, выстроив по-человечески, по человеческим критериям в один ряд.

Давно стало ясно, что эта привязанность людей к своим земным корням в большинстве случаев перевешивает. Если человек — итальянец, он должен быть католиком, если он грек, он должен быть православным, если он русский, он должен быть... чуть не сказал: атеистом, — ведь сколько прошло поколений, целая эпоха жизни нашей страны и нашего многострадального народа, когда в нем атеистов было несоизмеримо больше, чем православных, чем вообще хоть как-то верующих, пусть не церковно, но в Бога, во Христа!

Все это вещи очень серьезные, дорогие братья и сестры. И поэтому нам так важно ответить на наш вопрос: что же мы с вами празднуем сегодня, в неделю, следующую за праздником Всех святых? Когда в прошлое воскресенье мы с вами говорили о всех святых, все было ясно: это — торжество Церкви, воплощающей себя, торжествующей в своих святых, подобно тому, как «дивен Бог во святых Своих!» Если на Троицу мы празднуем рождение Церкви, то на праздник Всех святых — ее воплощение и исполнение. В этом — великая идея христианской истории, в этом — наша надежда, наша радость и наше благодарение Богу!

А вот начиная с XX века (с XX века — обратите на это внимание!), если не ошибаюсь, с 1918 года, с великого Московского собора Российской православной церкви, мы начали праздновать через неделю после дня Всех святых память Всех святых Российских.

О чем это говорит? Что это — уступка духу времени? Уступка национализму, все более и более приникающего в церковь, т.е. уступка тому филетизму, который уже был однажды осужден? Осужден теоретически, но, увы, совсем не практически, ибо после теоретического осуждения этот грех все более и более укоренялся в церковном народе и сейчас достиг необыкновенного распространения. Напомню вам, хотя вы все это хорошо знаете, что филетизм — это разновидность церковного фундаментализма, которая возглашает и утверждает любовь только к своим и к своему, и прежде всего — к своему народу по плоти. Это своеобразный церковный национализм, который требует, чтобы церковь была устроена в строгом соответствии с национальными интересами и границами, что приходит в полное противоречие с традиционным многовековым принципом поместного устройства церкви.

И все же: для нас память Всех святых Российских — это уступка духу времени или нет? Наверное, однозначного ответа мы здесь дать не можем. Для кого-то, и для немалого числа людей, — да, это уступка духу времени. Но для кого-то — нет, ведь если церковный праздник помогает нам найти в себе силы для свидетельства о Христе, помогает нам преодолеть нашу национальную ограниченность, наши старые закоренелые народные грехи, то это, конечно, стоит одобрить.

Да, такие проблемы есть у всех народов, не только у русского, но у русского тоже. Никакие мифы о святой Руси не могут заслонить этой истины. Мы не можем хвалиться пред Богом собою и своим. «Хвальныйся, хвались Господом», — говорит нам Писание. Но народное благочестие, которое в большой степени ныне воспитывается сверхполитизированным церковным руководством, обычно мыслит иначе.

Нам требуется вернуться к корням христианского благочестия и благовестия, пусть мы и не можем остановиться лишь на том, о чем говорят нам древние мартирологи. Ведь если сейчас спросят любого из нас: «Ты кто и откуда, из какого ты царства, какого ты рода и племени и как тебя зовут?» — мы уже не сможем ответить так, как это делали в простоте сердца древние христиане. Мы прошли большой исторический путь и из него надо делать выводы. Мы не

можем просто сказать, не боясь впасть в некий квазицерковный космополитизм, что мы просто граждане Небесного Царства, и имя наше просто христиане, и народ наш просто христианский.

История церкви показала, что национальная культура и национальная история имела и имеет реальное большое значение для раскрытия христианской истины, что национальные корни и национальный лик христианства может играть и плодотворную роль. Да, это дает лишь новый акцент внутри единого целого, но это — истинно новое и плодотворное начало. Таким образом, мы не отвергаем с порога высказываний типа: «кто не любит земное отечество, тот не любит и небесное», хотя с порога и не принимаем таких суждений, ибо ими слишком легко злоупотребить, что мы часто и видим.

Итак, дорогие братья и сестры, давайте думать. Еще в древности церковное сознание увидело некое различие в служении христиан. Апостол Петр был назван апостолом иудеев, а апостол Павел — апостолом народов, языков, т.е. апостолом для язычников. Значит, уже тогда стало ясно, что и сама христианская может быть несколько различна, может делать акцент на разных вещах. Так, есть люди, которые очень болеют за свой оторвавшийся от Бога народ и хотят послужить ему, и это — дело благородное (конечно, при условии, что оно не делается за счет других людей и за счет других народов, а если нет, то это грех и должно быть названо так однозначно). Но есть и другие люди, которые более ощущают свою ответственность за всех и за вся, и для них неважно, кто перед ними, так что не своему по плоти и по крови человеку они, может быть, готовы дать даже больше, чем своему. Это — жертва, потому что это не значит, что такой человек не любит свой народ, но это значит, что он по-другому, может быть, более совершенно ощущает свое христианское призвание, ибо любить дальнего подчас труднее, чем ближнего. Мы хорошо это знаем. Например, если человек воспитывался с какими-то антисемитскими или антитатарскими, или еще какими-то влияниями, то ему трудно будет проповедовать и отдавать все свое самое лучшее еврею, татарину или другим народам, которых он не привык ценить и понимать, и тем более — любить. Это очень трудно, дорогие братья и сестры, но это так было бы необходимо, если мы хотим быть совершенными христианами, живущими любовью, любовью Христовой, что является единственным критерием подлинности нашего Православия!

Ныне мы празднуем праздник Всех святых Российских, и знаменательно, что именно с этим праздником связана самая, может быть, знаменитая строчка из тех церковных песнопений, что были созданы в XX веке: «Русь святая, храни веру православную!» Вы сегодня слышали эти слова, но они, к великому сожалению, приносят в наше время не только добро, но и зло! Как часто люди, зараженные ксенофобией, т.е. страшась и ненавидящие других, повторяют эти слова, и тогда они ужасны и богомерзки! Но написаны они были совсем в другом духе, к слову говоря, святым человеком, пусть пока и не канонизированным. Этот человек обязательно будет канонизирован в числе новомучеников и исповедников Российских, ведь это был действительно святой человек, который хотел только одного и доказал это всей своей многотрудной жизнью. Он хотел только того, чтобы Русь вспомнила свои корни и связала их не с чем-либо иным, а именно с православной верой. Если бы только автор этих строк знал, в каком контексте эти слова будут зачастую употребляться у нас сейчас! А может быть, он и видит, и знает это? Ведь от Бога и от тех, кто живет ныне в Боге, ничего не скрыто, и, наверное, горько ему от того, что смысл этих слов так сильно извращен! Извращен именно церковным национализмом, именно злобой и ненавистью к другим народам, к другим людям, к другим верам.

Нам с вами, дорогие братья и сестры, нужно торжествовать, празднуя память Всех святых Российских. Но давайте при этом не забывать и о тех опасностях, которые могут быть заключены в этом праздновании. Давайте помнить о том, что все, что противоречит Евангелию и Писанию, то не от Бога, кто бы ни утверждал обратного.

Будем же, дорогие братья и сестры, сегодня освобождаться от всех своих пережитков церковного и нецерковного национализма — именно ради Святой Руси, хранившей и хранящей, и призванной хранить веру православную!

Если в нас хоть когда-нибудь шевельнется предубеждение к другому только потому, что он другой, что он не той же национальности, что и мы, не той же культуры, не того же слоя в обществе, что и мы, то будем осторожны, зная, что «грех у дверей лежит», что он уже «влечет нас к себе»! Если мы захотим превозноситься над другими только потому, что наши просторы и наша история вместила в себя множество трагедий, приведших к массовому исповеданию мучеников Христовых, если мы будем гордиться этим, — то грош нам цена!

Мы должны отвечать за свою землю, за свою историю, за свой народ. Мы должны искупать грехи своего народа, своей земли и своей истории. И это должен делать каждый христианин в любом народе, ибо нет народа, который бы не согрешил. И вот именно для того, чтобы помнить об этом, для того, чтобы земля наша была плодоносной перед лицом Божиим, будем праздновать память Всех святых Российских, которые показали пример веры и жизни по вере, которые вмещали всех в свое расширенное сердце, которые призывают внутрь себя каждого.

Сейчас идет пост и, наверное, это хорошее совпадение. Нам нужно поститься и каяться и в этот день, в день Всех русских святых, потому что мы часто недостойны их, потому что мы еще слишком часто являем свою слишком человеческую ограниченность и претенциозность.

Будем же стараться войти в Божье Царство вместе со всеми святыми, но так, чтобы русские святые, которым нужно было преодолевать те же, в большой степени, трудности, что и нам, были нам первым примером. Чтобы они подавали нам силу для евангельской проповеди, для христианского свидетельства, для того, чтобы люди познавали Бога и не внешние декоративные признаки церкви, а саму Христову Церковь!

Аминь.

Из проповедей после вечерней молитвы Слово в день Всех Российских святых, 12 июня 1999 года.

Священник Георгий Кочетков: Новый народ святых. Слово в день Всех святых

Проповедь

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

С праздником, дорогие братья и сестры!

Всех вас поздравляю с именинами, поскольку сегодня с вечера и завтра мы празднуем память всех святых и, значит, каждого святого, имя которого вы носите. Это, действительно, праздник всех, всей Церкви. Он не случайно установлен на следующую неделю после праздника Святой Троицы, праздника рождения Церкви, потому что главный плод земной истории Церкви — это рождение нового народа святых, и главное свидетельство истинности Церкви — святость, святость каждого ее члена.

Конечно, Церковь может похвалиться не только святостью. Ведь святость была известна еще в

Ветхом Завете. Если бы мы говорили только о святости, забыв о том, как родилась Церковь, какие огненные языки Духа привели ее как новый народ Божий к жизни, если бы мы забыли об этом, мы бы сами остались лишь в рамках Ветхого Завета. Иногда такая опасность у нас с вами существует, дорогие братья и сестры, иногда мы, действительно, как бы оказываемся в стихии ветхозаветной жизни, когда, почитая святых, задачу освящения осознаем как главную и едва ли не единственную в Церкви, как едва ли не единственное дело Божье. Но дело Божье — больше, и Церковь новозаветная — это новый народ святых, народ царей и священников, людей, которые могут приносить Богу жертвы, через которые не только освящаются сами, но и способны освящать мир, способны готовить его к преображению, к наполнению Духом и Светом, что, конечно, было недоступно Церкви ветхозаветной, пусть и знавшей дары Духа, знавшей святость Божью и святость Церкви, хотя еще и ветхозаветной.

Почитание святых в нашей церкви родилось не сразу, дорогие братья и сестры. Вообще, каждому христианину, наверное, было бы интересно ответить самому себе на вопрос: а откуда оно взялось? Мы же ничего не находим в Священном писании Нового Завета о почитании святых! Когда Священное писание Нового Завета говорит о том, что надо воздавать честь тем, кому подобает честь, то скорее всего, там имеется в виду несколько другое. Вы помните, в какой контекст поставлены эти слова апостола Павла? Скорее всего, там имеются в виду какие-то околицерковные или прямо нецерковные власти и силы, которые требуют себе почитания, и апостол, вполне в еще ветхозаветной традиции, говорит, что власть как таковую надо чтить.

Священное писание еще говорит нам, что мы должны подражать вере своих наставников: «Взирая на кончину жизни их, подражайте вере их». Взирая на кончину жизни их!.. Это значит, что подражание вере святых наставников важно, очень важно, — покуда они подражают Христу. «Подражайте мне, как я Христу», — говорит тот же апостол Павел и не боится этого сказать, потому что он уверен в своей совести, что он всю жизнь свою отдал на служение Христу. Он говорит: «Я всю жизнь свою служил Богу в доброй совести». Потрясающие слова, дорогие братья и сестры! Кто из нас может такое повторить: «Всю жизнь свою я служил Богу в доброй совести», — будучи еще живым, еще не кончив этой жизни?

Здесь есть некая тайна. Ведь апостол Павел прекрасно знал, что «все мы много согрешаем», о чем свидетельствовал и апостол Иаков, и апостол Петр, говоривший: «Если праведник едва спасается, то грешник где явится?»

Откуда же в церкви почитание святых? Да, мы знаем, что воспеваем нашего Бога как «Бога отцов», но это — традиция еще Ветхого Завета. В Ветхом Завете, мы с вами об этом говорили не однажды, очень важно было почитание Бога отцов и праотцов. «Благословен Ты, Господи, Боже отцов наших!» — это слова из Священного писания Ветхого Завета. Некая преемственность веры, некая устремленность вперед к точке «омега» является естественным выводом из такого почитания. К точке «омега», значит, к эсхатону, к тому концу, который открывается Богом, который открывается в Царстве Небесном, пришедшем в силу.

Древние христиане, христиане первых веков, как вы знаете, верили, что вся Церковь Нового Завета свята. Напоминаю вам об этом еще и еще раз и хочу это снова истолковать для вас, ибо без этого понять ничего не удастся. Церковь Христова вся свята, и мы можем сказать о Церкви, что мы — народ святой. Каждый из нас не смеет этого сказать о себе индивидуально, лично. Я не могу сказать: «Я — человек святой», или что я — «святой отец» (смех). Мне тоже очень смешно, когда меня так называют (слава Богу, редко).

Но народ Божий — свят, и народ этот — вы. Никто не может свидетельствовать о себе, иначе станет лжесвидетелем и рискует духовно выйти из народа Божьего. Но почитать Церковь, как

святой народ, мы должны, ибо мы с вами верим в «единую святую» Церковь, и никак иначе. И это означает, что народ Божий — свят, что он освящен благодатью Божьей, по дару Христа, и древняя церковь была в этом совершенно уверена.

И вот далее в первом веке, и втором, и в третьем стали почитать мучеников — для того, чтобы укрепляться в вере, и стали почитать их святые останки — мощи, что в переводе на русский язык значит «кости». Но святость мучеников никак еще особо не выделялась из святости всего народа Божьего, который был и есть, и будет, который на земле и на небесах.

Церковь всегда ощущала это свое единство со всеми верными во Христе: и живущими, и отошедшими. Но постепенно, постепенно, постепенно, по мере снижения уровня духовной жизни в церкви, святость живущего на земле народа Божьего, народа христианского стала не очевидной. А иногда, простите, очевидным стало, наоборот, то, что народ этот не свят, за известным исключением. Особенно начиная с Константиновской эпохи, когда чуть ли не все общество, когда целые государства стали объявлять себя христианскими. Никто уже не мог сказать, что это государство, этот народ в государстве свят, поскольку совершались в нем и им многие беззакония, многие грехи: убийства, прелюбодеяния, клевета, измены, поскольку в нем по-прежнему господствовали гордыня, уныние, нищета безмерная и безмерное богатство, стремление к власти и наживе. Да и все прочие искушения были не чужды этим христианским народам, государствам и обществам.

И тогда церковное сознание, вынужденное реагировать на эту очевидность, как бы спрятало истину под спуд. Церковь спрятала истину о своей святости под спуд, превратив ее в литургическую и догматическую идеально-онтологическую правду. В результате эта святость стала восприниматься более как нечто загробно-идеальное или потенциальное, а не актуально данное. И тогда уже никому невозможно стало сказать живущим на земле верующим людям: «Вы получили помазание от Святого Духа и знаете все сами так же, как и мы». Тогда нужно было взять жезл железный в руку и пасти им народ, называвшийся христианским, народ крещеный, но часто непросвященный.

И тогда епископы, в нормальном случае имевшие изначально в Церкви особого рода организаторские способности, т.е. харизму управления, которая была признана еще в апостольские времена, но, конечно, поставлена в списки харизм на последнее место, епископы, именно в этом смысле ставшие преемниками апостолов, стали представлять собою Церковь. Так они, начиная где-то с середины II века, постепенно, чему способствовали и условия внешних гонений, были поставлены в ней на первое место. И главным символом их власти стал железный жезл. Жезл для кого? — Для святого народа! Ведь если нельзя уже было сказать всему христианскому народу: «Вы получили помазание от Святого и знаете все», — то его приходилось учить и словом, и делом, причем учить иногда крепко.

И вот тогда в этом дидактическом процессе и понадобились особым образом литургически и канонически выделенные святые, в чинах которых всем можно было увидеть порядок будущего Царства и которых можно было бы поставить людям в добрый пример. Тем более, что это вполне соответствовало господствовавшему тогда эллинистическому менталитету и что всегда среди христиан были выдающиеся люди, всегда были люди более благодатные, более успешные в своем подвиге, более плодотворные в своей жизни и молитве. И таких людей постепенно, постепенно церковная память сама собою выделяла. Особенно это стало важно в те годы и те века, когда нужно было, вспоминая прежних святых и их веру и опыт, формулировать и защищать свое Православие, — в эпоху Вселенских соборов.

А это была внутренне противоречивая задача и такая же эпоха. Ибо тогда вдруг выяснилось, что многие народы, вчера еще жившие вместе, могут разделиться и от церковного единства

могут вдруг отколоться миллионы крещеных и верующих. Тогда выходило, что вчера они были святыми, а сегодня они уже еретики, хотя ничего у них внутри не изменилось. Это — страшная коллизия церковной истории, дорогие братья и сестры!

Все это — признаки упадка и распада, это то, что заставляло церковь новозаветную возвращаться назад, более и более возрождая внутри себя ветхозаветный, и даже часто фарисейски-саддукейский, индивидуалистический и раскольнический дух и стиль жизни. Это отразилось не только на появившемся в начале IV века монашестве. Постепенно, начиная с того же времени, стали появляться христианские храмы, которые все более, более и более напоминали ветхозаветный храм. Это зашло настолько далеко, что мы часто уже не можем признать в изначальном новозаветном устройстве храма храм христианский.

Я вам приведу только один маленький пример. Всем известно, что в нашем Братстве есть люди, которые не ходят молиться сюда, в эту часовню, устроенную по благословию патриарха, говоря, что молиться нужно непременно в храме. Очень интересно, что таких людей не то, чтобы очень много, но и не то, чтобы один-два человека. Меня всегда удивляло, откуда у людей рождается такое сознание? И чего они ищут, приходя в храм? И чего им тогда не хватает, например, здесь? Неужели им не хватает роскошных риз и паникадил, не хватает курений ладана, не хватает высокого иконостаса и золота, не хватает обилия свечей и лампад? Неужели им, в конце концов, не хватает наемных служителей и, как правило, такого же малоцерковного профессионального хора, или им недостает церковного ящика, который давно стал неотъемлемым атрибутом нашей церковной жизни, где все можно купить: молебен, годовое поминовение, крестины, венчание, что хотите — заплатил и спи спокойно?

Не случайно самокритичные христиане сложили множество прекрасных пословиц, поговорок, шуток, вроде известной поговорки, рисующей наше обычное храмовое благочестие: «святой иконостас, моли Бога о нас». Это очень серьезно, дорогие братья и сестры! Сдвиг христианского сознания и церковной жизни в нашей церкви таков, что апостолы, войди они сейчас в наш православный храм (не в худший, нет, а в нормальный, благоустроенный, намоленный и действительно красивый), я думаю, не узнали бы в нем ничего христианского. Даже если апостолы были бы чисто русскими людьми, они были бы страшно поражены, страшно удивлены и тому богослужению, которое совершается сейчас в русских храмах. Я уверен, что их бы за это тут же изгнали из наших храмов, сказав, что они еретики, необновленцы, ну и вообще всякие там мусульманские жидо-католики. Я действительно этого боюсь, дорогие братья и сестры, я был бы очень рад, если бы это было не так.

В наше время христиане уже не однажды пытались себе представить, что было бы, если бы пришел на христианскую землю Христос. Но об этом я даже и не думаю, поэтому вам не говорю о Нем (может быть, впрочем, вы уже смотрели соответствующие фильмы, которые об этом говорят), я говорю об апостолах, о первых христианских поколениях, и при этом не залезаю вглубь. Так, я не знаю, например, на каком языке мы бы объясняли апостолам свое православие. Я не знаю, как бы они отреагировали, если бы мы стали говорить с ними о том, что Христос «сугуб естеством, но не ипостасию», — об этой тайне знают только клирошане, которые поют богородичны. А если бы мы стали объяснять апостолам, какого «гласа» этот «богородичен догматик», то это было бы, наверное, уже искушением сверх сил.

Дорогие братья и сестры, я совсем не хочу вас просто так смешить. Я хочу, чтобы в этот праздник вы всерьез подумали о всех святых и о святой Христовой Церкви!

Понятно всем, что есть некая видимая трагедия христианской истории и культуры, и не может ее не быть. Не случайно же мы с вами изначальным образом носим в себе обетование «второго» Пришествия и всего того, что с ним связано. Но нам нужно подумать, как нам уже сейчас, не

дожидаясь апокалиптических язв и ужасов, возродить христианскую жизнь, как нам ее посылно обновить для того, чтобы мы могли, не оборачиваясь назад, не оправдываясь ни пред кем, исповедовать свою веру в единую святую соборную и апостольскую Церковь, Церковь живого Предания и живого Писания, Церковь как хранительницу божественного Откровения и Богопознания во всей вселенной.

Мы с вами, сделав малый шаг вперед в этом направлении, должны очень хорошо понимать, что все это значит. Мы должны понимать, что движение по прежней траектории больше невозможно, иначе мы совсем потеряем всякие черты христианства и, в лучшем случае, вернемся в Ветхий Завет. А ведь если говорить еще серьезнее, то и не в Ветхий Завет, а в некое смешение ветхозаветного законничества и прямого язычества, ибо Ветхий Завет имел в себе соль, он решал святую задачу, он должен был возвестить пришествие Мессии и дожидаться Его, и он это сделал. А что делается у нас?

Нельзя не почитать всех святых, дорогие братья и сестры, ибо почитание всех святых есть почитание единой святой, соборной и апостольской Церкви. Но наше почитание всех святых, которое часто могло бы (увы, только могло бы) быть более совершенно, чем почитание того или иного святого в отдельности, часто ничего нам не говорит, и мы не видим в этом замечательном дне ничего особенного. Если спросить простого нормального христианина: «Что такое день Всех святых?», и если он может об этом подумать, то, подумав, он скажет, наверное, что это день, после которого начинается Петров пост, или что это день, когда заканчивается пение Триоды Цветной, или что-то в этом роде, вокруг этого. Ну, какой-нибудь семинарист вам, конечно, еще скажет, что это — день ангела всех и вся крещеных людей.

Дорогие братья и сестры, может быть потому поныне и молчит наша церковь, что она не осознает, прежде всего, самое себя? Ведь проповедовать в этот день, уверяю вас, очень трудно, как и вообще теперь в церкви проповедовать необыкновенно трудно. И часто честные священники молчат: кто из-за страха, а кто из-за угрызений совести. Молчат не только равнодушные и бездарные, и случайно попавшие на эту «должность», на «работу» священника, — молчат и талантливые, и образованные, и ревностные! Потому что говорить невесть что не хочется, а говорить по существу трудно и страшно. Представьте себе, что сейчас сюда входит церковное начальство (это невозможно, но представьте себе): смог ли бы в этом случае кто-нибудь, даже я, сказать то, что вы сейчас слышите? — «Любити убо нам, яко безбедное страхом, удобее молчание, песни же ткати спротяженно сложенные неудобно есть...»

Как в этот день Всех святых нам с вами не вспомнить древние псалмы, хотя бы всем известный 136 псалом: «На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона». Наверное, нам тоже нужно было бы, вот, прямо с первого же дня Петрова поста начать плакать о Церкви, начать плакать «о себе и о детях наших», и о нашей истории, и о нашем будущем. Потому что величайшая святыня, величайшая жемчужина Небесного Царства нами как бы потеряна или ушла вместе с градом Китежем куда-то на дно, и найти ее сложно, она пребывает лишь в некоей мифологизированной памяти церковного народа.

Нам с вами, дорогие братья и сестры, более всего надо думать об этом и плакать об этом, и каяться за себя и за других. Это надо делать именно нам, если мы вообще хотим что-то сделать для возрождения Христианства, для возрождения Православия, для обновления нашей святой Церкви. И наверное, нам надо было бы при этом оставить все, чтобы последовать за Христом в поисках драгоценной жемчужины Христовой Церкви. А мы продолжаем искать духовных наслаждений, духовных песен, духовных ритмов. Мы продолжаем осуждать историю и наших современников, которые не живут по-христиански в Христовой Церкви, сами не сделав того, что заповедует нам Бог.

Конечно, что бы мы ни сделали для Бога и Церкви, все будет яростно отрицаться, все будет вызывать все более и более тяжелые гонения и страдания. И если мы не будем к этому готовы, мы никогда ничего не сделаем. То, что мы с вами успели сделать за последние десять-двадцать лет, — это, повторяю, лишь первые шаги, это лишь то, без чего нельзя ничего начинать, это выход на старт, а не подход к финишу. Если не делать того, что мы с вами делали до сих пор, то вообще нельзя по совести находиться в Церкви, нельзя совестливо по-христиански жить, нельзя смотреть друг другу в глаза без лжи и лукавства, без лицемерия и ханжества, без тех вещей, которые заполнили христианскую жизнь и закрыли от глаз людских святыню Христовой Церкви.

Но люди выходят на старт не для того, чтобы там покрасоваться в интересной позе, а для того, чтобы потом бежать и выигрывать, о чем и говорит нам апостол Павел: «Так бегите», — бегите на этом духовном ристалище и получайте венец нетленный. Если люди, желающие получить тленный венец и тленную земную славу, отдают всю свою жизнь для такого бега, то почему мы не делаем этого для обретения нетленного венца и славы нетленной? Почему мы боимся быть самими собою? Почему мы сохраняем лишь свое спокойствие? Как будто мы призваны жить лишь для себя, как будто наше жительство не на небесах! А святой апостол Павел нам говорит: «Никто из нас не живет для себя и не умирает для себя, но живем ли мы, умираем ли, мы всегда Господни». Вот это — финиш, это — тот Фавор, который нам был уже показан когда-то, но до которого нам надо теперь долго и трудно идти и к которому мы и пойдем тогда, когда призовет нас к этому Господь, нас, вышедших уже на старт.

Пусть же, дорогие братья и сестры, этот день и воспоминание Всех святых, святых ведомых и неведомых, святых, определенных не соборами, не синодами, не другим каким-то человеческим суждением или властью, а Самим Богом, Его Словом и Духом, пусть память этих святых будет для нас питательным корнем в нашей церковной жизни и в нашем служении!

К слову сказать, так Господь судил, что я лишь сегодня узнал, когда в церковной истории впервые произошла официальная канонизация. Я был поражен этим, хотя прежде считал, что церковную историю все-таки как-то знаю и чувствую. Я был поражен, что это произошло лишь во второй половине XIV века: первая известная нам официальная канонизация — это канонизация св. Григория Паламы, случившаяся в 1368 году. А до этого никогда и нигде, представьте это себе, не было официальных канонизаций святых! Если народ кого-то чтит, того и чтит церковь, тому составлялись молитвословия, того и призывали для молитвы, молитвенной помощи. Но никому никогда прежде церковное начальство не указывало, кого чтить, а кого не чтить. Посмотрите, сколько копий сейчас ломается в связи со всякого рода «канонизациями», люди готовы даже разделять церковь по этому признаку: канонизирован Николай II или не канонизирован, канонизированы официально новомученики или не канонизированы, и сколько, и как, и т.д., и т.п. До чего же мы, братья и сестры, пали, до какой степени мы оказались бесчувственными к проповеди Христовой!

В заключение скажу лишь еще об одном. Сегодня к нашей радости, к нашему счастью впервые после Пасхи закончили свою Светлую седмицу еще несколько групп новопросвещенных, воцерковившихся в день Святой Троицы. Некоторые из них находятся здесь, хотя, к сожалению, не все. Действительно, тем, кто входит сейчас в Церковь, важно понять, куда они входят, важно проникнуться благоговением перед образом святой Церкви, хотя бы начиная с этого праздника Всех святых. Но они же должны и понимать, что затемняет лик церковный. Они сразу должны это верно понять и сразу это верно оценить, чтобы потом им не смущаться, как «откровением», какими-то публикациям в газетах и какими-то разговорами, чтобы ничто не могло их выбить из Церкви: ни личные грехи, ни грехи церковных деятелей любого ранга, ни грехи христианской истории. Они должны быть в Церкви, они должны жить в ней, зная, что эта жизнь может и

должна быть для них откровением вечности.

Давайте же порадуемся за них, что у них еще все впереди! Они, делая первые шаги в глубину чистейших церковных вод, имеют возможность не путать мутные мирские потоки с этими кристально чистыми водами. Пусть они живут в этой святине, в этой чистоте, на этой глубине и в этой высоте! Пусть они живут и приносят плод — для себя и для других, чтобы Церковь наша могла достойно обновиться, возродиться и служить здесь и сейчас так, как это было ей дано по дару Святого Духа и по дару Христову Богом — нашим единым Небесным Отцом!

Аминь.

Из проповедей после вечерней молитвы. Слово в день Всех святых.

5 июня 1999 года.

: Мой путь к Богу и в Церковь.

Свидетельства

А. Б.

«Я увидел смерть своей души... и я пришел»

В моей семье нет верующих. Мои деды были убежденными сталинистами и ими же и умерли. Один из них работал в МВД, другой в КГБ, оба были полковниками. Моя мама — полковник МВД. Отец умер в 33 года, когда мне было 10 лет.

Так или иначе, но с самого детства я тем или иным образом касался людей церковных: это была и соседка по коммунальной квартире, и знакомые, и знакомые знакомых. (Однажды, уже будучи юношей, я даже прожил почти месяц при храме в селе Васькнарва, на границе Псковской области и Эстонии, священником там был о. Василий.) И всегда в этих людях меня поражали их внутренний покой и ощущение света и радости, от них как бы исходящих.

Крестился я сознательно в 27 лет, но сказать, что я действительно осознавал этот шаг во всей его полноте и ответственности, я не могу. Скорее этот шаг был интуитивным. Затем были встречи со многими и различными людьми, которые потом почему-то становились верующими. В этом смысле жизнь меня, конечно, баловала: те люди, с которыми я сталкивался в своей жизни, были всегда «звезды» в том или в другом. Одни были интеллектуалы, другие имели великое сердце, третьи... в общем, я сам удивлялся и радовался тем, среди кого я жил, — это был сияющий небосклон. Но то, что они становились христианами, ставило меня в тупик. Я не мог понять, как и зачем свою высоту нужно облекать в какую-то форму, выстаивать часами на службе, креститься, кланяться, когда и так все вроде понятно: Бог — есть, мы в Него, конечно, верим, чего же еще?

Потом... Потом я вдруг понял, что разрушаюсь, т.е. начинаю просто физически гнить: я стал чувствовать запах гнили, исходящий от меня. К этому времени я стал совершенным алкоголиком, я пил уже почти 20 лет (да еще и курил), и доза все увеличивалась. Сначала, когда я был школьником, это было пиво, потом — вино, и наконец, водка, — каждый день! Я потерял семью, вернее, сам разрушил ее, работу, став работать только на то, чтобы было на что выпить. Потом, пьяный, я пытался убить жену, но соседи вызвали милицию. Так я оказался в тюрьме. Там, когда меня однажды выводили на работу, сокамерники попросили меня найти

что-нибудь почитать. И вот, убирая помещение, я открыл один из шкафов и увидел там ряд книжек в мягких обложках. Я взял, не глядя, сколько уместилось в руке, и засунул за пояс. Когда я вернулся в камеру, оказалось, что одна из этих книжек была Евангелие — оранжевая такая брошюрка. И читая там Евангелие, я почувствовал, что что-то произошло: я увидел себя перед Богом. Я почувствовал холод, мрак и одиночество жизни вне Бога. Я узнал свой ад. Это когда ты — как бумажка, гонимая ветром, которая считает, что она есть для жизни, раз она сама так думает. Но для жизни-то ее нет, она даже и не мусор, который все же убирают, ее и для ветра-то нет: он, ветер, и так дует, есть ли бумажка или ее нет. В этой кажущейся такой живой на ветру бумажке я увидел свою смерть — нет, не физическую смерть, а смерть своей души.

Потом... потом стало происходить то, чему бы я не поверил еще за год до этого. Алкоголизм отошел от меня. Сейчас я не пью ни грамма и не курю, выстроились отношения с теперь уже бывшей женой (она развелась со мной, когда я сидел), сын радуется и ждет наших с ним встреч, появилась работа.

Не могу не рассказать о том, как я пришел на оглашение в этот последний раз (я начинал оглашаться до этого два раза, но оглашения не завершил — всё из-за водки, как я думал).

Иду я как-то на платформу (на ж/д станции, где я живу), спешу на работу. Смотрю, стоит на ней один мой знакомый, человек верующий, но лично мне несимпатичный, и так мне не хотелось ехать с ним до Москвы... но, думаю, то, что он хочет быть христианином, стоит того, чтобы переступить через собственную «жабу» и в этом быть с ним рядом. В общем, подошел я к нему:

— Привет.

— Привет.

— Куда едешь?

Оказалось, едет он на Покровку, в помещения Высшей школы, помогать делать там ремонт. Ну, думаю, хорошо бы, конечно, с ним туда съездить, посмотреть, как там и что. В свое время я делал там белый шкаф в туалете, над унитазом, вот и думаю: как он там? Вот только на работе будет визг, крик: почему опоздал? Поэтому, думаю, в другой раз как-нибудь съезжу.

Едем мы едем, перед самой Москвой я все же решил — пойду с ним на Покровку, а на работе пошумят, конечно, но, думаю, поймут, когда я объясню, что и как. Идем мы с ним по бульвару от «Чистых прудов», и хорошо так — утро, лето, солнце, и тут что-то меня смутило, и я, обернувшись, вижу идущего шаг в шаг с нами Витю К. «Здравствуй, А., — говорит Витя, — приходи к нам на оглашение». (Меня, помню, так поразило, что через столько лет он помнит мое имя!) Я спросил у него: «Когда?» А он говорит: «Сегодня и приходи». А это был как раз понедельник, в этот день о. Георгий вел группу некрещеных. И я пришел.

1 марта 1999 год.

Александр Сандырев: Современное оглашение в Русской Православной

Церкви и критерии его качества

Миссионерство и катехизация

Главная проблема современной церковной действительности — это дефицит церковности в церкви, причиной которого является, как правило, формальное и однобокое, а значит, нецелостное воцерковление. Поэтому оценка критериев качества оглашения — это, по существу, оценка вхождения человека в Церковь и его жизни в ней. Следовательно, тема нашей работы напрямую связана с темой границ Церкви. По нашему глубокому убеждению, такая граница только одна — это врата Церкви. Все остальные границы, которые народ Божий воздвиг за время своей истории, суть не границы Церкви, а границы в церкви и в мире сем, как следствие трагического разделения между верующими. Врата же Церкви — это Сам Христос со Своими верными, ожидающие каждого человека, приближающегося к ним. И уже само приближение ко Христу, видение Его «издалека», как писал Н.Лесков, «касание Ризы Христовой», по существу является мистическим вступлением в Церковь или хотя бы приближением к ней. Отсюда следует, что такое вступление не может быть формальным и, соответственно, критерии качества оглашения тоже не являются таковыми. Основным показателем некачественного оглашения, по большей части выражающегося в отсутствии оглашения как такового, как раз можно назвать формальность или магичность «воцерковления». Это происходит при стилизации или идеологизации какой-нибудь одной линии в церковной действительности, либо утилитарном использовании церкви корысти ради, ради воплощения своих амбиций, удовлетворения собственного тщеславия и т.д., и т.п. Поэтому если мы определяем, что есть оглашение, то нам остается только свидетельствовать о его полноте или неполноте. Исходя из этого, критериями качества оглашения мы назовем те признаки, которые свидетельствуют о полном и целостном вхождении человека в Церковь, которое обусловлено тремя границами и аспектами на пути его воцерковления.

Во-первых, аспект этический. Он определяет вхождение человека в пространство воли Божьей. Главная задача здесь — осознать те грехи, которые никак не совместимы с христианской верой: «Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской. Неужели мы решимся раздражать Господа? Разве мы сильнее Его?» (1Кор 10:21-22). Оглашаемому необходимо понимать, что не он делает одолжение Церкви и Богу, но Сам Господь нисходит к его слабостям и немощам и призывает его к Себе. Началом его этической работы будет осознание страха Господня, от которого рождается благоговение и трепет — необходимое условие всего процесса оглашения.

Во-вторых, аспект мистериальный, под которым мы понимаем весь спектр усилий, совершаемых оглашаемым для того, чтобы Бог действовал в нем: «Мое дело — говорить, твое — соглашаться, а Божье — совершать», — говорил, обращаясь к оглашаемому, св. Кирилл Иерусалимский. Только через определенного рода действия, которые мы и называем мистериальными, возможно открыться Богу и Церкви. Под ними мы понимаем весь набор творческих интенций человека: вчитывание, вслушивание, всматривание, проникновение в суть и глубину и всякое кропотливое и тщательное, а значит, неформальное знакомство с церковной жизнью и традицией, Священным писанием, храмовым богослужением, также участие в обрядах и таинствах, а в дальнейшем — более полное и деятельное погружение в христианскую жизнь.

В-третьих, аспект мистический, являющийся скорее следствием и завершением двух предыдущих аспектов, нежели особой работой. Личная встреча со Христом и рождение свыше, призванность и избранность, опыт духовной свободы и благодатной любви, свидетельствующих

о действенности совершенных таинств, — все это благодатные дары, которые Господь дает всякому приходящему к Нему: «Жаждающему дам даром от источника воды живой. Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном» (Откр 21:6-7). Конечно, совершенство в христианской мистике есть богосыновство, но оно в полноте откроется нам только в жизни будущего века.

Итак, качество оглашения зависит от наличия в нем всех этих аспектов и сочетания их друг с другом, а критерии этого качества — их раскрытость и развернутость в процессе оглашения.

На критерии качества можно смотреть в двух контекстах:

- 1) Катафатическом, который описан выше в форме трех аспектов. Суть его заключается в следующем: через постановку задач оглашения свидетельствовать об их достижении и воплощении.
- 2) Апофатическом, или отрицательном контексте, который определяет границы оглашения, достоверно выявляющие его отсутствие, а также негативные явления, недопустимые в катехизации и препятствующие целостному вхождению в Церковь.

В нашей работе мы попытаемся осветить катафатический контекст более полно, апофатический же затронем фрагментарно, указав, может быть, только на самые грубые искажения в ходе оглашения.

Также мы не будем касаться частных случаев в катехизаторской практике, так называемых особенных катехуменов, потому что здесь требуется особый и обстоятельный разговор.

Мы постараемся показать, как нам видится «идеальное» оглашение, т.е. то, что нам самим хотелось бы являть и чего мы надеемся достичь в будущем. Для этого, собственно, и написана настоящая работа.

Качество процесса оглашения

Главным методом нашего анализа будет дифференциация качества оглашения на качество итогов и качество процесса [4].

Качество итогов напрямую связано с целями оглашения, которые мы рассмотрим ниже, постаравшись обратить на них особое внимание, а также затронуть некоторые проблемы для дальнейших исследований в этой области.

Качество оглашения как процесса, собственно, и связано с самим ходом оглашения. Его можно рассмотреть с двух сторон:

- 1) Качественность самой катехизации — то, как ее организует катехизатор, насколько своевременны его действия и слова, адекватно ли восприятие вопроса оглашаемого и, соответственно, убедительность для него и действенность ответа катехизатора, то, насколько современно он выражает учение Церкви. Надо отметить, что качество процесса от катехизатора зависит особенно сильно, и в связи с этим указать на главные требования, предъявляемые к нему. Во-первых, это укорененность в церковной традиции, в личном христианском подвиге, дабы «соль» и «свет» его были очевидны всем, даже внешним; во-вторых, его неотчужденность от проблем и боли всех людей и всего мира; в-третьих, уровень его образованности и культуры, способность «толково и разумно говорить о Боге». Иными словами, он должен всегда пребывать в Духе и при этом отвечать на вызовы своего времени, т.е. быть современным: «Слово ваше да будет всегда с благодатью, приправлено солью, дабы вы

знали, как отвечать каждому» (Кол 4:5-6).

2) Область жизни самого оглашаемого. Как отмечалось на семинаре катехизаторов Огласительного училища Свято-Филаретовской школы [4], «при любом, даже самом качественном оглашении, один из двенадцати может не огласиться». Необходимо сознавать, что катехизация — процесс синергийный, свобода и ответственность каждого человека имеют здесь решающее значение. Качество процесса как личной жизни оглашаемого зависит от множества факторов: духовного состояния церкви и общества; образования, воспитания, семейного положения, возраста, здоровья, положения в обществе, профессии и даже пола оглашаемого; уровня его воцерковленности или прицерковленности (обычно люди, приходящие на оглашение, имеют уже сложившийся «христианский менталитет» со своими представлениями о Боге, о Христе, о Церкви).

Одна из самых сложнопреодолимых проблем — это укорененность человека в грехе на всех уровнях: духовном, душевном и телесном, и в том числе — увлеченность оккультизмом, спиритизмом, магией и астрологией, экстрасенсорикой и практической йогой. Все подобные смертные грехи требуют увеличения срока оглашения до трех или даже пяти лет (по древним канонам) [4]. Как мы видим, от самого оглашаемого зависит многое. Иногда очень толстая кора условностей закрывает безусловное, сокрытое в глубине человеческого сердца. Вот прорваться к такому сердцу — и значит сделать оглашение качественным. Требуется «малость»: оживить человека, чтобы бревно (а таким является каждый, живущий во грехе) пустило ростки, а впоследствии укоренилось и, наконец, зацвело. Таким образом, можно сказать, что пускание ростков и корней — это качество процесса, а последующее цветение и плодоношение — качество итогов. Если катехизацию можно сравнить с жизнью, ее зарождением и развитием, с вечнозеленым деревом, постоянно плодоносящим и цветущим, с чем-то очень живым, может быть, самым живым, что мы можем себе помыслить, то в силу этой животворной образности следует признать, что наша разделительная дифференциация хоть и необходима, но все же условна, и мы используем ее лишь как метод для целостного понимания нашего служения, к чему мы теперь и переходим.

Однажды начавшись, оглашение продолжается для христианина всю его жизнь. Это происходит благодаря принципу диалектичности (это понятие мы употребляем здесь в его прямом и первом смысле — как искусство вести диалог, предполагающее взаимную открытость для словесного влияния друг на друга) отношений человека и Церкви, который, в свою очередь, предполагает их стремление друг к другу. С одной стороны, это призыв Нетварного к тварному, с другой — жажда и тоска тварного по Нетварному, в конечном счете выражающаяся в желании тварного стать нетварным. Действительно, человека может удовлетворить только абсолютная любовь и свобода, только в полноте творческой жизни он может жить осмысленно и радостно. Но все мы почти каждый день ощущаем, что очень далеки от этих идеалов. В связи с этим возникает проблема нашей заданности, в Священном писании раскрывающаяся как тема призвания человека к своему пути. К сожалению, большинство современных людей ощущают скорее свою заброшенность, чем свою заданность. Здесь и происходит основной экзистенциальный конфликт человеческой личности. Весь клубок противоречий, связанных со взлетами и падениями, надеждами и разочарованиями, постоянно пребывает в сердечной памяти человека, и можно сказать с абсолютной уверенностью, что каждый, приходящий на оглашение, имеет такой отрицательный жизненный опыт, исключающий случайность прихода на оглашение [6]. На нем, точнее, на его разрешении и осмыслении, оно и стоит, но решить эту проблему во всей полноте само по себе оглашение не в силах: пройдет еще немало времени, прежде чем человек научится видеть в своей жизни руку Божью, увидит все события прошлые, настоящие и, возможно, будущие в свете Промысла Божьего, научится церковно относиться ко всем проблемам своей жизни. Поэтому первая задача оглашения — вернуть человека к его

заданности и его призванию, к уникальности и оригинальности его личности, раскрывающейся на том пути, который он выбрал и на который встал. Это первый и главный критерий качества процесса оглашения. Пока человек не поймет, что творение его самого все еще продолжается и даже только началось, никакого оглашения не будет. Вот как писал об этом протопр. Николай Афанасьев: «Призывая все языки вступить в Церковь, Церковь обращается ко всем через каждого в отдельности. К человеку обращен призыв Божий, и крещеный входит в Церковь как человек, сохраняя свое неповторимое и единственное лицо. Человеческая личность не растворяется в Церкви, но Церковью охраняется, точнее сказать, человек, вступая в Церковь, становится в ней личностью» [10, с. 17].

Четыре направления оглашения и их плоды

Итак, мы определили, что оглашение — это процесс диалога Церкви (как правило, в лице катехизатора) и человека, пришедшего на оглашение, но диалога не спонтанного, а направленного и выправляющего, имеющего всякий раз конкретную и реальную цель. Теперь мы попробуем очень кратко оценить критерии качества процесса по четырем направлениям, а также поставить некоторые проблемы, связанные с итогами оглашения.

а) Первое из четырех направлений — чтение и изучение Священного писания, занимающее большую часть времени и внимания оглашаемого. Оно касается всех трех аспектов, описанных выше. Поэтому вхождение в дух и смысл Священного писания — один из залогов качественного оглашения. Все Писание свидетельствует о Христе, Он — главная тема Писания: «Значит вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, возведенные на основании апостолов и пророков, а камень краеугольный — Сам Иисус Христос, на Котором все строение скрепляемое вырастает в храм святой в Господе: на Нем и вы устраиваетесь, чтобы вместе быть жилищем Бога в Духе» (Еф 2: 19–22). Таким образом, показать целостность Писания и научить в нем «дочитываться до Христа» — первая и основная задача в этом направлении. Вторая, не менее сложная задача — открыть человеку соотнесенность его жизни с жизнью Человека—Христа, через образ Христа показать призвание человека. Плодом такой огласительной работы будет решимость оглашаемого на главное делание всей христианской жизни — подражание Христу: «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Фил 2: 5).

О втором направлении — личной молитве — очень сложно говорить в контексте критериев качества. Как правило, что бы человек ни говорил о своей молитве, главное всегда остается втайне — сокровенным опытом человеческого сердца. Цель этого направления — научение свободе и ответственности в предстоянии перед Господом, выражающееся в различении оглашаемым молитвенных состояний: механического, магического и собственно мистического, который и есть подлинная молитва, приносящая плод: «личный ответ Бога в сердце, изменяющий не только настроение, но и внешнюю и внутреннюю жизнь оглашаемых» [1, с. 66], т.е. критерий качества — это действенность молитвы, исходящей из глубины веры и одновременно укрепляющей веру, научающей не правилу, но личностному обращению к Богу.

Третье направление — вхождение в богослужение и вообще храмовую жизнь церкви. Главная проблема здесь — в доверии и открытости к церковному собранию. К сожалению, в последние годы в этом отношении возникают особенно большие, а порой и непреодолимые трудности. Болезненное состояние церкви, ее грехи, оскудение в ней любви, духовный паралич совершенно неприкрыты и откровенно бросаются в глаза любому, переступающему порог современного храма. Как, несмотря на это, показать, что в нашей церкви действует Господь, что таинства, совершаемые в церкви с искренним сердцем, действительны и актуальны, как научить людей одновременно трезвому и открытому отношению к насущным церковным проблемам? Наконец, как открыть главное, к чему должно вести это направление, а именно

общинность, когда вся так называемая «православная традиция» противится этому? Конечно, это все-таки возможно, и критерий качественного процесса в данном контексте выражается очень просто: как быстро группа оглашаемых осознает, что они собраны Господом не случайно, как быстро они впоследствии рождаются в общину, в духовную семью, т.е. становятся малой церковью, несмотря на все те препятствия, которые описаны выше.

И наконец, четвертое — этическая работа над собой. С одной стороны, это выражается в очень простой задаче — в личном покаянии, приводящем к признанию себя грешником [1], когда человеку становятся очевидны те смертные грехи, которые разлучают его с Богом. Но с другой стороны, актуализация совести как голоса Божьего в человеке опять приводит нас к векторному пониманию нашей жизни как стремления к пределу нравственного совершенства, а значит, снова ко Христу. Отсюда видно, что этим направлением как бы замыкается круг, мы приходим к некоторой целостности процесса оглашения: каждая из частей этого круга, взятая в отдельности, не даст нужного результата, брошенные семена без какого-либо жизненно важного компонента очень скоро засыхают и умирают. Следовательно, параллельное исполнение всех четырех направлений — главный критерий качественного процесса: «Основным содержанием процесса приглашения является постоянный призыв человеческой совести к вере в Единого Бога и во Христа Его, а значит, к Покаянию, Обращению, Возрождению и Обновлению всего человека, к Единению его с Богом и Его народом в Любви и Свободе Духа. Главное дело миссионера в его служении — возвещение людям в историческом времени керигмы Церкви и призыв к Покаянию через осознание себя и мира сего в бедственном положении в силу противоречия между предчувствием своего высшего призвания в прекраснейшем мире и реальностью господства зла в нем и в себе» [2, с. 65–66].

Вот о таком призыве «сразу ко всему всего человека» катехизатору необходимо помнить каждую минуту во время огласительных встреч. И не только помнить, но и самому являть своей жизнью целостность и гармонию всех своих действий и усилий: тогда «и во всем, что он ни делает, успеет» (Пс 1: 3). Ведь если он даже очень красиво и толково может отвечать на вопросы, но какую-то малость будет постоянно упускать или устраняться от этой тяжелой и кропотливой работы (постоянного призыва к покаянию, к молитве, хождению в храм, чтению Священного писания и т.д.), то грош ему цена как катехизатору. Самые большие проблемы в группах возникают, как правило, по легкомыслию и недосмотру катехизаторов, их безответственному отношению к своему служению.

б) Из этого вытекает следующая проблема, которую здесь мы можем только поставить: какие плоды мы можем «требовать» от оглашаемых во время самого процесса оглашения? В работе свящ. Георгия Кочеткова «Возможная система оглашения в РПЦ в современных условиях» мы читаем: «Цель первого этапа оглашения — дать возможность человеку проверить истинность своего выбора и, с другой стороны, проверить Церкви самого этого человека, искренность и последовательность его христианских намерений (по его духу и плодам в отношении к Богу, себе и ближним)» [1, с. 4]. Такая «проверка» Церковью «самого этого человека и его искренности» в разных ситуациях представляется очень сложной задачей. Тот, кто занимается катехизацией практически, худо-бедно это как-то делает. Но где гарантии того, что катехизатор всегда адекватен той реальности, которую представляет группа, особенно, если это не очень опытный катехизатор. Имеем ли мы право только интуитивно, по глазам и духу определять искренность оглашаемого и последовательность его выбора? Не можем ли мы и в наше время создать нечто подобное «Апостольскому преданию» св. Ипполита Римского [7, с. 38–49], предлагавшему четкие требования к приходящим на оглашение? Думается, что традиции современного катехумената в Православной церкви позволяют это сделать адаптированно к современным условиям. Проблема качества процесса оглашения — это проблема вхождения в Церковь, проблема церковных врат. Горько видеть, что тем, кому

Господь доверил власть вязать и решить, потеряли все ключи от церковных ворот и сделали из церкви проходной двор. Уже давно в церковь может прийти прелюбодей и убийца и, причастившись святых Таинств, идти и вновь грешить и распинать Господа нашего Иисуса Христа. Дух безответственности, который рождается от этого и который оглашаемые видят вокруг себя в любом храме, как ржавчина, разъедает весь процесс оглашения. Один из ранних учителей церкви Тертуллиан советовал не креститься не только детям, которые не могут еще осознанно выбирать свой путь, но и безбрачным «подверженным искушениям» молодым юношам или девам: «Если бы осознали всю вескость Крещения, то скорее опасались бы поспешности, чем промедления: непорочная вера не тревожится за свое спасение» [8, с. 104].

Итак, в наше время уже назрела работа по отделению плевел человеческих преданий от зерен Христовой истины. Как сделать отношение к Церкви, ее таинствам и самой жизни во Христе ответственным и благоговейным, как избежать всевозможной профанации в современной церкви? Я думаю, выход только один — определить и сформулировать критерии, очевидные для самого оглашаемого, свидетельствующие о том, что он встретился со Христом и имеет твердое намерение жить по-христиански.

Итоги оглашения

Для рассмотрения итогов оглашения их необходимо сначала соотнести с телеологическим контекстом, или задачами оглашения в целом. В чем «телос»¹ каждого из описанных нами аспектов: этического, мистериального и мистического? 1 Греческое слово «телос» означает одновременно и конец, и цель. — Прим.ред. Перед разбором каждого из аспектов попробуем по существу ответить на вопрос: когда мы можем признать оглашение состоявшимся? Сразу представляются две вещи. Во-первых, личная встреча со Христом, во-вторых, понимание воцерковленности через общинность, выражающуюся в деятельной любви к братьям и сестрам: «Фарисеи же, услышав, что он заградил уста саддукеям, собрались вокруг Него, и спросил один из них, законник, искушая Его: »Учитель, какая заповедь большая в Законе? Он же сказал ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумом твоим», это большая и первая заповедь. Вторая подобная ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». На этих двух заповедях держится весь Закон и Пророки"" (Мф 22: 34-40). Но такое определение оглашения, в силу своей универсальности и идеальности, требует дальнейшего детального раскрытия того, как это реализуется, во-первых, в каждом из трех наших аспектов, и во-вторых, — в практике нашей церковной жизни. Итак, задача этических устремлений на оглашении сводится к построению своей иерархии ценностей. Катехумену открывается закон Божий и воля Божия, но от него зависит, как он включит ее в свою жизнь и на какое место поставит. А это, в свою очередь, зависит от прояснения смысла жизни, который для каждого христианина заключается в осознании себя личностью, абсолютно значимой «единицей» перед Богом, людьми и миром. В приведенном выше отрывке мы это соотносим со словами Христа: «Возлюби Господа всем разумом твоим». Именно только после осознания себя личностью человек и в другом способен видеть такое же личностное начало, такую же призванность и уникальность его пути, и более того, видение единства их путей. Здесь уместно вспомнить «золотое правило этики», которое только таким образом и исполняется. В жизни это раскрывается через открытость друг к другу и достижение братской любви (агапи). На оглашение приходят люди разных интересов, разного возраста, семейного положения, жизненного опыта, да и просто каких-либо психологических особенностей, т.е. того, что обычно мешает людям открыться и доверять друг другу, но в огласительной практике это становится не только не разрушительным, но напротив, удивительно жизнеобразующим началом, поскольку объединяет их Дух, и они это чувствуют, и очень важно, чтобы они это ценили. Тогда потеря каждого человека будет ощущаться как зияющая дыра, которую ничем нельзя заполнить, кроме Того, Кто может ее заполнить. Вот такое ценностное отношение к

ближнему, видение в нем образа Божия и является главным плодом этического аспекта. От этого рождается столь необходимое чувство такта и желание не обидеть ближнего своего, не равнодушная, но активная позиция: «Итак во всем, как хотите, чтобы люди поступали с вами, так с ними поступайте и вы» (Мф 7: 12). Однако необходимо уточнить, что этический аспект апеллирует только к пониманию человека, к его разуму, и если все чувства и сердце человека молчат, мы не можем успокаиваться и считать свою задачу выполненной.

Далее следует мистериальный аспект, который выражается в словах Христа: «Возлюби Господа Бога твоего всею душою твоею». Все прошлые, настоящие и будущие интенции человека должны соотноситься с пространством воли Божьей, в которое человек вошел через этический аспект, через свое волеполагание. И здесь открываются два момента. Во-первых, человеческое волеполагание должно, по образу Христа, неразрывно и нераздельно сочетаться с божественной волей. Во-вторых, наши чувствования должны стать такими же, как у Христа (Фил 2:5). Церковностью в данном контексте мы назовем желание работать и тщательно разгрести весь багаж и опыт своей прошлой жизни. Все до последней мелочи должно быть просвещено, а затем и преображено. На практике это реализуется через аскетику, участие в богослужении и таинствах, да и вообще любое созидательное усилие, направленное на благо Церкви. Поэтому главный итог этого аспекта — не только понимание и видение своей призванности, но и реализация ее в жизни, воплощающейся в служении Богу и ближним.

Задачу мистического аспекта можно свести к одной фразе, сказанной св.Серафимом Саровским: «Цель христианской жизни лежит в стяжании Духа Святого», что соответствует словам Христа: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим». Именно этот аспект и является основным для определения действенности оглашения, несмотря на всю его неформальность и сокровенность. Личная встреча со Христом и опытное ощущение благодати, или, говоря церковным языком, пребывание на Фаворе с Господом и всеми святыми Его, является главной целью оглашения и главным ее итогом [11, с.32-38]. У большинства оглашаемых это особенно ярко проявляется во время Светлой таинствоводственной седмицы. В это же время, как правило, происходит и духовное единение людей. Об этом мы писали выше, когда речь шла об этическом аспекте. И действительно, в мистике общинности эти два аспекта сходятся, точнее, этика открывает дверь в мистику. Через исполнение правил добра и красоты возбуждается влечение сердец друг к другу. Старец Силуан называл такой первоначальный общинный опыт малой благодатью: «Смотри умом, что делается в душе. Если небольшая благодать, то в душе мир, и чувствуется любовь ко всем» [9, с. 262]. Так и завершается качественное оглашение - получением такой вот малой благодати как залога, который необходимо воплотить в будущем в личном благочестии. Это воплощение и свидетельствует о полноте или неполноте оглашения. Как человек прошел «пустыню» 2 после оглашения? Как потом смог «наладить» ритм и дыхание своей христианской жизни? И наконец, стал ли он самостоятельным, т.е. свободным и ответственным за все свои действия и особенно бездействия перед Богом и Церковью?

2 См. об этом «Православная община» № 51, с. 36-68.

Показав критерии каждого из аспектов, важно также указать на их неразрывную целостность. Основные ошибки оглашения, соответственно, возникают при тех или иных недочетах и упущениях в каждом из аспектов. Однако если речь идет только о недочетах или упущениях, которые так или иначе, в той или иной форме всегда могут присутствовать в силу нашей человечности, то мы не можем говорить о неоглашении, а только о его неполноте. Но проблема возникает, когда необходимо засвидетельствовать отсутствие оглашения как такового. Имеем ли мы такие полномочия? Можем ли мы отказывать человеку в его церковности? Я думаю - да! Это проблема различения духов: «Возлюбленные, не всякому духу верьте, но испытывайте

духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия узнавайте так: всякий дух, который исповедует Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога» (1Ин 4:1-2). Исповедание Христа, пришедшего во плоти, соответствует в нашей терминологии гармоничному развитию каждого из трех аспектов. Если один из аспектов развивается недолжным образом, то здесь и происходят главные искажения духа оглашения, доводящие до нивелирования его самого.

Самый печальный и грустный пример проявляется, как и всегда, на высотах духа, и связан с мистическим аспектом. Человек, получивший благодать в каком-то благодатном и радостном чувстве или ощущении, живет только этим ощущением, и ни о чем другом не заботится. Только от того, что внутри его что-то родилось и свершилось, он сразу причисляет себя к верующим и на этом успокаивается. Такое искажение оглашения мы назовем спиритуализацией веры, возникающее, как правило, у интеллектуальных, высоко думающих о себе людей. Когда человек живет «чистой» духовностью без ее реализации и воплощения, то с ним и происходит главное повреждение личности – прожжение совести. Не случайно Писание называет такую веру бесовской: «Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь: и бесы веруют и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?» (Иак 2:19-20).

На мистериальном уровне эти искажения, как правило, выражаются в привычном и близком всем нам магическом мироотношении. Это основная трудность в современном церковном сознании, она захватывает и прельщает не только простых и невежественных бабушек — почти каждый неопит проходит через эти искушения.

И наконец, в третьем, этическом аспекте эти искажения можно вывести как нетолерантность (нетерпимость), доходящую до агрессии к миру и людям. Сухой и плоский морализм, духовный ригоризм, да и вообще нечеловечность — вот главные формы этого искушения, с другой же стороны — это либерализация этики, ее «демократичность», в Писании осужденная как ересь николаитов (Откр 2: 6).

Мы попробовали указать на главные ошибки оглашения, его неправильные ходы, но, разумеется, этот список неполон. Необходимо целостное исследование этой темы критериев качества оглашения в апофатическом разрезе, т.е. рассмотрение того, чего в нем не должно быть, что противоречит его внутренней логике и никак не совместимо с его целью.

Итак, главные ошибки, как и главные критерии, всегда связаны с понятием полноты огласительного процесса. Конечно, самой полноты христианской жизни оглашение не в силах достичь, но оно должно задать человеку тон, само понятие о полноте, интуицию ее, а самое главное — стремление к полноте во всей своей целостности, «пока мы все не придем к единству веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру возраста полноты Христовой, чтобы не были мы больше младенцами, колеблемыми и носимыми всяким ветром учения по нечестной игре человеческой, хитростью совращающей нас в заблуждение, но чтобы, говоря истину в любви, мы во всем возрастали в Того, Который есть Глава Христос» (Еф 4: 13-15).

* * *

Итак, основной критерий качества оглашения лежит не на поверхности, а в мистической области, в жизни человеческого сердца. Соответственно, главная задача оглашения — прорваться к человеку и его сердцу, но нельзя забывать и о том, что оглашение не достигнет своих целей, если все это чистое и сокровенное не проявится в реальной жизни. В Евангелии это выражено в притче о сеятеле (Мф 13: 1-9). Самое важное, как мы видим из этой притчи, —

это плоды, которые должно принести засеянное семя: если оно не прорастет и не даст плода, то все напрасно. Притча как нельзя лучше показывает суть процесса катехизации: она сама жизнь, которая, с одной стороны, требует условий для существования, как семя — для прорастания, с другой же стороны, как феномен духа, она безусловна.

Дух жизни приспособливает, меняет и даже ломает любые формы и преграды, стоящие на его пути, он и есть воплощение свободы на нашей земле. Сравнивая катехизацию с самой жизнью, можно сделать второй важный вывод: качество процесса катехизации зависит от этой меры соотношения условного и безусловного, от того, насколько полно единая на все времена христианская истина выражается в условиях современного мира. Катехизация призвана через всю оболочку условного открыть безусловное в человеческом сердце, его дух, свободу и, наконец, нетленный Божий образ, который хоть и скрыт, но есть в каждом человеке. Вот почему на катехизаторах лежит такая большая ответственность — они отвечают за самую жизнь перед Богом и Церковью, поэтому сегодня без катехизации жизнь в церкви умирает и неминуемо умрет. На катехизаторе лежит также ответственность за то мертвое, что он может пропустить в церковную ограду, а это значит, что любой нечистый мертвый дух через оглашение должен очиститься и стать живым.

Использованная литература

1. Свящ. Георгий Кочетков . Возможная система оглашения в Русской Православной Церкви в современных условиях. 3-е изд., испр. М., 1997.
2. Свящ. Георгий Кочетков . Таинственное введение в православную катехетику. Пастырско-богословские принципы и рекомендации совершающим крещение и миропомазание и подготовку к ним. М., 1998.
3. Св. Кирилл Иерусалимский . Огласительные беседы.
4. Критерии качества оглашения. Семинар катехизаторов Огласительного училища при Свято-Филаретовской высшей школе 17.12.95. Протокол. Ркп.
5. Случаи прохождения оглашения «по касательной». Семинар катехизаторов 27.06.97. Протокол. Ркп.
6. Начало первого этапа оглашения. Рекомендации семинара катехизаторов от 22.12.96. Ркп.
7. Павел Гаврилюк . История катехизации // Православная община №46.
8. Тертуллиан . Избранные сочинения. М., Прогресс-Культура, 1994.
9. Старец Силуан. Жизнь и поучения. М., Изд-во «Православная община», 1991.
10. Прот. Николай Афанасьев . Вступление в Церковь. М., Паломник, 1993.
11. Сергей Каринский . Литература для взрослых оглашаемых // Православная община № 33, с. 32-58.

Никос Ниссиотис: Харизматический аспект священства епископа

Богословие и философия

Предлагаемая вниманию читателя статья одного из самых известных и ярких греческих богословов 60–80 гг. Никоса Ниссиотиса, безвременно погибшего в 1986 г., посвящена столь актуальной сегодня проблеме переосмысления места и смысла епископского служения в христианской Церкви. Написанная в контексте межконфессионального диалога, эта статья суммирует достижения в этой области православного богословия последних десятилетий. Нельзя не обратить внимания на то, что ставший уже привычным и естественным (увы, пока еще далеко не для всех) евхаристический и функциональный (в противовес универсальному и онтологическому) подход к экклезиологическим проблемам церковного и, в частности, епископского служения тут существенно дополнен общинным и личностным, экзистенциальным подходом, что не может не радовать. Отраднo и то, что здесь преодолевается ставший традиционным уже для самой евхаристической экклезиологии взгляд на епископскую (и пресвитерскую) харизму как на единственную харизму управления в Церкви (см., например, протопр. Н. Афанасьев. «Служение лаиков в области церковного управления» в книге «Церковь Духа Святого», а также протопр. А. Шмеман. «По поводу богословия соборов» в книге «Церковь, мир, миссия», М., 1996, с. 139–152). Никос Ниссиотис убедительно показывает, что харизма «эпископе» включает в себя не только собственно церковных епископов и пресвитеров, но также христианских пророков и учителей. Это вывод, который, если он будет усвоен современной церковью, не может не оказать всестороннего влияния на церковную жизнь, и в частности, на проблему состава Вселенских и поместных соборов. Однако нельзя с сожалением не отметить, что в этой статье не вполне выявлено значение апостольского служения в его взаимоотношении с епископским, а также принципа поместности Церкви. Нельзя не отметить и того, что само понятие общины остается здесь по-прежнему неопределенным и даже расплывчатым. Ведь вряд ли мы всерьез можем называть современную епархию — общиной без потери того самого личностного измерения, на котором так настаивает автор предлагаемой статьи. Но это значит, что смешение евхаристической и универсальной экклезиологии, о котором писал еще о. Н. Афанасьев (см. *Statio orbis*. «Православная община» № 49, с. 41–53), не только остается по-прежнему непреодоленным, но даже усугубляется, ввиду включения в него еще и собственно общинного измерения экклезиологии. Тем не менее, поскольку данная проблема все настойчивее и настойчивее требует своего разрешения, мы рады возможности познакомить нашего заинтересованного читателя с работой Никоса Ниссиотиса. Печатается по: Nikos Nissiotis. *L'aspect charismatique du sacerdoce épiscopal* // *Contacts* № 183, *Zeme Trimestre* 1998, с. 215–246.

В межконфессиональных спорах обычно легко приходят к согласию в том, что священство и функции епископа должны рассматриваться в рамках священства и служения священников или пастырей, внутри Церкви, составной частью которой является сам епископ. В то же время, межконфессиональные противоречия обостряются именно в вопросе отношения к епископату. Наша экклезиология все еще основывается на юридическом и институциональном принципе, где, следуя пирамидальной схеме, епископ располагается на вершине и в практической жизни церкви превращается в единственного в своем роде администратора, оторванного от остальных верных и возглавляющего структуру церкви. Вот почему, несмотря на то, что епископ, по нашему мнению, не должен рассматриваться как нечто отдельное, существует особый интерес рассматривать его именно в таком качестве. Однако так мы рискуем исказить изучаемый предмет с самого начала, изолируя епископа от церковного контекста, без которого

невозможно и не должно приступать к этой дискуссии.

Поэтому, если исходя из ситуации и контекста разделенных традиций, мы обязаны сконцентрировать наше внимание именно на этом предмете, что с экклезиологической точки зрения неправомерно, нам надо постоянно возвращаться к церковным и общинным началам, чтобы лучше понять священство и функции епископства, как составной части всей совокупности церковной жизни. Таким образом, мое сообщение предполагает такую экклезиологию, которая ставит акцент на жизни Церкви, как основной категории всякой экклезиологии. Это значит, что эта жизнь проявляется через таинства, через написанное и проповедуемое слово, через миссию и евангелизацию, организуемую и проводимую в жизнь конкретными людьми, избранными народом Божиим, чтобы служить этому народу в силе Духа Святого, обещанного Христом Своей Церквью. Таким образом, фундаментальное понятие этой экклезиологии основывается на первичном церковном акте — собирании Духом Святым народа Божьего в согласии и едином духе в данном месте; это действие составляет необходимую предпосылку харизматической жизни церковной общины. Первенство в этой экклезиологии принадлежит общинной и литургической жизни, которая выражается в миссии и евангелизации и которая постоянно превосходит внешнюю сторону церковной институции, хотя и не отрицая ее, как составную часть общины, созданной дарами Святого Духа. Отсюда становится очевидно, что священство и функции епископа также должны пониматься как составная часть этой высшей реальности харизматической жизни Церкви, всегда подчиненная ей. Епископ — служитель этой высшей реальности, он подчинен ей вместе со всеми верными своей епархии и для них. Без этой реальности его священство и функции не могут ни существовать, ни иметь смысла. Слова св. Киприана: «Церковь в епископе и епископ в Церкви» означают не только то, что церковь в своей эмпирической реальности проявляется через епископа¹, но также и то, что епископ не может существовать без церковной общины и без полного подчинения его деятельности в этой общине и для нее. Епископа, таким образом, нельзя представить себе ни над церковью, ни вне, ни рядом, ни напротив ее, но только в ее центре, в окружении других харизматиков (т.е., здесь и далее — людей, несущих какое-либо харизматическое служение — ред.), и вместе с ними. Он соединяет их в своем лице: функция единения — это первостепенная пастырская функция. Другой исходный принцип моего сообщения заключается в том, что эта экклезиология, основывающаяся на общинной и литургической жизни, термином «харизматический» не предполагает сущностного противопоставления институционального и харизматического аспектов. И еще: в своем докладе я не ставлю цели упразднить всякую иерархию, сведя ее к простому различию харизм (т.е., здесь и далее — даров — ред.), дабы защитить их абсолютное равенство и отрицать, таким образом, власть епископа, присущую ему по самому понятию его харизмы. Цель этого сообщения в том, чтобы показать, что харизматический аспект епископства, основывающийся на таинственной и миссионерской жизни Церкви, будучи первым и главным таинством, выраженным ее харизматической общиной, превосходит всякое противопоставление институции и харизмы и не создает проблемы власти как чего-то статичного и негибкого, как это делало юридическое богословие, основываясь на онтологическом понимании природы священства епископа. Наконец, я согласен с мнением профессора Ф. Лейнхардта, который в своей замечательной работе о понятии епископа (блюстителства) в Новом завете пишет: «Между коринфскими беспорядками и склерозом церковной администрации надо искать ее путь (путь власти Церкви). Этот путь будет всегда трудным, всегда рискованным. Он постарается установить то необходимое равновесие, к которому призывал апостол Павел своих коринфских адресатов, в котором приходят к согласию требования свободы Святого Духа и требования необходимого порядка в устройении Церкви»². 1. Реальность епископата в жизни Церкви. Нельзя претендовать на то, чтобы окончательно ответить на все вопросы, касающиеся истоков и первоначальных форм существования епископата во всех поместных церквях в период первых трех-четырёх десятилетий жизни ранней церкви. Эта трудность, этот

недостаток точных исторических сведений не создает серьезных проблем у богословов Восточной церкви, если речь идет о наличии епископа в центре евхаристической и литургической общины, начиная с самого начала ее жизни, организованной в знающие свои определенные границы церковные общины. Разумеется, существовало множество форм и названий этого лица, которое находилось в центре общины, что было обусловлено, главным образом, еженедельным служением Евхаристии. В православной традиции не стараются вычитать в Библии отчетливой информации о том, какое название употреблялось во всех церквах для обозначения этого лица с самого начала организованной жизни Церкви, так как Библия не старается описывать истоки и механизмы, подтверждающие правильность церковной институции. Новый завет обращается к этой институции лишь косвенным образом и в тех случаях, когда это необходимо, чтобы показать, как разворачивалась жизнь Церкви и каким образом харизмы Святого Духа распространялись среди верных всех поместных общин. Так, можно отметить, что Библия нам дает некоторые сведения об этом; ее наиболее древние списки показывают, что епископство (как термин епископос, его обозначающий) — это титул, присвоенный старшему пресвитеру, совершающему Евхаристию, но в ней не сказано ни того, что это название было также распространено во всех церквах Запада и Востока, ни того, что в других местах оно было другим. Благодаря многочисленным публикациям профессора Г. Конидариса из Афин, мы можем, представив здесь некоторые его положения, резюмировать их следующим образом. А. С самого начала существовал акт поставления [или ординации, посвящения в сан] через возложение рук (хиротонию). Согласно книге Деяний (14: 23), пресвитеры поставлялись после общинного акта призывания Святого Духа, совершаемого одним из апостолов или, в его отсутствие, членом общины, который пользовался этой привилегией, данной апостолами. Б. Очень рано те, кто были поставлены таким более или менее сходным во всех общинах образом, стали называться пресвитерами и епископами во множественном числе, так как, по-видимому, они возглавляли собрания христианской общины в конкретном месте, особенно собрания евхаристические, керигматические и катехизические, откуда они направляли на служение харизматиков, пророков и миссионеров. Несмотря на отсутствие единых формы и названия, можно заключить, что среди них был некто, кто, в некоторых случаях, отличался от других определенным артиклем — ... (2 Ин 1: 1; 1 Ин 5: 1), как со-пресвитер. Также мы встречаем его тогда, когда описание события требует упоминания лица, отличного от других (случай, конечно, редкий, так как Новый завет не имеет никакого намерения описывать структуру институции Церкви); имя этого человека дано без упоминания его функции пресвитера или епископа. В Иерусалиме Иаков (речь идет не об апостоле Иакове), а после 42 года — и его преемник Симон, именуется председателем. Именно он, Иаков, председательствовал на соборе в качестве председателя поместной церковной общины. В. Вот почему церковная литература (письма и различные документы) конца первого—начала второго века, касаясь этого лица, упоминает только его имя, следуя первоначальной традиции ранней церкви, о которой Новый завет говорит лишь по случаю. Употребляются выражения «Поликарп и те, кто с ним» (οἱ συν αὐτοῦ πρεσβυτεροὶ) или (что гораздо более значимо для нашей темы и нашего тезиса о харизматическом и общинном аспекте епископства) имя председателя упоминается вместе с жителями той местности, в которой он осуществляет свою харизму блюстительства (понятие качественное и еще не географическое), как, например, «Игнатий антиохийцев», или «Поликарп Смирнян». Похоже, что ранние христиане, особенно на Западе, не решались употреблять титул «епископ» в единственном числе, т.к. этот титул, согласно некоторым библейским текстам (1 Пет 2: 25; 5: 4; Евр 13: 13)³, был сохранен единственно за личностью Христа. Можно заключить, что первые поместные общины, прежде чем стали употреблять титул «епископ» в его сегодняшнем значении, узнавали друг друга как ту же самую и единую апостольскую Церковь по имени первого пресвитера, которого в некоторых случаях, тоже очень рано, называли также «епископом» (Тимофей в Ефесе, Тит на Крите, Варнава на Кипре). Более всего в этом отношении нам интересна достоверная церковная практика, а именно тот факт, что ни одна община не могла долго оставаться вне этого

взаимного признания, в данном месте, под управлением пресвитера, председателя, особого члена общины, признанного всеми общинами местности, поставленного апостолами или, в их отсутствие, пресвитерами, как их «первого» управляющего евхаристическим собранием и другими литургическими действиями. Верно то, что титул епископ для обозначения этого пресвитера, мало-помалу распространился по всей Малой Азии до самого Запада. Но это лицо так или иначе уже существовало повсюду и пользовалось харизматической и пастырской властью, признаваемой всеми верными⁴. Более того, на основании такого выражения как «Поликарп с пресвитерами», мы можем заключить, что встречаемся с особым классом пастырей, в котором общинная монархия (единоначалие), или монархическая община, или, скорее, евхаристическое общение типологически напоминают первую Тайную вечерю и круг Иисуса с апостолами, которые осознаются как литургически и пастырски присутствующие (в них). Теперь мы можем перейти ко второму ряду систематических выводов, основанных на исторических данных, касающихся нескольких пунктов, ставших точками принципиального разногласия в богословской полемике, развернувшейся после Реформы. А. В первом веке на вселенском уровне не существовало коллегии «председателей», понимаемой как замкнутый круг лиц, составленный единственно из них. Б. Ни один из апостолов, как кажется, не исполнял функции *proestij*'а, в смысле епископа отдельной церкви, совершая крещение и председательствуя на евхаристических собраниях в этой местности, как это делали Тимофей в Эфесе, Тит на Крите, Игнатий в Антиохии, Иаков в Иерусалиме, Климент в Риме и т.д. В. Между Христом, Петром и одиннадцатью апостолами нет ни малейшего признака индивидуальной преемственности, которая качественно выделяла бы какие-то определенные местности; ни того, чтобы была видна необходимость христологического обоснования священства *proestij*—председателей. Иногда апостол поставлял, конечно же, пресвитеров, или председателей, но лишь по случаю. Апостольская преемственность этих епископов покоилась на избрании их апостольской общиной, дабы пасти эти общины, которые Христос приобрел Себе Кровью Своею (Деян 20: 28), откуда следует, что понятие это — евхаристическое, связанное с их функцией. Но они действовали в собраниях евхаристических общин, которые они возглавляли, лично, т.е. совершая действия, закрепленные только за ними, которые ни один другой член общины не был вправе совершать. г) Эти епископы пребывали среди остальных харизматиков без качественного разделения или выделения из них. Они, конечно же, пользовались особым уважением в силу того, что они одни из всех были поставлены (наречены). Они имели власть исполнять функцию, высшую по отношению к другим, но качественно они разделяли ту же благодать Святого Духа, «распределенную» среди многих членов их общины. д) Итак, в центре евхаристического собрания находился человек, обладавший харизмой и пастырской властью совершать богослужения и, таким образом, в качестве председателя осуществлять пастырское блюстительство. Он был окружен и всегда сопровождается пресвитерами и другими харизматиками, на которых были также возложены руки, как внешний знак благодати Святого Духа, который был им дан через лиц, имеющих тот же статус, и под председательством первого среди них, который особым образом представлял Христа и апостолов, осуществляя особые, присущие только ему функции. Рукоположение после призывания Святого Духа осуществлялось общиной и в общине силой Крови Христовой, пролитой на Кресте. Если смотреть на вещи таким образом, то происхождение и природу епископата следует искать в этой эпиклезе, имеющей одновременно христологическое и пневматологическое значение. Христологическое основание епископата и апостольское преемство должны быть осмыслены на основании действия и общения Святого Духа. Это необходимо, чтобы вновь и последовательно осмыслить всецело общинную и личностную природу епископства и чтобы избежать как всякого индивидуализма и статического историзма, так и слишком легкого отождествления уникального священства Христа со священством епископа, а также богословия, основанного на философских и юридических принципах. 2. Основание и функции епископства через харизматическую общину, в ней и для нее В споре о происхождении епископата, в вопросе о том, кому следует отдавать приоритет: Христу и

исторической цепочке Христос-апостолы-епископы или христианской общине, я предложил бы не принимать пока определенного и окончательного решения. Действительно, прежде всего все зависит от Христа и все должно соотноситься с Ним, Который «имеет первенство во всем» (Кол 1: 18). Профессор Иоанн Зизиулас в своей замечательной статье о епископате напоминает нам, что все церковные служения, а не только те, которые касаются епископа, в Новом завете названы как служения Самого Христа. Он — апостол (Евр 3: 1), пророк (Мф 23: 8; Ин 13: 13), священник (Евр 2: 17, 5: 6, 8: 4, 10, 21), епископ (1 Пет 2: 25; 5: 4; Евр 13: 13), дьякон (Рим 15: 8; Лк 22: 27) и т.д. Таким образом, основывать епископат прямо и единственно на Христе еще более спорно, чем искать в Нем источник обладания «саном» и «властью», закрепленными только за епископами⁵. Это обусловлено желанием обосновать преемственность Церкви и ее структуры на Христе самым прямым и непосредственным образом, так, чтобы юридически оправдать господствующее положение епископа и защитить ключевую идею преемственности Церкви. Сейчас подобная проблема возникает у тех, кто защищает епископат как *esse* (бытие, существо) Церкви с четким убеждением, что необходимо выработать такую сакраментологию епископского священства, чтобы обосновать центральную роль служения епископа в церковной общине и, таким образом, сохранить епископскую власть. В реальности делающие это добиваются только того, что она вызывает еще большее отчуждение. Однако следуя практике церкви и историческому факту существования епископата, можно и иначе обратиться к христологической основе и той роли, которую она играет в преемственности Церкви. Этот способ состоит в том, чтобы на богословском уровне вернуться к пониманию харизматической общины как *conditio sine qua non* (необходимому условию — ред.) для всего, что происходит в Теле Христовом. Христианская община (кинония), в отличие от других сообществ, образуется не в результате каких-то принципов, исходящих из общей идеологии или программы действий. Если есть что-нибудь, что принадлежит к *esse* (бытию) Церкви, так это такая община⁶. И действительно, сущность христианской веры реализуется через спасение во Христе, цель которого есть собирание всех народов (вне зависимости от их различий) в общении любви с Богом в единую общину. Вот почему единство Церкви предшествует всем другим ее свойствам и является основополагающим для ее существования. Пятидесятница не имеет другого смысла, кроме утверждения в истории этого эсхатологического события собирания в одном месте и в единодушном согласии всех народов. Вот почему конец..., истории для христианской веры есть не что иное, как собрание всех под властью Единого Бога во Христе (1 Кор 15: 27-28). Пятидесятница реализует во времени и персонифицирует спасение Христово, призывая уверовавших стать членами Христа, т.е. личностями, одаренными различными дарами Святого Духа, благодаря которым они соединяются в лоне новой общины. Святой Дух выявляет в истории и сообщает благодать, он ее персонифицирует, прилагая ее как конкретную жизнь, конкретное служение, закрепленное, конечно, за каждым членом <общины> в отдельности, но, ввиду их взаимной со-принадлежности, взаимно. Так священство Христа осуществляется действием Святого Духа в силу Креста и Воскресения в рамках харизматической общины и через нее, а не напрямую через онтологическую тождественность или историческую линию передачи Христовой власти. Вот почему для лучшего понимания чина и функций епископства, надо заново рассмотреть природу даров благодати Святого Духа. Дар благодати, «харизма», конкретизирует и персонифицирует благодать. Через этот дар Дух созидает динамическую общину, в которой каждый член играет конкретную и активную роль. Благодаря этой активности и по той причине, что Дух разделяет Свои дары каждому по его вере и возможностям, община строится на взаимозависимости своих членов. Это уже не анонимы, но члены, чувствующие ответственность друг за друга. Также христианская община не должна становиться безымянной коллективной массой. Она всегда должна быть узнаваема как результат действия Святого Духа через людей, избранных, чтобы посредством своих харизм строить общину⁷. Дар благодати, с одной стороны, связан с благодатью как общим даром, данным Христом (Его Воплощением, Крестом и Воскресением) и, с другой стороны, с реальностью живой веры верующих Его свидетельствам. Это означает их активное участие в

этой единственной и общинной вере вместе с другими верующими, чтобы создавать и последовательно преображать и обновлять эту общину. Что было совершено Христом раз и навсегда, то становится теперь исторической реальностью через конкретных людей, в конкретных обстоятельствах и через конкретные служения внутри новой общины. Христос это совершает, и Дух действует. Христос открывает возможность, а Дух ее реализует. Христос приглашает всех, а Дух их актуализирует: Божья благодать, данная через Христа, становится харизмой через действие Духа. Это представление о трансценденции, которое не может быть понято как некий сверхъестественный принцип, как это, например, имеет место в идеалистической философии. Трансценденция означает здесь личностное преображение. Новый человек, который созидает себя, призван стать трансцендентным через участие в благодати. Он есть то, что он есть, плюс конкретная харизма Духа, которую он получает через общину, в общине и для нее, в силе того же Духа. Эти харизмы — не естественные дары, не какие бы то ни было таланты. Конечно, Дух задействует таланты, используя их для созидания общения (...). В этом случае естественные дары начинают служить этой высшей цели: заставить функционировать новую общину. Цель же заключается в том, чтобы все члены <общины>, объединенные как одно и единое Тело одним и единым Духом (несмотря на различие, а порой и противоположность их функций), могли бы достойно принимать благодать, данную во Иисусе Христе, чтобы жить в Нем новой жизнью и действовать в мире по-иному, согласно Его заповедям, проповедуя Евангелие в едином миссионерском действии. Итак, харизмы — это, с одной стороны, то, что составляет внутреннее и динамическое единство общины верных и, с другой стороны, это связь между этой общиной и остальным миром, с людьми, которые еще не входят в нее, но которые призваны стать членами этой общины и, тем самым, членами Тела Христова. Эти харизмы никогда не могут быть абстрактными или анонимными, или эзотерическими, направленными внутрь общины для созидания отрезанной и отделенной от мира Церкви или привилегированного класса внутри церковной общины. Вот почему конкретный и подробный перечень харизматических служений (1 Кор 12), который мы находим в Библии, не следует воспринимать как *magna carta*; речь идет о перечне, который описывает то, что происходило в конкретной общине в определенное время и в определенном месте. С другой стороны, во вступлении к этому перечню (1 Кор 12: 4–6) мы видим, что есть существенное различие, которое применимо к самым разным случаям: «дары различны», «и служения различны», «и действия различны». Это не означает, что здесь наличествует онтологическая иерархия даров. Нет такого дара, который был бы качественно и онтологически выше, чем другой. Его функция может быть выше, поскольку она нужнее с функциональной точки зрения, но внутри христианской общины нет такого служения (харизмы), которое могло бы осуществляться отдельно от других и претендовать на особую тождественность со Христом, качественно «иную» или «лучшую», чем остальные. Потому что, во-первых, есть один лишь Дух для всех харизм, один лишь Господь для всякого действия и один лишь Бог, Который производит все во всех (1 Кор 12: 5–6). Во-вторых, все эти дары были даны для общего блага (*prXs tX sumfьron*) (12: 7) и таким образом, что даже наименее уважаемый наиболее необходим для созидания общины, так, что все совершается внутри общины «благопристойно и чинно» (...) (1 Кор 14: 40). Становится ясна конечная цель этих даров: это конкретная реализация общения между Богом и людьми через благодать, данную во Христе и приведенную в действие Духом в новой общине как Теле Христовом. Без сошествия Духа ничто не совершается. Благодать Креста остается без причастия. Она — только возможность. Ничто не совершается через священный порядок прямых и непосредственных отношений со Христом, независимо от общины. Все дано во Христе и через Него, но в настоящем Господь есть Дух (2 Кор 3: 17). Источник, средство и конечная цель Божьей благодати — Божья Любовь. Это относится к фундаментальному онтологическому порядку. Дух актуализирует и призывает к экзистенциальному и личностному участию в этой сущности Бога. Своим тринитарным общением Любовь реализует общение между Богом и людьми в церковной общине⁸. Если епископат ищет оправдание своего *esse*, свою природу и сущность

непосредственно во Христе через независимую линию (Христос-апостолы-епископы), тогда он все это теряет. Он больше не общинный, и значит, не харизматический, но институциональный. Он не принадлежит больше к порядку божественной любви (агапи), но к юридическому порядку канонического права, и это огорчает. Епископат рассматривают только в историко-онтологической перспективе, отделяя его от харизматического аспекта, которому, однако, принадлежит его непосредственная сущность и который составляет его функцию *par excellence* вместе со всеми другими харизмами. Иоанн Зизиулас пишет об этом очень ясно: «Индивидуальная апостольская преемственность, основывающаяся на передаче высшей благодати иного качества, чем та, что составляет другие служения в харизматической общине, оказывает дурную услугу епископату. Эта теория лишает последнего его общинного аспекта пастырского попечения и блюстительства»⁹. Другими словами, харизматический аспект не растворяет духовную иерархию между харизмами. Это иерархия общинная, а не пирамидальная. Это иерархия попечения и служения, где никто не превозносится из-за своего чина и власти, где больший — слуга остальных (Мф 23: 11); но в то же время, в этой апостольской общине ученик не больше своего учителя (Мф 10: 24). Верное понимание этой иерархии составляет огромную экклезиологическую проблему. Очень трудно применять власть, которая вытекает из восстановленного во Христе через благодатные действия Святого Духа общения с Богом и в общине. Церковь как институция разрывается между властью, понимаемой как навязанная сверху, статичной, индивидуалистичной, гарантированной властью, полученной от Бога неким особым образом, с одной стороны, и с другой стороны — псевдо-демократической анархией коллективистского равенства, скрывающей самый эгоистичный и разделяющий индивидуализм. Характер двух этих крайностей, существующих сегодня в церкви, взаимно усиливает их противостояние и радикализм. Пастырская власть не принадлежит к порядку эксусии (*exousia*); это библейское слово означает власть Христа над бесами, а также политическую власть в государстве, это — сила Бога против зла. Власть епископа — харизматического порядка, порядка управления (*kublernhsij*) (1 Кор 12: 28), она напоминает роль капитана—кормчего корабля, который держит управление, особенно во время бури, пользуясь доверием остальных, ради которых он несет эту ответственность. Власть епископа — предмет очень деликатный, зависящий от того, насколько пастырски он ее использует. Богословски она основывается на харизматической и пастырской власти, к которой он призван. Чтобы отыскать корни харизматического священства и его исполнение (завершение), сначала следует обратиться к Ветхому Завету. Профессор Франц Лейнхардт цитирует слова Эдмонда Якоба из его «Богословия Ветхого Завета» (Neuchatel, 1955): «Синайский завет (Исх 19-20) <...> содержал следующие элементы: откровение, данное Моисею, обряд окропления кровью, чтение Закона и совместную трапезу...» Франц Лейнхардт заключает: «Союз — это избрание, это связь. Народ будет иметь с Яхве особо тесную связь принадлежности в очень узком и особенном смысле, которая характеризует его функцию; она есть послушание <...> Избрание не имело бы никакого смысла, если бы не вело к общению. Связь между народом и Яхве нормализуется благодаря священническим властям — пророческой, священнической и царской. Народ Божий — это, в действительности, собрание Божье, существование которого поддерживается благодаря действию этих трех функций, органическое взаимодействие которых составляет нераздельное целое: пророчество, священство и учительство»¹⁰. Священство неотделимо от Божьего собрания. Тот, кто председательствует во имя Бога, ясно выявляет *par excellence* общинный аспект священства. Это признак природы, присущей личной избранности, но она существует в общине и через общину. Священническое и харизматическое основание позволяет нам перейти к третьему ряду выводов, которые могли бы помочь в дискуссии по поводу нескольких вопросов, которые, в свою очередь, стали точками разногласия между епископскими «кафолическими» церквями и епископскими или неепископскими протестантскими церквями. Вопрос о том, принадлежит ли епископ к *esse* или к *bene esse* (бытию или благобытию — ред.) Церкви, представляется мне уже неактуальным. Очевидно, что сам этот вопрос — как бы на него ни отвечали,

положительно или отрицательно, — «онтологизирует» харизму, свидетельствует о том, что ее рассматривают как явление внешнее по отношению к «мы» общины. Стараются обосновать или низложить происхождение не епископата как такового, а его юридическую власть. Из епископа делают директора-администратора, командующего в политическом и военном смысле слова. Епископ же существует настолько, насколько он пребывает вместе со своей епархией. Епископ существует только будучи в брачных узах со своей епархией, и православная хиротония напоминает нам чин бракосочетания¹¹. Спор о неизгладимом характере (священнического сана — ред.), например, — это плод спора о священном онтологизме, который способствует неверному пониманию священства вообще. Единственно, что можно сказать здесь, это то, что если епископ не совершает больше таинств, не проповедует слово, не выполняет больше акта епископа в своей епархии, будучи отделен от нее по причине вопросов веры или нравственности, то он уже не действует как епископ, его функция более не исполняется. Даже викарный епископ — это отклонение от понятия харизматического епископа. Он может быть принят только в случае крайней неотложности и только для того, чтобы помогать пожилому или больному епископу, или если речь идет об очень большой епархии, в которой епископ доверяет часть своих функций такому викарию. Во всяком случае, мы можем многое понять из практики древней церкви, согласно которой викарий без епархии не мог голосовать на вселенских или поместных соборах, и еще сегодня он не имеет права заседать в синоде автокефальной православной церкви. Здесь мы ясно видим, что сан — ничто без общины, и неизгладимый характер принадлежит, скорее, природе епископской функции, чем лицу, внешнему по отношению к общине, отделенному от нее особой индивидуальной границей, которая отрезает его и делает независимым от общины. Без сомнения, епископ необходим (избегая того, чтобы называть его *esse* или *bene esse*), так как его харизма определяющая в церковной жизни, поскольку все харизмы необходимы и определяющие в Церкви. Если их нет или если они исчезли, это значит, что община их больше не практикует. Но среди этих харизм есть такие, на которых держится постоянство (стабильность) Церкви и без которых невозможно обойтись. Епископство принадлежит как раз к ним. Профессор Франц Лейнхардт пишет: «Что, с библейской точки зрения, составляет Церковь? Павел говорит: «И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки» (1 Кор 12: 28). Итак, сначала апостолы-пророки-учителя составляют особую группу, отмеченную тремя наречиями: во-первых, во-вторых, в-третьих, тогда как для остальных стоит «далее». Эта триада постоянно упоминается в Новом завете. В Послании к ефесянам она повторяется дважды, один раз неполном виде (в 2: 20 и в Откр 18: 20 названы только апостолы и пророки), в другой раз — в дополненном (в 4: 11 упоминается апостолы, пророки, евангелисты, пастыри и учителя) <...> и позже — как коллегия: в Антиохийской церкви (Деян 13: 22), в Дидахе (11: 15), в «Пастыре» Ермы (Подобия IX, 25, 2)»¹². Теперь можно приступить к четвертому ряду выводов, касающихся точек разногласия в сравнительном богословии. А. Все это означает, что все харизмы в Церкви основополагающие. Они даны для домостроительства этой общины. Но их функции различны, и все эти различия позволяют выстроить иерархию в зависимости от их пастырского значения, данного в этой общине и через нее. Здесь нет ни индивидуальной монархии (единоначалия), ни безликого коллективистского равенства. Подобные отношения, характерные для человеческих сообществ, в Церкви преодолеваются. *Esse* Церкви укоренено в церковной общине и выявляется в харизмах, которые составляют эту общину. Епископ необходим только по причине *esse* Церкви, которая есть общение. Следует избегать ставить проблему *esse* или *bene esse* (бытия или благобытия) епископа непосредственно в связи с его функциями и природой его служения. Надо прежде пройти через Церковь и увидеть его харизматическую функцию как основополагающую в общине. Честно говоря, я не знаю ни одной исторической церкви, которая не имела бы в своей практике епископской харизмы под различными именами. Отрицание епископа как такового коренится прежде всего в анти-онтологическом отношении к

особому чину и в отрицании жесткой исторической линии, отделенной от остальной церкви, или же в неоправданных рассуждениях нравственного порядка — не существует, мол, людей, достойных посвящения в епископы, или в еще более неоправданных, когда в это вплетаются социальные и политические мотивы, что и произошло в некоторых странах после того, как они приняли Реформу.Б. Другой вывод касается теории апостольского преемства. Харизматический аспект, отдающий приоритет церковному домостроительству общения, как *esse* Церкви, по отношению к другим вещам, помогает понять, что преемственность не является автоматической передачей священной власти и юридических прав. Смысл преемственности надо ощутить в общине и через общину. Это не означает, с другой стороны, что апостольская община остается безличной, массовой и коллективистской. Харизма епископа здесь необходима, чтобы явить эту общину через его личное избрание в общине, через общину и для нее. Личная харизма епископа — это отражение, экстериоризация, проявление Воплощения в данное время, в данном месте для конкретных верных данной местности, где выявляется апостоличность и кафоличность единой, вселенской и неделимой Церкви. И вновь профессор Лейнхардт делает оправданное замечание (находящееся в полном согласии с преданием Восточной церкви и древней неразделенной церкви): «...он (тот, кто исполняет функцию епископа) является конкретным знаком постоянства этой воли на протяжении веков. Экклесия не возникает каждое мгновение как новое творение, спускающееся с небес, но непрерывно наследует сама себя, так как основывающая воля Христа порождает ее от самых ее истоков и постоянно поддерживает ее существование, следуя Его обетованию» (ук. соч. с. 147). «Через него выявляется единство и вселенскость Экклесии» (ук. соч. с. 148-149). Преемственность, таким образом, не должна пониматься как цепь индивидуумов особого священного и исключительного класса. Апостолы не были епископами, они поставляли епископов. Среди них был один, Петр, который пользовался особым уважением первенства; но это было первенство порядка не епископского священства, а порядка любви; его первенство касается первенства каждого епископа, окруженного верными. Это образ, и не стоит искать прямого и индивидуального сродства между Петром и таким епископом или Одиннадцатую и всеми другими епископами. Это сделало бы из апостольского преемства исключительную реальность, основанную на статическом акте и на функциональном служении юридической власти. Апостольский круг — это образ всей Церкви и всего, что происходит в Церкви, а не только епископата. Здесь мы обнаруживаем самое вопиющее непонимание, появившееся в истории церкви достаточно поздно. Вот почему никто из апостолов не председательствовал на первом церковном соборе в Иерусалиме, никто из них не согласился быть пастырем какой-либо отдельной церкви в качестве епископа, но только в качестве пресвитера, или основателя, или первого проповедника веры. Вот почему апостолы никогда не были одни, даже в день Пятидесятницы (там была Мария и другие ученики), и в Деяниях говорится: «Он явился апостолам, пресвитерам и всей церкви» (Деян 15: 22)¹³. Варнава, Марк, Стефан и Иаков часто упоминаются вместе с апостолами. Абсолютно закрыть апостольский круг и соотнести единственную харизматическую функцию общины исключительно с апостолами мне кажется абсолютно неоправданным, в том числе и имея в виду множество проблем, возникших после Реформы. Именно такая постановка вопроса о причинности, о происхождении епископата и исказила общинное харизматическое восприятие епископа и апостольского преемства.В. Коллегия епископов, если она абсолютизируется, тоже является понятием, делающим епископат еще более исключительным и замкнутым в эзотерическом кругу. Епископская харизма (т.е. харизма блюстительства, или попечения о Церкви — ред.) намного шире, она включает пророков и учителей. Тот факт, что только епископы голосуют на вселенских соборах, не является доказательством обратного. Дело здесь в том, что они выражают «персонифицированный» голос своих епархий на вселенском уровне в срочных и необходимых случаях. О. Николай Афанасьев считает, что если коллегия апостолов и существовала реально, то никогда не проявляла себя конкретным образом. Настоящая коллегия — поместная, состоящая из митрополита, как председателя всех епископов

митрополии, епископов этой местности и вместе с ними пресвитеров и мирян, представляющих данную область. Постоянный же синод национальной церкви, заседающий в столице и состоящий исключительно из епископов, принимающих решения по всем вопросам, не вполне находит основание в подлинном православном предании. Это отклонение породило идею о мнимой коллегиальности всех епископов во главе с папой и о том, что эта глава нуждается в праве утверждения рукоположения каждого епископа вселенской церкви, из-за которой епископат поместного уровня перестает рассматриваться как совершенный в своем чине. Г. Непогрешимость никогда не может быть принята ни как индивидуальная, ни как коллегиальная, ни как епископальная; она трудно выразима. Церковь всегда избегала занимать здесь окончательную позицию. Непогрешимость не носит ни абстрактного, ни вселенского, ни поместного характера, проблема рецепции остается крайне сложной. Поместная церковь не может принимать решений, противоречащих вселенскому собору; не она обладает способностью выражать истину, а только таинственное присутствие Христа (в Крещении, Евхаристии, Рукоположении). Епископ выражает эту непогрешимость в своей епархии и вступает в отношения с другими епископами других епархий. О. Николай Афанасьев пишет, что «непогрешимость — это не доктрина, но внутренний факт, сокрытый во чреве Церкви...» Итак, всё, чем епископ обладает в поместной Церкви, тем он обладает и в Церкви Божией, и этим он обязан Церкви. Вот почему формула «ex sese» (букв. «из себя» (лат.), т.е. сам по себе, вне контекста Церкви — ред.) ни в каком случае не может быть применима к епископам как председателям поместных церквей. Ничто в Церкви не может совершаться «ex sese»¹⁴. Д. К вопросу вероучительного авторитета (магистрата) тоже надо подходить с большой осторожностью. Епископы не действуют как закрытая коллегия, формулирующая веру изолировано от общины. Разумеется, они проясняют истину, когда это бывает необходимо, но они — не замкнутый круг, который сам по себе решает вопросы общей веры как бы сверху, отдельно от общины, как некий учитель, который в одностороннем порядке учит народ непогрешимым определениям. Авторитет в делах веры также должен осуществляться как харизма Церкви, выявляющаяся в общине; в этом случае епископат — это голос данной общины. Е. Между епископами нет онтологической и качественной разницы. Все они равны вследствие их епископской общинной функции. Также в одной епархии не может быть двух епископов одновременно, или это уже не будет личностной общинной функцией, действующей в этой общине. Нет большей юридической власти, чем жизнь общины. По этой причине не может быть одного вселенского епископа как главы всех остальных, который бы издали и извне назначал поместных епископов и, таким образом, извне удостоверял их каноничность, поскольку это было бы дублированием епископа, т.к. епископ данной общины ставился бы под сомнение извне. Разумеется, апостольские кафедры обладают первенством чести и любви. Рим признан как первый среди них, но это первенство чести не означает никакой высшей епископской юридической власти на вселенском уровне, оно не дает права ни назначать или утверждать рукоположения, ни посылать епископов в другие общины по всему миру. Это первенство вытекает, прежде всего, не из того факта, что Петр был основателем и первым епископом Рима, но из того, что Рим, будучи столицей Римской империи и городом мучеников по преимуществу, всегда воспринимался как первая среди апостольских кафедр. Это первенство исходит также и от Петра, но не по причине его епископства в Риме, поскольку для христианского Востока его вообще не существует, так как, согласно древнейшему христианскому преданию, никто из двенадцати апостолов не упоминается в качестве епископа отдельного города по богословским соображениям, изложенным выше. Оно исходит из образа Христа, окруженного Его апостолами, а впоследствии — Петра с Одиннадцатью и другими учениками. Роль Петра в общине — это служение церковному общению, как и роль митрополита среди региональных епископов. Епископ Рима обладает этим первенством любви и чести, которое может играть главную роль как выражение любви вселенской церковной общины, но никогда — как верховный глава или «епископ католической церкви» (а именно так он подписывает документы вселенских соборов) и, таким образом, не как верховная власть

юридического порядка, непогрешимая *ex sese*. Ж. Не существует абсолютного онтологического и качественного различия, которое разделяло бы священство всеобщее и специальное. В Крещении все поставляются в священники и участвуют в священстве Христа. Внутри общего для всех священства есть священство харизматическое, личное и отдельное, которое необходимо, чтобы священство общины имело личностное выражение. Мы не хотим обозначить этим простой функционализм, лишенный богословского смысла. Пастырская харизма епископа, как харизма попечения, совершенно необходима, без нее община не смогла бы существовать. Существование общины — та категория, которая превосходит всякий онтологизм, рискующий извратить глубокий смысл этого служения внутри общины. Стало быть, следует избегать выражений типа «всеобщий» и «специальный», чтобы избежать допущения, что внутри священства, полученного при Крещении, существует значимое и онтологическое различие. Харизматическая природа общины предполагает личностную харизматическую службу координации служения общины и блюстительства над служением общины, без которой «специальное» священство не может существовать¹⁵.

3. Евхаристические истоки функции епископа

Анализ смысла харизмы как акта созидания общины показывает нам, что все совершается во имя попечения о той общине, в которой священническое попечение, по образу Христа, занимает центральное место. Это попечение напоминает священническое попечение Христа, Кровь Которого, пролитая на Кресте, освобождает нас от греха, от разделения с Богом и другими людьми и воссоединяет нас в Новый Союз (Завет) в общине и через эту общину, которая становится, таким образом, Его Телом. Его священство проявляется внутри Его общины. Все верные являются священниками, посвященными через Крещение, чтобы участвовать в этом священстве, и все запечатлены Духом Святым, чтобы стать членами Его Тела и, таким образом, обрести спасение во Христе. Харизма попечения в этой общине состоит в том, чтобы определенно и лично отдать себя на служение этого священства Христа. Харизматики священнического попечения, будучи избраны Духом Святым на служение общине, должны исполнять свое епископское, высшее проявление которого — это питание народа Божьего Кровью Христовой (Деян 20: 28). Т.е. через Евхаристию это попечение осуществляется преимущественно и в особенности, ибо это высшее действие, после Крещения, через которое священство Христа «разделяется» между всеми верными, и, таким образом, составляет Тело. В нем священство Христа реально и лично присутствует в самом центре общины, когда эта община вновь приносит то же приношение в Лице и силе Святого Духа. То, что было совершено раз и навсегда, реально присутствует в евхаристическом общении. Это — не повторение Креста, это анамнесис (воспоминание) Креста, но теперь, силой Пятидесятницы, мы причащаемся Телу Христа Воскресшего, Его конечной победе, в надежде на Его славное Пришествие в конце времен. Его священство, теперь лично выраженное тем, кто председательствует в евхаристическом общении, дано Духом харизматикам, которые приносят приношение от лица евхаристической общины, вместе с ней и для нее. И это — не повторение единственного Жертвоприношения. Оно актуализируется в настоящем, благодаря акту общинной эпиклезы, обращенной председательствующим определенным и личностным образом, являя действие Христа посреди Его учеников. Итак, мы можем с уверенностью утверждать, что истоки епископского служения следует искать, скорее, в этом евхаристическом действии, чем в линейной и исключительной последовательности: Христос-апостолы-епископы. Священническую власть превосходит евхаристическое попечение. В нашем споре о епископском служении нам может помочь не линия апостольского преемства, но образ Христа, окруженного апостолами для совершения Тайной вечери. Епископ со своей общиной есть выражение единой, кафолической и апостольской Церкви, собранной вокруг Христа. Символически мы участвуем в этом событии через это реальное представление собрания народа Божьего вокруг Христа. Литургический символ, в полном смысле этого слова¹⁶, раскрывается здесь как средство приобщения. Мы избегаем внешнего подражания или просто воспоминания. Евхаристия — это наше вхождение в Тело Христово, и епископ или, в его отсутствие, пресвитер, упоминающий его имя, обращает к Отцу эпиклезу — прошение о

ниспослании Святого Духа на нас и на дары, чтобы изменить нас и преложить вещество хлеба и вина в Тело Христово. Евхаристическая функция епископа, совершающего Евхаристию, раскрывает нам природу и истоки епископства. Евхаристия — это священническое действие самого высшего уровня. Будучи крещены и участвуя в Евхаристии, мы уже не «миряне». Есть сила Духа, которая изменяет нас через участие в жертве и победе Христа, ибо Христос — не просто человек, Иисус из Назарета, но Сын Божий, запечатленный Духом Святым. Он, таким образом, — Искупление наших грехов, Он — и Приносимая Жертва и Приносящий ее, Первосвященник. Это выражается именно в Евхаристии, и епископ председательствует в этом священническом действии и лично являет его по образу Христа. Вот почему рукоположение никогда не совершается вне Евхаристии. Евхаристия — не внешний признак, но сердце епископского служения. Епископ — это воистину икона Христа, служащего в качестве единственного Первосвященника евхаристического общения. Петр, в свою очередь, занимает это место, чтобы действовать по образу священства и как знак первенства в любви, которым всякий епископ пользуется внутри своей общины¹⁷. Но Евхаристия — это не только первоначальный момент вхождения в Тело после Крещения. В действительности — это вся жизнь общины, которая включает, прежде всего, керигму (возвещение о Смерти и Воскресении Христа, т.е. (здесь) миссионерскую проповедь — ред.). В день Пятидесятницы Петр показывает нам, что есть действие, предшествующее Евхаристии и Крещению: это проповедь Слова, затем миссия и пророчество, которые остаются неразрывно связанными с евхаристической функцией. Епископская власть в общине также берет свое начало в Евхаристии. Это основополагающее действие делает епископа личностным и наглядным образом попечения Христа внутри общины. Но именно по причине такого своего происхождения епископская власть никогда не бывает индивидуальной и только данной свыше, но личностной и общинной, происходящей также и снизу, т.е. основывающейся на том уважении, которое члены общины, обращающие эпиклезу через него, испытывают к его функции. Во время Евхаристии епископ (или, в его отсутствие, пресвитер) не может говорить от первого лица единственного числа: эпиклеза сформулирована от первого лица множественного числа. Он также никогда не осмеливается говорить «я» во время других харизматических действий, совершая крещение, рукоположение других священников, бракосочетание. Он упоминает благодать Божью, которая освящает «служителей Христа». Вот почему он не может служить Евхаристию один. Без общины верных его литургия не имеет смысла, так как в этом случае она перестает быть священническим попечением об общине, которое выявляется через него. Его литургическая и пастырская власть в первую очередь связана не с другими епископами, с которыми он образует постоянную и вселенскую коллегию, замкнутую в самой себе. Его подлинная коллегия состоит из пресвитеров и отцов, пастырей и учителей, и членов его общины. Вот где действительно постоянная коллегия. В исключительных же случаях он вступает в контакт с другими епископами на вселенском уровне на вселенских соборах — в случае необходимости, в виду не допускающей отлагательств ситуации, прежде всего касающейся правильного выражения веры перед лицом опасности отклонения, угрожающего единству Тела Христова^{18.4}.

Эсхатологическая перспектива епископского служения Епископ как образ Христа и окружающих Его апостолов открывает нам измерение самого высокого для христианской веры уровня: речь идет о будущем или, лучше сказать, об эсхатоне, о конце времен и пришествии Христа. Тот, кто принимает епископство на его евхаристической и харизматической основе, тот принимает в то же время и его эсхатологическую перспективу. Ибо харизмы Святого Духа открывают конец истории. В любви Бога Отца и в благодати, данной во Христе, Дух Святой открывает верных чаянию конца. Дух таким образом дает в общине залог (ὑπράβλη) конца через Евхаристию и Свои харизмы. Епископ есть, опять-таки, личностный знак этой перспективы, когда он исполняет свой харизматический дар епископства, поскольку евхаристическое собрание, приглашающее нас к участию в воскресшем Тэле, уже помещает нас в эсхатон и дает нам перспективу всего мира, собранного в одну семью как Тело Христово. Вот почему — и это стоит еще раз подчеркнуть — историческая линия, статичное апостольское преемство не

разрешает проблемы происхождения и природы епископата. Во всяком случае, она недостаточна, и из-за нее мы рискуем сбиться с пути в наших поисках, если она не будет дополнена — чтобы не сказать заменена — эсхатологическим измерением. Епископ, председатель на Евхаристии, исполняет свою харизму харизматического епископа, чтобы напомнить нам, что наш анамнез обращен, скорее, в будущее в словах Златоуста: «Мы, вспоминая... крест,.. воскресение, на Небеса восхождение,.. а еще второе и славное пришествие <Господа>, Твое из Твоего Тебе приносим». Епископ своими действиями соединяет, приводит в общение историчность апостольства и конечное исполнение священства всех верных¹⁹. Духом Святым он соединяет прошлое, данное как событие, с будущим, как верной, непостыдной надеждой. Будущее напоминает нам прошлое, и прошлое ведет нас к концу времен. И снова епископ, икона Христа, как единственного Литурга, оказывается не только в центре общины, где он председательствует, но в центре преображенного космоса, открытого к концу, его высшей цели, которая есть общение с Богом. Вот почему священническое служение епископа — это напоминание конечного триумфа Христа в мире через Его Церковь, с ней и в ней. В приношении Сам Воскресший замещает Собой Агнца, закланного до начала времен. Предыстория Церкви становится теперь ее конечной целью, ее славным концом. Епископ личностным образом, далеким от всякого индивидуального триумфализма, являет нам основополагающую истину харизматической и евхаристической жизни Церкви. Вот высшее попечение епископства — делать всех нас участниками этой скрытой и высшей реальности веры: начиная с настоящего момента жить вокруг него, совершающего Евхаристию, председательствующего на керигматических собраниях и олицетворяющего единство харизматического общения в конце домостроительства спасения во Христе. Он соединяет всех нас в одну семью во Христе. Так епископ председательствует в любви и пасхальной радости, основываясь на залоге (ὑπὸ) Духа. Он олицетворяет собой связь единства вселенской Церкви во всяком месте, в ожидании явления в конце времен полноты славы Воскресшего. Эсхатологическое измерение епископского священства находится в самом центре его апостолического служения и вытекает из евхаристической реальности его харизматической и общинной функции. Именно на евхаристической и эсхатологической основе следует понимать одну из основных, абсолютно необходимых функций епископата: это попечение о поддержании динамического единства Церкви на поместном, а затем на вселенском уровне. Каждая поместная церковная община обретает свою полноту, находясь вокруг своего епископа, как семья во Святом Духе. Именно епископ в центре евхаристическо-керигматического и миссионерского собрания являет неделимое харизматическое единство в данном месте. Он также становится, в силу своей центральной и евхаристическо-миссионерской роли, лично явленной связью любви и солидарности с другими поместными церковными общинами во всяком месте. В лице епископа осуществляется, таким образом, двойное служение динамическому единству: единству поместной и вселенской Церкви одновременно. В то же время надо упомянуть и третье служение первостепенной важности: именно он соединяет евхаристическо-миссионерское собрание общины с миром, составной частью которого она является. Апостолический характер священства епископа обуславливает то, что он должен быть обращен вовне общины, поскольку он является связующим звеном внутреннего единства. Евхаристия, служителем которой он является на месте Христа, приносится от лица всех, для всех, всегда, навсегда и повсюду, как сказано в литургии. Итак, потенциально мир здесь также представлен через евхаристическо-священническую функцию епископа. Он олицетворяет апостолат Церкви, направленный на то, чтобы спасти всех людей от греха для благодатной жизни и освободить их от всякого рода тирании мира сего, от всякой несправедливости, от всякого несчастья, вызванного человеческим поведением. Иначе говоря, в его лице община чувствует себя ответственной за то, чтобы действовать в мире не как в месте внешнем по отношению к Церкви, но как в собственном месте апостолата, для которого Христос принес Свою единственную Жертву и в котором Дух Святой совершает Свое спасение всего творения, с которым церковная

община призвана оставаться в полной солидарности, согласно 8-й главе Послания к римлянам. Эта тройная функция единства и связи реализуется в лице епископа. Вот почему качественно он не есть носитель сана, который ставил бы его над общиной как существо высшее по отношению к остальным ее членам. Его основной ролью в центре этой общины было обусловлено то, что с самых древних времен Православие сохранило абсолютное уважение к его служению. Уважение не к нему, как к индивиду, не к онтологически священной данности, но к его функции епископе, попечения о жизни в неделимом церковном единстве, к духовности, которая проистекает из общности, к члену того же единственного Тела Христова, которому подобает уважение всех верных его епархии. Здесь нет ничего от юридической власти, которой нужно бояться. Бывают, конечно же, и злоупотребления. Есть отдельные люди, которые, будучи епископами, злоупотребляют своими харизматическими функциями. Среди людей, несущих бремя ответственности этого служения, встречаются всякого рода слабости, неспособность и даже безнравственность. Но все это понятно, ведь епископ через рукоположение не становится сверхчеловеком, способным избегать ошибок, которые мы, как члены церковной общины, совершаем. Все это не должно позволять нам обесценивать абсолютную необходимость личного епископства для поместной и вселенской церкви. Это то харизматическое служение, которое Церковь не может оставить, не рискуя, по меньшей мере, потерять смысл взаимной принадлежности верных друг другу в едином Телес Христовом и реальности общения с другими поместными церквями как частями единой, католической и апостольской Церкви. Тот харизматический подход к смыслу епископства, который я пытаюсь наметить в моем сообщении, имеет, по моему мнению, обоюдоострый характер, который должен привести нас к откровенной и честной самокритике в сегодняшних межконфессиональных спорах. Необходимо, чтобы этот харизматический аспект помог нам взаимно исправить и обновить наше представление о епископстве, его природе, функции, истолковании, о его роли в движении обновления церкви. Эта самокритика должна быть постоянной, поскольку, как и в случае с другими дарами Святого Духа, никогда нельзя быть уверенным, что обладаешь ими, я бы даже сказал, удовлетворительным образом. Нам всегда надо вновь овладевать своей харизмой в благодати Святого Духа и через нее, ибо мы находимся на пути к полноте, как харизматики мы ею еще не обладаем. Харизма жизни и единства может превратиться в свою противоположность, когда она попадает в руки наших амбиций и нашего эгоизма. Нет функции, идеально осуществляемой епископом де-юре и де-факто. Епископ в этом смысле есть также напоминание о нашем собственном постоянном покаянии, как людей, призванных быть харизматиками, как и он в своей общине. Это значит, что наша критика в адрес его, как личности, не умаляет его епископской функции, с одной стороны, а с другой стороны, — является основанием для самокритики для всех членов той общины, которая его критикует. Более того, я должен честно признать, что сегодня, во всяком случае по моему опыту, именно отсутствие харизматиков в поместных церковных общинах является причиной харизматического бесплодия и оно же приводит к появлению пассивных членов церкви. Итак, вслед за этим и по причине этих недостатков, этого плачевного отсутствия подлинных членов Тела Христова, общины превратились в группы неподвижного воскресного культа, без признаков жизни Духа, без миссионерского и евангельского действия в мире. В конце концов, как неизбежный результат всего этого, епископы превратились в командующих, в управляющих, в администраторов политического типа и, в известной мере, потеряли личностный харизматический смысл своего служения. Именно тогда богословие и выработало онтологическую систему сакрально-священного чина, дабы поддержать и усилить епископат в условиях его разращения, вызванного снизу, от не-харизматической общины. Надо возобновить диалог о епископе, проникнувшись прежде всего духом покаяния, хорошо подготовившись к тому, чтобы пересмотреть наши взаимные позиции и постараться найти точки соприкосновения. С точки зрения епископальных католических церквей: а) нужно постараться освободить епископат от его деспотичности, от его юридического и онтологического основания. б) Необходимо, когда мы пытаемся признать неепископальные

церкви, отдавать себе отчет в реальности церковной жизни этих церквей, которые веками существовали без явных епископальных форм, не скатившись на стезю индивидуальной юрисдикции.в) Именно общинная, евхаристическая, керигматическая и миссионерская жизнь возвращает смысл уже выкристаллизовавшимся формам епископства, а не наоборот; и апостольское преемство также должно пониматься как то, что прежде всего должно проявляться в общении верных, а затем уже в личной форме.г) Надо избегать говорить о власти епископа, идущей, в силу священства Христа, сверху, из служения Петра, о власти, которая действовала бы *ipso facto* (по самому факту (лат.) — ред.) и преемственно у всех епископов.д) Надо, чтобы в епископских синодах, и особенно при избрании епископа, участвовали представители пресвитеров и «мирян» поместных церквей и чтобы поставление (и признание) епископа (а не только обряд его интронизации) происходило в той епархии, которую он будет пасти, с участием пресвитеров и «мирян» этой епархии.Вообще, епископат должен вновь обрести и активизировать собственный харизматический смысл и функции, избегая как всякого индивидуализма, так и коллегиальности, выраженной исключительной и эзотерической группой.С другой стороны, неепископальные евангелические церкви должны постараться переоценить важность и глубокое харизматическое значение епископата, не делая акцента на значении юридической власти.а) Надо, чтобы они согласились, что среди пресвитеров есть один, который исполняет пастырские функции *par excellence*, который председательствует в любви и олицетворяет пастырскую и священническую харизму Христа, в то же время не считая его отделенным его функцией от других пастырей, от других харизматиков общины.б) Не все пастыри — епископы; существуют функции пастырского блюстительства (не административного порядка, но по причине апостоличности и кафоличности Церкви), закрепленные за одним из них, что выделяет харизму епископа, которая всегда существовала в Церкви.в) Надо вернуть значение роли епископа в служении единству в Теле Христовом как народе Божьем в реальности поместной церкви, так же как и в ее вселенском измерении. Каждая поместная община имеет полноту евхаристическо-керигматическо-миссионерской истины, но как таковая она является составной частью вселенской церкви в личном общении со всеми общинами, абсолютно необходимым знаком чего является епископ.г) Не следует искать смысл существования епископата в онтологической теории, чтобы в конце концов прийти к ее отрицанию, но надо искать этот смысл как дар Духа Святого и как источник духовной жизни.Только после взаимной самокоррекции можно вновь обратиться к этим двум аспектам и даже к их различным тенденциям, чтобы снова подойти к рассмотрению сегодняшнего епископата. Но, и это мое личное убеждение, единство может быть реализовано только через евхаристическое общение, в котором епископство вновь будет функционировать как центр единства в едином и неделимом Теле от имени вселенской Церкви, личностным и конкретным знаком которой в каждой евхаристической общине является епископ.1 Николай Афанасьев. «L'infailibilite de l'Eglise du point de vue d'un theologien orthodoxe» («Непогрешимость Церкви с точки зрения православного богословия») (с. 186). Отрывок из «L'infailibilite de l'Eglise», Journees Ысumeniques de Chevetogne, 1961, с. 183-201 (Editions de Chevetogne).2 Franz-J. Leenhardt. «Les fonctions constitutives de l'Eglise et l'Evêque selon le Nouveau Testament», Revue d'Histoire et Philosophie religieuse, № 2, 1967, Presses Universitaires de France, Paris, с. 11-149.3 См. Г. Конидарис. «Новые исследования в области проблем, касающихся источников по изучению структуры первохристианства», том III (на греч.), Научный журнал Богословского факультета в Афинах, 1957, с. 211-223; а также в Procès 5 de l'Academie d'Athenes, том 32, 1957, с. 17-52.. 4 Г. Конидарис обращается, чтобы оправдать эту власть, к фразе из «Пастыря» Ермы (Видения II, 4): «ρ̅λυμ̅V̅ K̅l̅mh̅j̅ e̅,j̅ t̅j̅ >xw̅ p̅T̅leij̅ ᵀᵀ kei̅J̅ g̅|r̅ ᵀᵀ pit̅l̅traptai̅» («Климент пошлет во внешние города, ибо ему это предоставлено»).

5 См. J. Zizioulas. «Ordination et Communion», Istina, 1971, № 1, с. 5-12.6 Там же, с.7.7 См. мою статью «Le fondement ecclesiologique du Plerome de l'Eglise. L'Unite du Laicat et du Clerge dans

Tradition Orthodoxe» (Verbum caro, XVIII, 71, Aussi 1964). «Le sacerdotice charismatique, le Laicat et l`autorite pastorale» (Verbum caro, XIV, 55, 1960).

8 См. также более подробно в моем исследовании «Pneumatologie orthodoxe», Le Saint-Esprit, Geneve, 1963.9 См. в другой работе И. Зизиуласа: «La continuite avec les origines Apostoliques dans la conscience des Eglises orthodoxes» (Преемство с апостольскими началами в сознании Православной церкви) (доклад на симпозиуме « La portee de l`Eglise des Apotres pour l`Eglise d`aujourd`hui» (Значение апостольской церкви для сегодняшней церкви), Брюссель, 1974).

10 Franz-J. Leenhardt, ук. соч., с.112, 113.11 И. Зизиулас, снова защищая тезис, что esse (бытие) Церкви — это община, напоминает нам, что Православие никогда не говорит об ordination (слово, которое напоминает приказ (ordo)), но, скорее, о хиротонии (рукоположении — слово, делающее акцент на общинном и литургическом действии), и что чин этой хиротонии напоминает чин таинства брака (ук. соч., с. 9).12 Franz-J. Leenhardt, ук. соч., с. 140. Он заключает: «Итак, во власти епископа нет ничего юридического» (с. 146). «Его (епископа) подлинная ответственность — педагогического порядка, это нравственная власть, которая, чтобы быть действенной, нуждается в признании <со стороны общины>, и стремится достичь одобрения преследуемой цели, а не подчинения по принуждению...»(ук. соч., с. 147).13 В русском переводе: «Тогда апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили...». — Прим.пер.14 О. Николай Афанасьев, ук. соч., С 187, 19915 Франц Лейндхардт вновь помогает нам с точки зрения библейского богословия (вслед за тем, что он пишет о постоянном различении триады апостол-пресвитер-учитель и функций, вытекающих из нее): «эпископе понимается как блюстительство... ответственность <епископа>, скорее, в том, чтобы готовить членов Церкви к принятию даров Духа и к тому, чтобы являть Его присутствие общим созиданием <церкви>. Он должен направлять это (движение), дабы избежать беспорядка» (ук. соч., с.145). И И. Зизиулас: »...пастырская власть существует не в силу сана или особой функции, которой он (пастырь) обладает благодаря рукоположению, но в силу связи этой функции с общиной» (Ordination et Communion, ук.соч., с. 9).16 Символ (от греч. sum-bjllw — сбрасывать в одно место, сливать, соединять) — то, что соединяет. — Прим. ред.17 И. Зизиулас в своем докладе «La continuite avec les origines Apostoliques dans la conscience des Eglises orthodoxes» пишет: «Апостолы составляют единственную коллегию и окружают Христа в Его Царстве. Именно поэтому в коллегии пресвитеров, окружающих епископа, восседающего на «месте Бога» или является образом Христа, Игнатий видит присутствие апостолов» (с. 17).18 Жерар Дефуа (Jerard Defois) пишет: «Подлинная функция <епископа>, идущая от молитвы к евхаристическому преломлению, актуализирует «священство Христа», прежде всего, не как власть, но как коллективное выражение спасения, данного Богом: евхаристическое присутствие, крещение находят <в ней> новое выражение» (В Parole et Paix № 56,1973, с. 166). 19 И. Зизиулас обращает внимание на то, что «игнатиевская концепция Церкви характерна не для истории, но для эсхатологического состояния убеждения Церкви (в том же месте) в том, что надо принять участие в вечной жизни Бога, которая дарована миру за евхаристическим столом (Ап. 4,5; Игнатий, Ефесянам 5, 2-3; 13,1; Полик. 4,2; Пагн. 7, 1-2 и т.д.)». И он заключает: «Апостольское преемство и нормативность относятся не к прошлому, но к будущему... это предвосхищение веры, именно конечная природа Церкви раскрывает ее апостольский характер» (ук. соч. 69 и 71).Перевод с французскогоС. Зайденберга, М. Иорданской, А. Ошариной

Священномученик Сергей Мечев:

«Поучимся у Господа и святых отношению к духовной семье»

Община и соборность

Письма к общине из ссылки** Печатаются с незначительными сокращениями"Слава богу за все!"

В день Казанской иконы Пресвятыя Богородицы, в конце ранней литургии начался наш первый осмотр в больнице (допрос). В день преп. Феодора Студита нас отправили на курорт (выслали из Москвы). Вижу в этом великое знамение Божие на всех нас. Матерь Божия благословила начатие нашего дела, преподобный удостоверяет правильность нашего пути.

Не скорбите, а радуйтесь, ибо в испытаниях не оставлены мы небесною помощью. Тем более не скорбите за меня: Господь из сутолоки великой призывает меня на служение «единого Единому». Это в равной мере необходимо и мне и вам, ибо вся моя жизнь в вас; без вас нет в ней смысла. Не скорбите и о себе, ибо у вас еще остается величайшее, чего лишены многие, в том числе и я, — богослужение храмовое. Вот вам моя заповедь, вам — не только моим детям, но и друзьям: 1) Берегите богослужение. 2) Берегите священнослужителей ваших, родных по духу, связанных с Батюшкой (т.е. с о. Алексеем) крепкими узами преемственности. 3) Не ищите нормального духовного руководства, не такое сейчас время: и не найдете, а если и найдете, то на мгновение. 4) Переключитесь друг на друга, назидайтесь друг у друга, укрепляйтесь друг другом, утешайте друг друга. «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» (надпись на могиле о. Алексея Мечева — Ред.). Помните, что можете остаться совсем без иереев Божиих. Исключительность данного положения (сохранение священнослужителей и подготовка к дальнейшим испытаниям) заставляет меня, отца вашего, поставить вас временно на путь сокращения подхода к исповеди и святому Причащению. Иного выхода нет. Помните это и примите как волю Божию. Обычно причащались два раза в месяц и праздники, теперь один раз в месяц и праздники великие. Готовьтесь тщательнее к тем дням, когда будете приступать к Св. Чаше. Это даст вам новую, еще не ощущавшуюся вами радость. Пишу вам, «другом своим», богомольцы не вместят пишемого. Вы же поймите меня, ибо пишу вам рукою отца, жалея вас и понимая, чего я вас лишаю. Доверьтесь мне. Исповедайтесь у любого служащего у нас священника, помните, какое сейчас время. Молитесь за меня! Как ни радостно принимаю я свое изгнание, но и я человек, и часто без слез и душевного волнения не могу переживать здесь праздники, и особенно вечера пятницы и воскресенья (дни вечерних богослужений о. Сергия в Маросейском храме — Ред.). Молитесь за меня в эти мои дни, как молились вы до сего времени. Я чувствовал ваши молитвы. Поднимали они меня как на крыльях в трудные минуты. Молитесь за меня, чтобы Господь дал мне силы для нового служения Ему ради вас и от вас. Вы же все в моем сердце и стали мне теперь еще ближе, еще дороже. Простите меня за все злое, содеянное мною в мимошедшее десятилетие совместной с вами жизни. Поручаю вас всех Божьей Матери, нашим святым угодникам Божьим и друг другу...» (с. 152-154). К посту 1930 г. о. Сергей прислал второе общее письмо. «Уже не я, отец ваш, а иные иереи Божии совершают с вами, детьми моими, вхождение во святой и великий пост. «Знаю, Господи, что не в воле человеческой путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» (Иер 10: 23), но по-человечески хотелось именно этот пост, пост обновления моего иерейства, когда Миняя сочетается с Триодью, как в год посвящения, провести в родной моей покаяльной семье. Чувствуете ли вы, мои милые, как утренюет дух мой ко храму нашему и как «вечер, завтра и полудне» устремляется душа моя к каждому из вас? С вами соединил меня Господь. Я недостойный и паче всех грешнейший, но я пастырь, и

сердце мое истощается до основания в разлуке с вами. Вы мое дыхание, вы — моя жизнь, вы — мое радование. Вы не заслоняете мне Господа, а показываете. Через вас познавал Господа, в вас Он открывался мне; с вами и от вас я возносил молитвы Ему. Служа вам, служил Ему, видя по образу Божию созданную вашу красоту, возносился к Его неизреченной доброте; видя ваши грехи, оплакивал свои прегрешения, видя ваше исправление, посрамлялся перед Ним и просил Его помощи в исправлении моей грешной жизни. Словом, многими годами через вас и с вами к Нему. Вы мой путь по Христу, как же пойду без вас? С глазами, полными слез, шепчу слова молитвы: «Да будет, Господи, воля Твоя и на мне грешном». Не забывают меня! Помните, чему учил вас, хотя и недостойно. Главное, пребывайте в единении духа в союзе мира. Помните, что и вам, пока еще входящим, предстоят исходные песни. Вернитесь каждый к своему делу; забудьте, что разделяло, объединитесь в исходе. Мало ли что было с вами. Конец венчает дело. Изойдите, как один, измывшись и очистившись. Облегчите мой крест радостью вашего покаяния. Как мог, учил вас ему, хотя и недостойно, и самый радостный для меня день всегда был день вхождения в пост, день падения Адамова. Вот когда особенно видел я в вас Господа. Помолитесь за меня в этот великий день, попросите за меня и у Батюшки прощенья. Верю, что нет на земле пространственной дальности. Христос силен и расстояние собрать воедино. В этот день будем духом вместе, и вы, уходя из дома Божия, припадите к моим преподобным, земному моему Ангелу и его помощнику и моему покровителю, прося их принять ваше покаяние. Господь же обновит мою память и я отсюда благословлю каждого. Вы же простите тогда припадающего к вашим стопам, просящего у вас прощения отца вашего, грешного и недостойного иерея Сергия...» (с. 161–163). Письмо третье к Пасхе того же 1930 года.

«Вместе со всей тварью в эту спасительную ночь веселюсь я и радуюсь, яко Христос воскрес и ад пленися. В духовном восторге, обратившись в сторону родного нашего храма, украшенного теперь цветами, сияющего светом, наполненного ликующим пением вашим, осеняю, как бывало раньше, вас, родных моих милых сирот, святым крестом и возглашаю всем существом своим: «Христос Воскресе, Христос Воскресе!» По-новому встречаю великий Праздник: в одиночестве, как грешник величайший, глубже чувствую радость Воскресения, но нет во мне обычной пастырской полноты, всегда ощущавшейся мною в этот день. Потому стонет сердце, слезят вежды! Христос, жремая Пасха, прииде, вас же, (детей моих) нет со мною. Не все поймут меня в этом, но вы поймете. Чувствую, что и у многих из вас сейчас на глазах слезы. Да и как не плакать нам в нарочитый сей день друг о друге? Мы не только покаяльная, но и богослужбная семья. Я не только отец ваш, но и предстоятель церкви нашей, вы не только дети мои, но и сослужители. В нас редчайшая полнота, почти не встречающаяся — полнота покаяльно-богослужбной семьи. Я жил вами, вы — мной, все вместе через Божию Матерь, святых угодников наших и приснопамятного Батюшку — во Христе. Разве можно нас поделить? Скажите, где мои уста, где ваши? Где мое сердце, где ваше? Где моя душа, где ваша? Что в храме делалось мною, что вами? Чем я был для вас, пусть скажет сердце каждого. Я же скажу о вас: вы — мои уста, вами возносил я за богослужением мои грешные молитвы; вы — мое сердце: вы годами вкладывали в меня «своя тайная», и я все знаю, что недостойно слагал в своем сердце. Теперь оно расширено вашими сердцами, и невозможно определить, что мое, что ваше. Вы — моя душа: давно живу вашими радостями, вашими скорбями; в лучшие свои минуты чувствую, что иной жизни во мне нет. Теперь взяли у меня мои уста, отняли мое сердце, вынули мою душу. Как же не сознавать мне, что по грехам нашим и, прежде всего, моим естественнейший наш союз Божиим велением пространственно рассекается? Скорбя о вас, плачу в сей величайший день о грехах своих, и по-новому раскрывается для меня богослужение Святой Пасхи. До сих пор оно было богослужением рая; теперь — это богослужение рая, в котором возможно еще покаяние. Детство, юность и первые годы священства прошли у меня с Батюшкой. Через него воспринимал я Святую Пасху. Богослужение Батюшки, вообще особенное, не укладывающееся в обычные формы пения и чтения, на Пасху становилось исключительным. Оно, при всей своей простоте,

достигало такой высоты и выразительности, что зажигало, наполняло, потрясало, умиляло до предела. Приемы нашего теперешнего богослужения — лишь слабый отблеск его пламенной души. Помните, как он христосовался, помните, как он читал Евангелие, помните, как он произносил Слово Иоанна Златоустого? Еще ребенком, присутствуя при Батюшкином богослужении, я поражался тем, как поет он икос Пасхи. Сам не понимая отчего, я дожидался икоса с таким же трепетом душевным, как и первого «Христос воскрес!»», как Слова Иоанна Златоуста, как пасхального Евангелия. Батюшка пел особенно, древним самоподобном, в самом напеве своем раскрывающем смысл и подчеркивающим значение тех или других выражений. Ликующий и радующийся в эту ночь, он вдруг как бы уходил глубоко в себя, и я чувствовал, что вся внутренняя его рыдает и оплакивает при словах: «О, Владыко, востани, падшим подай воскресение». Кого оплакивает — Спасителя? Нет, нет, теперь я знаю кого, — себя, падшего. Икос — замечательная покаянная песнь среди ликующего пасхального канона. Важнейшая песнь канона, кондак, раскрывает наивысший смысл праздника. Икос всегда дополняет и углубляет кондак. И вдруг: кондак утверждает воскресение Христово, как победу над смертью: «Аще и во гроб снисшел еси, Безсмертне, но адову разрушил еси силу, и воскресел еси яко Победитель, Христе Боже, женам мирносицам вещавый: радуйтесь, и Твоим апостолом мир даруй, падшим подай воскресение», а икос, вместо углубления радости воскресения, возвращает нас к оплакиванию тридневного Мертвеца: «О другини! приидите вонями помажем тело живоносное и погребенное, плоть Воскресившаго падшего Адама, лежащую во гробе. Идем, потщимся, якоже волсви, и поклонимся, и принесем миро, яко дары, не в пеленах, но в плащанице Обвитому, и плачим, и возопиим: о Владыко, востани, падшим подай воскресение!» Разве место такому песнопению в центральной части пасхальной утрени? Это вне обычных законов богослужения. Как же можно плакать, когда уже изречено ангелом: «Престаните от слез?» Как молить Его: «Востани», когда Он уже воскрес из мертвых? Только душа истинно кающегося постигает это странное и преславное песнопение. Ликует и веселится ныне Сион, и все в брачных одеждах входят в него вместе с Иоанном Дамаскиным и прочими святыми встречать Жениха Христа, восставшего из гроба. И у меня внутри начинается радость, и у меня воссияет свет, но одежда моя черна и раздрана. Господи, я еще не связан, я еще не извержен от ангелов, я еще с ними, я еще в раю! Но я вижу, сам вижу раздранную одежду мою первую. Я еще могу здесь покаяться, я вижу блаженство праведных, я вижу, что воскрес для них Христос, вот я и плачу и взываю вместе с мирносицами: «Владыко, востани для меня и мне, падшему, подай воскресение!» Наивысшая точка торжества годового круга — кондак Пасхи переходит в наивысшую точку покаяния годового круга — икос Пасхи. Икос Пасхи — это фокус, собравший среди ликования горняго Иерусалима все покаяние поста и освещающий, в свою очередь, покаянным светом отсюда, с Сиона, весь дальнейший богослужебный круг. Покаянным воплем прорываются пасхальные гимны, воплем, доходящим до глубины кающегося сердца и открывают в нем, в сердце, рай. Как новое слышу теперь, сейчас же: «Прощения и оставления грехов и прегрешений наших у Господа просим, прочее время живота нашего в мире и покаяния скончати... Доброго ответа на страшном судищи Христове просим...» Слезы, покаянные слезы душат меня, а в душе растет, растет радость воскресения не только Его, но и меня, падшего» (с. 163-168). «Отцы мои! Господа ради друг друга не разлучайтесь, поелику ныне, в предбедственное время, мало найти можно, дабы с кем по совести и слово-то сказать». Феодор Свирский

Детям моим, вкупе пребывающим и в рассеянии находящимся, в день преп. Сергия, семейного праздника нашего, шлю благословение Господне! Никогда не забыть мне проводимых с вами дней памяти моего угодника Божия. Они, положенные в основу моего устройства, останутся навсегда для меня, как дни исключительной пастырской радости и сугубо переживаемой пастырской скорби. Маленький ручеек любви моего тесного, не изведенного на широту сердца едва струился в течение года вам навстречу; вы же, родные мои, в эти дни буквально заливали меня могучим потоком сердечной теплоты. Бережно охраняемая, она и сейчас согревает мое

охладевшее в одиночестве сердце. Как благодарю теперь Господа, пославшего вас на моем пути! Помню, как смотрел на вас, отовсюду ко мне собравшихся, — сколько среди вас людей одаренных дарованиями духовными, сколько преуспевших в своем делании. Все вы несете совершенно исключительный подвиг открытого служения Христу в труднейших жизненных условиях, с непрестанным пребыванием в храме Божиим. А я, последний из иереев Божиих, живших, живущих и имеющих когда-либо жить, и я оказываюсь пастырем вашим; ко мне подходите вы с таким благоговением и такую любовью. Чувствовали ли вы, что мне, всегда за счастье считавшему пребывание с вами, в этот день хотелось убежать от вас, скрыться от всех полных любви взоров, отовсюду за меня направленных? Обличаемый каждым вашим благодарным словом, каждой приносимой просфорой, стоял я, бывало, в великом смущении и сознании своего ничтожества. Это была моя, внутри переживаемая, глубокая покаянная скорбь. Вместе с тем и радость наполняла мою душу. Я видел свою семью, несущую единые усты и единое сердце к отцу своему, хотя и не начавшему еще пути покаяния, хотя по лености души и многосуетности жизни не вступившему еще как должно на обновление своего сердца, но все же к отцу своему родному, в котором дети нашли свое святое, близкое, дорогое; к отцу, которого они понимают и который старается их понять. Это был праздник семьи. В душе по-особенному звучали слова степенна отца студитов преп. Феодора: «Се ныне что добро или что красно, но еже жити братии вкупе — в сем бо Господь обеща живот вечный». Наступают часы, которые обыкновенно проводили вместе. Осиротела семья; остался один отец! Сегодня не придете ко мне, не увижу вас, не преподам вам отеческого благословения. Земно вам кланяюсь и благодарю вас за ту полноту пастырства, которую дали мне вы своей любовью. Знаю, что исполняя заповедь Господню, вы относились так к моему убожеству духовному, покрывая терпением недостатки мои. Да исполняется над вами ее обетования: да благо вам будет и долголетны будете на земли. В дни душевной тоски моей по храму и сослужившим мне в нем детям моим попали мне на глаза строки старца Амвросия о кресте в жизни человеческой. Большое утешение дали они моему скорбящему сердцу. Хочу передать их вам, родные мои: «Креста для человека (т.е. очистительных страданий душевных и телесных) Бог не творит. И как ни тяжек бывает у иного человека крест, который несет он в жизни, а все же дерево, из которого он сделан, всегда вырастает на почве его сердца». Указывая себе на сердце, Батюшка прибавлял: «Древо при исходищах вод — бурлят там воды (страсти)». «Когда человек, — говорит еще старец, — идет прямым путем, для него и креста нет. Но когда отступит от него и начнет бросаться то в ту, то в другую сторону, вот тогда являются разные обстоятельства, которые и толкают его опять на прямой путь. Эти толчки, конечно, разные, кому какие нужны». Эти золотые слова хочется мне начертать на скрижалях сердца каждого из вас, родные мои. Носите их в себе. Чаще заключайте в них свой ум, перейдут тогда они в вашу совесть, и увидите в ней, в домашнем судилище вашем, почему поднялся на почве сердец ваших личный ваш крест, каковы исходища вод, произрастившие страдания в нашей покаяльной семье. Вот уже скоро год, как отец ваш не совершает Божественной литургии, вот скоро год, как отдален он от душ ваших. Верую и исповедую, что на грехах моего сердца вырос этот крест. Стараюсь теперь найти, при исходищах каких вод израсло сие спасительное для меня древо. Пересматриваю всю свою жизнь от юности до настоящего дне и часа и особенно — дни священнического служения. Прошу вас, окажите любовь, помогите мне в этом великом для меня деле — переоценке моей жизни: вы совершаете каждодневно вместе с иереями вашими Божественную литургию. Прошу вас, каждый со своего места за проскомидией не забудьте поминать и мое имя. Скоро год, как и вы не имеете в среде своей предстоятеля и отца духовного, а это для многих из вас не малый крест. Умоляю вас, последуйте отцу вашему. Войдите во внутреннюю клеть и при свете старческих слов разберите каждый свою жизнь. Найдите в ней источник нечистоты, вызвавший необходимость очистительных страданий, вам ниспосланных; пересмотрите и отношение к покаяльной семье своей — не вы ли грехами своими привели ее к разделению? Понимали-ли вы по-настоящему, что такое покаяльно-богослужебная семья? Сознали ли, как добро и красно жить в ней вкупе?

Исполняли ли свои обязанности по отношению к ней и к отдельным ее членам? Или, связанные с отцом, вы зачастую отделяли себя от семьи, не служили ей, осуждали ее, поносили ее, забывая, что это наша общая семья? Пусть самая последняя из всех семей Господних, но наша. Господь сочетал нас в ней воедино: в ней мы родились духовно, в ней воспитались, в ней купно живем, с ней, не иначе, пойдём и туда, к Богу. Зачем мне обличать вас в чем-нибудь в день, когда душа полна вами, когда хочется вам, стремящимся духом ко мне, дать слова утешения. Пойдемте лучше к великим и Величайшему и поучимся у них отношению к духовной семье. Прислушайтесь, родные, к словам моим, которые говорю от лица Господня. Господь наш Иисус Христос, пришедший на спасение всех, Сам имел на земле покаяльно-богослужebную семью — апостолов Своих. С ними Он молится, их поучает, с ними входит в Иерусалим на страдание, с ними совершает величайшее новозаветное таинство — Свою Тайную вечерю. Апостолы, призванные Господом, связанные с Ним лично, были сразу поставлены в отношение друг к другу. Что же преподавал Он им в установление взаимных отношений? Своим словом и примером Он заповедует им: 1. Принимать семью, как Божию, от руки Его Им посылаемую: «Не о всем мире молю, но о тех, ихже дал еси Мне, яко Твои суть» (Ин 17: 9). 2. Пребывать с ней: 1) в единении — «Отче Святыи соблюди их во Имя Твое, ихже дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы» (Ин 17: 11); 2) в любви — «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, якоже возлюбих вы, да и вы любите себе». «О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою» (Ин 13: 34-35); 3) в служении — «Вы глашаете Меня Учителя и Господа, и добре глаголите, есмь бо. Аще убо Аз умых ваши нозе, Господь и Учитель, и вы должны есте друг другу умывати нозе. Образ бо дах вам: якоже Аз сотворих вам, и вы творите (Ин 13: 13-15). «Болий в вас да будет, яко мний, и старей, яко служай» (Лк 22: 26); 4) в желании непрестанного с ней пребывания в сем веце и в грядущем. «Отче, ихже дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут» (Ин 17: 24). Принятие семьи своей от руки Господней, пребывание с ней в единении, в любви, в служении, и, как следствие этого — венец отношения к ней — желание непрестанного купножития с ней в сем веце и в грядущем — вот основы заповеданного нам пути, исполненного Самим Христом Спасителем. Так шли и великие. Моисей, получив семью свою, народ Израильский, от руки Господа, не оставляет его и в тот момент, когда карающая десница Господня поднялась для уничтожения Израиля за поклонение золотому тельцу, пребывая до конца в служении народу своему, он чувствовал, что не может быть с Богом без него: «Прости им грехи их, а если нет, то изгладь и меня из книги жизни, в которую Ты меня вписал». Павел, призванный для устройства новой Господней семьи — «народов языков», держит в своем сердце и первую — данный ему Богом от рождения Израиль. Страдая за него, апостол достигает такой высоты служения, что готов ради его спасения сам быть отлученным от Христа. «Истину глаголю о Христе, не лгу, послушествовающей ми совести моей Духом Святым, яко скорбь ми есть велия и непрестающая болезнь сердцу моему. Молил бых ся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти, иже есть израилите» (Рим 9: 1-4). Преподобный Феодор Студит в служении семье, в непрестанном купножитии с ней видит путь приобщения к вечной жизни. «Се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе, в сем бо (т.е. в этой жизни вкупе) Господь обеща живот вечный». Там у Господа прекратится всякое отшельничество, там вместе, в братстве Господнем соберутся служившие Ему во всякое время и во всяком месте на земле нашей. Для того, чтобы пребывать вкупе там, нужно научиться жить вкупе тут. Единение с семьей, любовь к ней, служение ей и желание непрестанного купножития с ней звучит в последнем тропаре 9-ой песни канона, воспетого преподобным Феофаном брату своему мученику Феодору Начертанному: «Пение Владыце принося, отче, и мольбы не престай о моей немощи, о сообитании и братстве, яко да вкупе поживши, улучим вкупе и обожение...» — не обо мне, не о моей немощи только молись, но и о сообитании (с кем на земле непосредственно вместе живу: наставник, ближайшие сподвижники), о всем братстве, ибо неполнота будет там, если у Господа будем только с тобою без сообитания, даже если будем с сообитанием, но без всего братства. Дети мои, ведь и наша семья от Господа! Принимаем ли мы ее от руки

Всевышнего? Находимся ли с ней в единении, в любви, пребываем ли в служении ей? Молитесь Господу, просите Его, чтобы снял Он с вас тесноту, замыкание в себе, чтобы получили вы расширенное сердце! Он изведет вас на широту и даст вам пространство. Тогда не глазами плоти, а очами сердца увидите вы собранных Господом вокруг вас чад Его, вашу семью, а в ней — наиболее близких — ваше сообитание. И запоется в вашем сердце, как бывало в день преподобного Сергия в моем: «Се ныне что добро или что красно, но еже жити братии вкупе». «Любите семью, служите ей», — так учил нас и Батюшка. Пресвятая Владычице Богородице, святителю отче Николае, преподобне отче Сергие, святителю отче Алексие, преподобне отче Серафиме, преподобне отче Феодосие, преподобне отче Пимене, преподобне отче Феодоре, святой Алексие человеце Божий, пение приносяще Владыце, не престайте о моей немощи, о сообитании и братстве, яко да вкупе поживше, улучим вкупе и обожение. Благословение Господне да пребудет над всеми вами» (с. 168–176). Пятое и последнее общее письмо.

«Страдальцам моим бездомным шлю благословение Господне на вхождение в Великий пост! Чувствую, что давно уже ждете от меня слов утешения, но уста мои сомкнулись и во мне самом уныл дух и смутилось сердце. Небо наше земное заключилось для нас. Как же не плакать, как не сетовать, как не скорбеть? «Препояшьтеся вретischem и плачьте, священники! Рыдайте, служители алтаря! Войдите, ночуйте во вретисах, служители Бога моего, ибо не стало в доме Бога вашего хлебного приношения и возлияния» (Иоиль 1: 13). Созданная по образу Божию человеческая природа в радости и особенно в страданиях стремится быть вместе с подобными себе. «Не добро быти человеку единому на земле, сотворим ему помощника по нему», — сказано Творцом еще в начале человеческой истории. Сам Господь наш Иисус Христос в скорби своей смертельной, молясь в саду Гефсиманском до пота кровавого Отцу Своему и укрепляемый ангелом, вместе с тем по человечеству ищет подкрепления у близких, любимых, с которыми совершал путь Своего земного служения: «Прискорбна есть душа Моя до смерти! Пождите зде и бдите со Мною». Грешный и малодушный, подкрепляемый постоянно вашими молитвами, вашим горением, вашим сослужением в храме, ныне одинокий и оторванный, особенно чувствую я свое ничтожество и тесноту. К тоске по храму прибавилась бесконечная тоска по вас и сознание своей великой вины перед каждым. Страдания ваши и лишения стояли неотступно перед глазами моими. Я не находил ни в чем успокоения себе. Подобно Езекии, «как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал, как голубь, уныло смотрели глаза мои к небу. Господи, тесно мне, спаси меня» (Ис 38: 14). Знаю, что молитесь вы за меня, и молитвы ваши, в такой скорби возносимые, дошли до Господа, и явил Он мне, грешному, Свою милость. Покаянные песнопения коснулись и моего унывающего сердца, а слова великого подвижника дали надлежащее направление моим страданиям. «Кто без молитвы и терпения хочет победить искушения, тот не отразит их, а более в них запутается» (Марк Подвижник, I, 189). Вся внутренняя моя потянулась к Господу. Он, только Он, может помочь мне, ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает; Он наказует и Он врачует (Иов 5: 18). Твой есмь аз, спаси мя! Исцели душу мою, яко согреших Тебе! И в ответ опытно открылись в сердце моем слова древнего мудреца: «Не предавайся печали душею твоею и не мучь себя мнительностью, ибо печаль многих убила, и пользы в ней нет» (Сир 30: 22–25). «Управь сердце твое и будь тверд во время посещения. Все, что ни прилучится тебе, принимай охотно и в превратностях твоего уничтожения будь долготерпелив» (Сир 2: 2–4). «При умножении страданий моих в сердце моем, утешения Твои, Господи, стали веселить душу мою». По молитвам вашим исполнились на мне слова псалмопевца: «При умножении страданий моих в сердце моем утешения Господни стали веселить мою душу» (Пс 93: 10). Теперь с Его помощью могу и для вас написать слова утешения, и этим хоть немного умерить ваши страдания. Суд Божий совершается над церковью Русской. Не случайно отнимается от нас видимая сторона христианства. Господь наказует нас за грехи наши и этим ведет к очищению. Совершающееся неожиданно и непонятно для живущих в миру. Они и теперь еще стараются свести все к внешним, вне Церкви лежащим причинам. Живущим же по Богу все давно было

открыто. Многие русские подвижники не только предвидели это страшное время, но и свидетельствовали о нем. Не во внешнем усмотрели они опасность для Церкви. Они видели, что истинное благочестие оставляет даже иноческие обители, что уходит дух христианства неприметным образом, что наступил уже самый ужасный глад — глад Слова Божия, что имеющие ключи разумения и сами не входят, и возбраняют вход другим, что при кажущемся внешнем благоденствии монашество, а затем и христианство, — при последнем издыхании. Оставлен путь опытного делания, путь, по которому прошли отцы древности и который запечатлен ими в писаниях их. Тайны сокровенной жизни нет, и научиться ей негде, ибо оскуде преподобный и умалися истина от сынов человеческих. Извне уже началось гонение на Церковь, и нынешнее время напоминает первые века христианства. Святитель Филарет Московский неоднократно в беседах с близкими ему по духу указывал, что давно уже в России наступило время, подобное гонению первых веков, и плакал о детях, которым, по его словам, придется испытать худшее. Предвидение нашего времени особенно ярко сказалось у двух святителей, особенно много потрудившихся в изъяснении слова Божия — у святителя Тихона Задонского и еп. Игнатия Брянчанинова. «Ныне почти нет истинного благочестия, а одно лицемерство», — определяет св. Тихон современное ему состояние церкви и предсказывает удаление христианства неприметным образом от равнодушных к нему людей. «Должно опасаться, — скорбит он, — чтобы христианство, будучи жизнь, таинство и дух, не удалилось неприметным образом из того человеческого общества, которое не умеет хранить этот бесценный дар Божий.» Столетием позже святитель Игнатий Брянчанинов, говоря о монашестве и Церкви, так определяет их положение: «Живем в трудное время — оскуде преподобный от земли, умалишася правда от сынов человеческих, наста глад Слова Божия. Ключи разумения у книжников и фарисеев. Сами не входят, возбраняют вход другим. Христианство и монашество при последнем издыхании. Образ христианского благочестия кое-как, наиболее лицемерно, поддерживается, от силы благочестия отреклись, отверглись люди! Надо плакать и молчать» (Письмо 15-е). Видя в монашестве барометр духовной жизни, он так свидетельствует о его состоянии: «Дело православной веры можно признать приближающимся к решительной развязке. Падение монашества, значительное, совершившееся неминуемо. Одна особенная милость Божия может остановить нравственную всегубящую эпидемию — остановить на некоторое время, потому что надо исполниться предреченному Писанием» (Письма, стр. 245). «С сердечным сокрушением смотрю на неминуемое падение монашества, что служит признаком падения христианства» (Письма, стр. 251). «Времена чем далее, тем тяжелее. Христианство как дух неприметным образом для суевающейся и служащей миру толпы — очень заметно для внимающих себе, удаляется из среды человечества, предоставляя его падению его. Сущии во Иудее да бегут в горы...» (Письма, стр. 118). Многие из подвижников XVIII и XIX веков смотрели на время своей жизни, как на предбедственное для Церкви Христовой. Не нужно забывать, что все это говорилось во времена полного внешнего благополучия. Не только существовали, но и благоустраивались монастыри, основывались даже новые обители, строились новые храмы, расширялись и укреплялись прежние. Открывались мощи св. угодников. Народ русский прославлялся как хранитель чистоты православия и истинного благочестия. Никому и в голову не приходило, что Церковь тяжело страдает, и развязка не за горами. Иначе смотрели познавшие Царство Божие, имевшие его в сердце своем. С сокрушением сердечным смотрели они на окружающую их среду и, не находя в ней жизни Христовой, предрекали грядущую катастрофу. «Одна особенная милость Божия может остановить ее на некоторое время», — говорил еп. Игнатий Брянчанинов. И милость Божия остановила. Перед угасанием светильник вспыхнул ярче. Так произошло и с Русской церковью. В последний век истинный свет Христова делания возжегся в некоторых обителях иноческих и из них, как и раньше, во времена преп. Антония и Феодосия Печерских и прп. Сергия Радонежского, перекинулся в мир. Снова обратились к забытому уже давно пути опытного богопознания, которым шли великие и величайшие. Некоторые обители, с Оптиной пустыней во главе, не только собирают, переводят, изучают, издают святоотеческие

творения, но на их опыте строят почти заново монашеское делание. Еп. Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник не только «деяньми читают» древних подвижников, но вносят и сами великий вклад в духовную отеческую литературу опытно познанным ими изложением основ христианского делания. Непонимаемые, осмеиваемые, обвиняемые за, якобы, «новшества», идут иноки на борьбу за святоотеческий опыт против обмирщения христианства. Монашество снова получает дух, огонь возгорается там, где недавно едва тлела искра. Заброшенные творения отцов делаются настольными книгами. Учителями жизни становятся иноки древних египетских, фиваидских, палестинских, сирийских пустынь. Пламя деятельного христианства, христианства жизни, христианской новой твари перебрасывается от иноков в мир. Многие тянутся к обновленным обителям с введенным в них старчеством и через них сами приобщаются к опытному подвижничеству. Пастыри-иереи приходят к инокам и, от них получив святоотеческий огонек, приносят его в свои храмы. Изменяется характер церковной проповеди. Творения отцов звучат с церковной кафедры как жизнь, а не как назидательное прошлое. Мир приближается к монастырю, разрушается между ними средостение. В храмах в основу кладется уставное богослужение с широким участием в нем способных к этому верующих. Покаяние делается основой жизни. Возникают покаяльные семьи с непрерывным освящением в таинствах. В корне изменяется строй приходского прежнего бытового христианства с хождением в храм и ежегодным причащением. Со времени преп. Сергия не было еще такого оживотворяющего сдвига. Казалось, делание духовное, начавшись так дружно, расширится по всей земле нашей. Но иными путями повел Невесту Свою Жених Церковный: Сам испивший чашу смерти, Он и ей предлагает очистительные крестные муки. Вот Она, оплеванная, заушенная, поруганная, возводится на Голгофу и, обнаженная, пригвождается ко Кресту. Для верных чад Ее открывается путь исповедничества, мученичества, а, главное, величайших скорбей и величайших лишений. Спросили однажды скитские отцы авву Исхириона: «Что сделали мы?» И он ответил: «Мы соблюдали заповеди Божии». Отцы спросили: «Что сделают те, которые непосредственно последуют за нами?» Он ответил: «Они будут иметь делание вполнину против нашего». Отцы опять спросили: «А те, которые будут после них?» — «Эти, — ответил Авва, — отнюдь не будут иметь монашеского делания, но их постигнут напасти и они, подвергшись напастям и искушениям, окажутся больше нас и больше отцов наших». Особые скорби, небывалые напасти — удел наших дней. В покаянном преодолении их — смысл нашей жизни. Отъятие видимой стороны христианства — главнейшее из всех лишений. Изгнание, заточение, горькие работы — ничто по сравнению с ним. Это отъятие храмов, по слову Божию, можно было бы предотвратить покаянием. «Обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздерите сердца ваши, а не одежды ваши, и обратитесь ко Господу вашему, ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив и сожалеет о бедствии. Кто знает, не сжалятся ли Он и не оставит ли благословения, хлебного приношения и возлияния Господу Богу вашему?» (Иоиль 2: 13-14). Но где мы слышали всеобщий призыв к покаянию? Где видели архипастырей и пастырей, неотступно у жертвенников проливающих реки слез (Иоиль 2: 17) и подвигающих к тому же народ свой? Дипломатические таланты архиереев поставили выше слова Божия, на них возложили надежду, в них положили свое спасение, (ложью?) хотели сохранить Царство истины... И посмеялся Господь над ними и до конца изливает гнев Свой. «Не пред нашими ли глазами отнимается от дома Бога нашего веселие и радость?» (Иоиль 1: 16). Истощают, истощают до основания видимую сторону Церкви. Дети мои, суд Божий совершается. Покаянно припадем ко Господу и найдем в себе силы сказать с пророком: «Гнев Господень буду нести, потому что согрешил пред Ним, доколе Он не решит дела моего и не совершит суд надо мною; тогда Он выведет меня на свет, и я увижу правду Его (Мих 7: 9). К приятию нового образа спасения призывает нас Господь. Множество храмов рукотворных, благолепно украшенных, было открыто столетиями, и в то же время величайшее множество храмов нерукотворных в мерзости запустения пребывали заключенными. Ныне храмы, воздвигнутые руками человеческими, разрушаются, но в покаянной тоске по ним поднимаются храмы, созданные руками Божиими.

Огоньки смиренного мученичества вспыхивают повсеместно, особенно на далеких окраинах. Голодные, оборванные, дрожащие от холода, изолированные от мира, на голой земле, на снегу или в случайных избах, без гробов и священного напутствия умирают иереи, иноки и верные. В покаяльных храмах отходящих душ их возносятся ими молитвы за грехи всей церкви, возлюбившей внешнее паче внутреннего и обряд больше духа — церкви, не нашедшей в себе, даже в годину исключительных бедствий, целительных слез покаяния. Искорки терпеливого исповедничества мерцают всюду от ледяного океана до раскаленной пустыни. В покаянном плаче молятся, открывшие терпением обстоятельств свои сердечные храмы, изгнанные за служение в храмах Божиих! Войдем, родные, и мы в клеть душ наших, войдем в храм наш душевный, посвященный Господу еще в момент Крещения и освященный Им в момент первого Причащения. Храм этот наш никто никогда не сможет его разрушить, кроме нас самих. В нем мы, каждый — иерей и кающийся. Жертвенник его — сердце наше, и на нем мы можем приносить всегда в слезах наших великое таинство покаяния. Трудно нам, запустившим наш храм невидимый и недостойно жившим только храмом видимым, принять от Господа новый путь спасения. Восплачем и возрыдаем, но не слезами отчаяния, а слезами покаяния, примем все, как заслуженное. Разве не Господь посылает это? Разве лучшие из нас не вступили давно на этот путь? Надолго или совсем — Одному Господу известно — уходит от нас видимая сторона христианства. Станем добре, станем со страхом Божиим! Маленький, родной дом Божий! Сколько радости чистой, неземной получили мы через тебя, Иерусалиме наш земной, возводящий нас непрестанно к горнему Сиону! Много еще раз в жизни придется нам поплакать о тебе; не раз навернутся на глазах наших слезы при воспоминании о нашем земном рае. «Если забуду тебе, Иерусалиме, да будет забвена десница моя, прильпни язык мой к гортани моей, если не буду поминать тебя, если не поставлю тебя как верх веселия». Большая чуткость духовная дана вам от Господа. Сердце ваше привело вас не туда, где блистало великолепие службы, где звучали изысканные мелодии, где раздавались искусные проповеди. В маленький убогий храм вошел в свое время каждый из вас и в нем почувствовал правду святоотеческого пути. В наступившую было весну церкви Русской вы явились делателями в Ее винограднике. С каким самоотвержением отдали вы свою молодость, свои зрелые годы, свои старческие силы на устройство храмов жизни покаяльной семьи нашей! Вы не только живые свидетели, но и участники последнего озарения угасающего по воле Божией светильника церкви Русской. В грядущем страшном испытании Церкви Христовой, молю Господа, Его Пречистую Матерь и святых угодников наших, чтобы они нашли вас истинными делателями виноградника Христова. Родные мои, явим себя во всем как служители Божии, в великом терпении, в нуждах, в тесном обстоянии, под ударами, в немощах, в изгнании, в трудах, во бдении (2 Кор 6: 5). Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собой» (с. 177-188).

Виктор Зайцев.: О. Сергей Мечев и его «покаяльно-богослужебная семья»

Община и соборность

На страницах нашего журнала мы уже часто обращались к опыту архим. Сергия (Савельева) и его общины, созданной в начале 20-х годов в Москве. Напомним, что день 29 октября 1929 г., когда была арестована центральная часть этой уникальной общины, в том числе и сам о. Сергей (тогда — Василий Савельев), сами ее члены считали днем рождения своей общины: «Для тела это было болезненно, но в болезни мы обрели новую духовную силу, еще крепче связавшую нас воедино... Господь не защитил нас от тяжелых испытаний, но в то же время даровал нам многоценное сокровище — родную семью. Так, через скорби и унижения,

мы обрели новое познание жизни в благодати Святой Любви. Вот почему день 29 октября для нас остался, может быть, самым дорогим днем во всей нашей жизни. Об этом свидетельствует и то, что стоя у края могилы, мы, еще оставшиеся в живых, этот день всегда благословляем» (см. Православная община» № 48, с. 125). В эту же ночь на 29 октября в Москве среди прочих был арестован еще один христианин — о. Сергей Мечев, сын и продолжатель служения «московского батюшки» — о. Алексея Мечева, глава крупнейшей в то время московской православной общины. И хотя о. Сергей Мечев тогда принадлежал к другому церковному направлению (он был, в отличие от Василия Савельева, среди «непоминающих» на богослужении имя митр. Сергия (Страгородского)), нельзя не отметить подлинного духовного родства этих двух членов Церкви Христовой и возглавляемых ими общин. Замечательно уже то, что, как уже отмечалось на страницах нашего журнала, именно эти две общины не только сохранились до наших дней, но и сохранили подлинную духовную преемственность¹. Действительно, в их жизни можно без труда увидеть много общего, как бы «родового», опыта. Это и атмосфера послереволюционных лет, когда к церкви обратилось множество людей, в том числе молодежи, и плоды религиозно-философского возрождения начала века, и освобождающая и обновляющая роль Поместного собора Российской церкви 1917—18 гг., и кружки по изучению русской духовной культуры и св. отцов, сыгравшие для общинников роль своеобразного оглашения (характерно стремление о. Сергия Мечева к устройству бесед по темам — о мире, о грехе, о совести, о рассудительности, о послушании и т.п.), и объединяющая роль паломничеств, и преемственность по отношению к лучшему в монашеской традиции и традиции русского старчества, и само понимание общины как духовной семьи². У о. Алексея и о. Сергия Мечевых необходимо отметить еще и глубокую духовную связь с Оптиной пустыней, вдохновленность опытом о. Иоанна Кронштадтского, а также прямое участие в жизни общины св. патриарха Тихона. Конечно, есть и существенные (и также очень важные) различия в жизни двух этих общин. Так, община архим. Сергия (Савельева) родилась сразу именно как община, и уже как сложившаяся община старалась поддерживать какой-то приход, а часто жила и без какого-либо определенного прихода. Напротив, община о. Сергия Мечева интересна именно тем, что она как бы естественно родилась из нового для того времени опыта интенсивной евхаристической и аскетической жизни прихода и совместного познания Писания и Предания Церкви. Это — своеобразное перерастание прихода в общину, продиктованное и ускоренное самой российской действительностью того времени и ставшее, к моменту ареста самого о. Сергия Мечева и закрытия его храма, вопросом жизни и смерти. Различна и судьба самих этих пастырей. Архим. Сергей (Савельев) сначала долгие годы был главой общины мирян и только затем стал приходским священником (во многом — против своего желания), черпая силы для этого служения в «родной» общинной жизни, а о. Сергей Мечев, напротив, созидал внутри прихода общину (и общины), которой суждена была долгая жизнь после закрытия прихода и удаления и смерти самого о. Сергия (он погиб в тюрьме в 1941 г., когда советская власть расстреливала всех осужденных по 58-й (политической) статье во время наступления немцев). Думается, в сегодняшних условиях жизни Русской церкви, в которой вопрос о соотношении общинной и приходской жизни, как и тогда, встает сразу в двух направлениях — и от общины к приходу, и наоборот, причем даже в рамках одной общины, — мы должны знать и учитывать и тот, и другой опыт. Поэтому наше обращение к наследию о. Сергия Мечева не случайно. О. Сергей Мечев родился в Москве 30/17 сентября 1892 г. в семье «московского батюшки» — о. Алексея Мечева, настоятеля храма св. Николая в Клениках на Маросейке, и при крещении был назван Сергеем в честь прп. Сергия Радонежского. Семья о. Алексея жила очень трудно и бедно: храм, стоявший в центре Москвы, в окружении большого количества других храмов, пустовал и потому не приносил дохода. Жизнь о. Алексея изменила встреча с о. Иоанном Кронштадтским во время приезда последнего в Москву. О. Алексей обратился к нему за помощью и поддержкой, а в ответ услышал: «Ты жалуешься на свои скорби и думаешь, что нет на свете горя больше твоего. А ты будь с народом, войди в чужое горе, возьми его на себя и тогда

увидишь, что твое несчастье мало в сравнении с общим, и легче тебе станет»³ (с. 20). О. Иоанн не только указал о. Алексею путь подлинной христианской жизни, но указал и источник сил для совершения этого служения — это молитва и, в особенности, совершение Евхаристии: «После совместного с о. Иоанном совершения Литургии, — говорил о. Алексей, — меня охватил огонь пламенной любви к Богу и ближним, и я понял как всю тайну Евхаристии, так и значение пастырского душепопечения» (с. 21). В основу своего нового служения о. Алексей положил по возможности частое причащение Св. Таинств, подлинно уставное православное богослужение, устройство своей паствы как духовной семьи, подобной монашеской, только полностью сохраняющей свою жизнь в миру и, конечно, подлинное духовное руководство, помогающее человеку не уйти от мира, но жить в миру по-христиански, не умаляя евангельского идеала. Вот как раскрывал это в одной из своих проповедей его сын о. Сергей: «В свое время (среди московского духовенства) Батюшка стоял на своем особом месте. Было принято считать, что есть два способа спасения, два пути: путь жизни в миру и путь иноческой монастырской жизни. Путь иноческий обычно рассматривается как ведущий (идуших по нему) к отречению от мира, изымающий человека от мира и поставляющий его в иные условия в отношении, во-первых, богослужения, молитвы, а затем и духовного руководства — покаяния и послушания. И был другой путь, который в известном смысле является для многих путем лукавым — путь спасения в миру, в приходских храмах, где было собственное «делание»; там, мол, монахи совершают свои подвиги и дела, а наше дело только помнить день субботний, во еже святити его: «шесть дней делай и сотвориши в них вся дела твоя, день же седьмый — суббота — Господу Богу твоему». Если в воскресный день приходской храм собирает верующих, то это и есть великое делание, которое заменяет для мирян делание монаха. В другие дни мирянину в храм можно и не ходить. Так и смотрели: ходили в праздничные дни в храм, и этим все ограничивалось, и с этим воскресным хождением в храм не было никакой связи у остальных дней труда. Кроме того, мы знаем, что в наше время богослужение в приходских храмах в значительной степени искажено: одна праздничная служба, одно богослужение похоже на другое, потому что все то, что затрудняет и не развлекает, выпускается, а взамен того вставляются совершенно неподходящие по ходу богослужения концертные песнопения, — и из богослужения делается приготовление не к вечности, а к той же самой мирской жизни, от которой должен бежать христианин, в отношении которой он должен стать премирным. А между тем, хотя церковный народ, верующие люди были отделены от иноческой жизни, они всегда понимали, что там, в монастыре, в ежедневном благоговейном богослужении, в покаянии и послушании заключается дело спасения не только монаха, но и мирянина. И в те монастыри, где духовная жизнь процветала, устремлялся народ, тяготившийся отношением к духовной жизни приходской церкви. Так шли многие в Оптину пустынь, в Зосимову, в Глинскую и другие подобные монастыри. Вы знаете, по примеру оптинских старцев, как все они, начиная с самых первых и до последних, служили не только инокам, но и мирянам, всем тем, которые в обстановке мирской жизни хотели приобщиться к монастырскому деланию. И все-таки была какая-то пропасть между миром и монастырем, куда можно было прийти лишь на несколько дней или даже часов, чтобы получить благодатный толчок, зарядиться духовно. И вот Батюшка о. Алексей часто говорил, что его задачей было устроить «мирской монастырь» или «монастырь в миру», что вовсе не для одних только иноков открыт путь спасения, что он должен быть достоянием всех христиан, что надо в миру жить «премирно», пользоваться им, по слову апостола, как бы не пользуясь. Тем своим духовным детям, которые просили благословения на поступление в монастырь, Батюшка часто говорил: «Погоди, у нас свой монастырь будет», — имея в виду не монастырские стены, а паству-семью, находящуюся под единым духовным руководством и связанную внутри себя узами любви. В ней каждый человек живет как обычный мирянин и член общества, но в душе работает Богу, стремится к выполнению обетов крещения, к соблюдению заповедей Божиих, к святости, обожению. Одни могли не вступать в брак, другие — жить семейной жизнью, но и тем и другим для построения жизни на христианских началах необходимо было духовное руководство. Некоторые св. отцы

говорят: «Мирянин только тем отличается от монаха, что сожительствует с женою». В таинстве крещения каждый христианин отрекается от мира как греха, от служения сатане и дает обет сочетаться с Богом. Многим было странно видеть, что Батюшка, который так много ввел у себя от монастыря, так радостно совершал таинство брака. Батюшка о. Алексей понял, что надо дать верующим богослужение настоящее, подлинное, не имитацию, не суррогат, а богослужение вечное, заключающееся в православном богослужебном опыте. И на этом фундаменте Батюшка начинает приобщать к вечности своих духовных детей. Берется не практика приходского храма или даже монастыря, но совершается богослужение по тем книгам, по которым оно должно совершаться, и совершается изо дня в день утром и вечером, — при изумлении одних, смущении других и, может быть, насмешках третьих. Начинается подлинное приобщение к вечности через богослужение. Будничное ежедневное богослужение должно совершаться не потому, что каждый человек должен и приходить каждый день, но чтобы каждый знал, что в это время совершается богослужение в том храме, где он обычно молится, и когда ему будет возможно, он сможет всегда туда прийти. Батюшка часто напоминал, что в монастыре были многие послушания, не позволявшие инокам ежедневно посещать церковные службы. Батюшка говорил духовным детям, что каждое дело наше есть послушание, данное нам от Бога, и на это послушание он их с любовью и ласкою благословлял. Он часто говорил: «Ты должен помнить о своих обязанностях по дому, по службе, ты должен за послушание делать то, чего требует от тебя твоя работа или твои семейные обязанности. В каком бы положении ты ни находился, ты должен помнить, что ты работаешь для вечности, для Христа, для Бога. Им, Иисусом Христом, Сыном Божиим, должно освящаться каждое твое дело». Матерям, которые бросали своих детей и уходили в церковь, Батюшка запрещал это делать: «Оставайся дома, а я буду за тебя молиться и все верующие вознесут за тебя молитвы». Это не значит, что в будни не надо ходить в храм: я знаю, что мне надо бы быть в храме, но из-за совершения того дела, которое является моею обязанностью, моим послушанием, я совершаю эту работу не только в будни, но, может быть, и в праздник. Батюшкиной задачей было, чтобы каждый в меру своих сил, в меру своего того или иного семейного положения приобщался к той великой школе, которая заключается в богослужении. «Когда ты приходишь в храм иходишь в молитву святых, ты получаешь великую силу, достигаешь высшей премирности, в мире живя», — как бы говорил Батюшка. Поэтому он так часто повторял: «Ходите в храм, ходите в церковь, сколько можете!» И многие его духовные дети так и жили: ходили в храм ежедневно утром и вечером⁴. А затем начинается подлинная духовная жизнь, которой, казалось, не могло быть в миру. Батюшка работает над своими духовными детьми как духовник и старец, он начинает ту работу духовного устройства, к которому и раньше стремились многие русские люди и которое они получали только в обстановке монастыря. Батюшка вводит у себя для духовных детей частую исповедь и причащение. Многие священники смущались и смущаются этим, многие противопоставляли ему какие-то свои правила относительно того, что можно приобщаться только один раз в год, или четыре раза в год, или через сорок дней, но Батюшка отлично знал значение таинства Причащения и именно в нем полагал подлинное духовное развитие человека. Если Церковь есть Тело Христово, то понятно, что говорит Василий Великий: «Из всех церковных собраний самое великое есть то, на котором причащаются Св. Тайн». Батюшкина практика была такова, что у каждого своя мера: кто должен исповедоваться и приобщаться раз в месяц, кто — раз в неделю, кто — несколько раз в неделю, а кто, — может быть, и каждый день. Батюшка был не теоретик, а практик, и каждому давал то, что именно ему нужно. В принятии Св. Тайн он подлинно вводил всех в Церковь Христову, тщательно следя при этом за очищением и воспитанием совести каждого и за его духовным ростом. И этот храм, такой тесный и маленький, явился тем храмом, в котором было свободно и просторно каждому. Каждый из нас, на какой бы высоте (ступени) он ни стоял, берет в своей мере из того, что совершается в этом храме, ибо все здесь премирно, надвременно, ничто не тянет к миру. И вот почему нам так легко стоять в этом храме, хотя мы и грешные люди. Мы можем сказать прямо: мы имеем

духовную почву под ногами, и ее нам дал Батюшка, – он поставил нас в эти условия, он открыл для нас то, что было дотоле закрыто, спрятано в монастыре!»⁵ (с. 80–86). Как мы видим из этого слова о. Сергия (и как это, к сожалению, часто бывает в церкви), дерзновенное возвращение к подлинным истокам христианской жизни, продиктованное желанием помочь людям по-настоящему войти в Церковь и жить в ней, многими воспринималось как дерзкое и опасное (а подчас и смешное) новшество. К счастью, так это воспринимали не все. Так, оптинский старец о. Анатолий, с которым у о. Алексея была глубокая духовная связь («Мы с ним одного духа», — однажды сказал он), всегда посылал москвичей к о. Алексею, а другой оптинский старец — о. Нектарий — как-то даже сказал: «Зачем вы ездите к нам? У вас есть о. Алексей» (с. 52). Не менее необычным для духовенства того времени было и отношение о. Алексея к воспитанию сына. Горячо желая, чтобы Сережа стал его наследником и преемником, он, тем не менее, отдал его не в семинарию, но в гимназию. Это было вызвано не только тем, что о. Алексей, сам окончивший семинарию, хорошо знал ее недостатки, но и потому, что хотел, чтобы решение о принятии священства было у его сына совершенно свободным, не обусловленным внешним давлением. Это был один из принципов его духовного руководства: «Батюшка учил нас ставить перед человеком вешку так близко, чтобы ему казалось, что он ставит ее сам», — вспоминал впоследствии о. Сергий. «Если гимназия дала ему обычное светское образование, то духовное воспитание Сережи проходило под руководством о. Алексея в семье и, в особенности, в храме, где он прислуживал отцу, а позднее пел на клиросе. У него был хороший голос и он был чрезвычайно музыкален. Но самое важное — это была совместная молитва с отцом в алтаре. С нею были связаны самые значительные духовные переживания, о которых о. Сергий вспоминал много раз уже после смерти отца», — пишет его биограф (с. 24–25). После окончания гимназии Сергей Мечев едет за границу, в Швейцарию и Италию, где с особым воодушевлением знакомится с произведениями религиозного искусства, а возвратясь, поступает на Медицинский факультет Московского университета, через год переходит на Словесное отделение Историко-филологического факультета, откуда в 1914 г. добровольно уходит на фронт — устраивается братом милосердия в одном из санитарных поездов, работавших на Западном фронте, где знакомится со своей будущей женой — Ефросинией Николаевной Шафоростовой. Возвратясь с фронта, он продолжает занятия в университете, где особенно интересуется древнерусской литературой и историей Русской церкви. Именно из книги профессора С.И. Смирнова (лекции которого он слушал в университете) «Древнерусский духовник» он заимствовал термин «покаяльная семья», который часто употреблял по отношению к своей общине. Одновременно с занятиями в университете Сергей Алексеевич принимает участие в работе Студенческого богословского кружка имени св. Иоанна Златоуста, организованного в Москве по инициативе наместника Чудова монастыря епископа Арсения (Жадановского)⁶, и начинает самостоятельное изучение святоотеческой литературы, преимущественно аскетической. После окончания университета, в 1918 г., он женится на Ефросинии Николаевне⁷, а в 1919, после поездки в Оптину пустынь, принимает священство. Время, когда о. Сергий стал священником, было внутренне очень противоречивым. С одной стороны, это было время видимого крушения жизни, с другой стороны, для многих, — время подлинного духовного обновления. Интеллигенция, особенно молодежь, обращалась к Церкви и ее Преданию — за помощью и поддержкой, но и пытаясь как бы «наверстать упущенное», совершив тот духовный прорыв, к которому давно уже подводила ее жизнь. Церковь находилась в таком же положении — в 1917 г. был, наконец-то, созван долгожданный и давно готовившийся Поместный собор Российской церкви, призванный обновить жизнь церкви, повернуть ее лицом к страданиям столь нуждающегося в ее духовных сокровищах мира. Многие, и пастыри и миряне, остро почувствовали необходимость реальной, а не только символической духовной и церковной жизни. И хотя и то, и другое, и третье было уже во многом запоздалым, но все же давно чаемое время уже не только религиозно-философского, но и подлинного церковного ренессанса в России, пусть и очень ограниченного в своих возможностях и отравленного расстрелами и расколами, пришло и принесло свои плоды. До 29

октября 1929 г. еще оставалось время — Господь давал Российской церкви еще чуть более десяти лет, чтобы за эти годы использовать открывшиеся возможности и подготовиться к почти полному внешнему уничтожению, — дабы сохранить в своей невидимой глубине духовные сокровища своего предания — не только иерархическую (о чем сейчас так много говорят), но и духовную преемственность. Десять лет — не такой уж маленький срок, и за это время было сделано, действительно, немало: по всей стране возникли очаги почти невиданной дотоле в России общинной и братской христианской церковной жизни. В Москве ситуация особенно благоприятствовала этому: на собор съехались лучшие силы тогдашней церкви, и это весьма способствовало тому, что при храмах стали проводиться различные внебогослужебные беседы, организовывались многочисленные курсы, кружки по изучению св. отцов и православной культуры, богослужебного Устава, из которых рождались многочисленные братства, сестричества и другие новые формы церковной жизни и деятельности. Один из таких кружков вел, по благословию отца, и сам о. Сергей (как он любил шутить, «кликбез по св. отцам»). Из нескольких таких кружков и составилось ядро его будущей общины. В 1919 г. патриарх Тихон (который познакомился с солдатом Сергеем Мечевым еще в 1917 г. во время работы последнего в церковной Комиссии по сношениям с гражданской властью и укрепил в нем стремление стать священником) благословил неформальное братство при Маросейском храме. Община разрасталась, и о. Алексей благословил появление в ней отдельных, особенно тесно спаянных между собой духовных «семей», или, как их вскоре стали называть, групп. Во главе каждой из таких групп стоял наиболее опытный в духовной жизни мирянин, который брал на себя часть пастырских обязанностей по отношению к своим «семейным». Главами духовных семей могли быть и сестры (например, известный иконописец Иулиания (Соколова)). Эти группы, часто (иногда каждую неделю) собиравшиеся по домам для совместного духовного чтения и молитвы, стали большим подспорьем для о. Алексея, так как брали на себя часть его нагрузки. Он часто и с радостью посещал их встречи. Однажды после всенощного бдения, устроенного о. Сергием по полному чину, начавшегося в 10 часов вечера и окончившегося ранней Литургией, был устроен чай под церковью, под названием «агапа», сопровождавшейся духовной беседой. Впоследствии такие бдения, очень понравившиеся и участникам и богомольцам, совершались по несколько раз в год в какие-либо свободные дни. Вот как впоследствии говорил об этом страшном времени, когда в Москве господствовали страх, голод и тиф, сам о. Сергей: «Каждый из нас в какой-то период своей жизни переживает возрождение души. Это время незабываемое и не повторяющееся. Разве могут забыть некоторые из вас, которые вместе со мной в 1919 г. ощутили здесь это возрождение от мертвой спячки души, когда здесь, в нетопленном храме, мы молились по 12 часов в сутки, а после проводили время в «агапах», т.е. духовных беседах, когда вы так чувствовали Бога, правду жизни в Боге? Это время незабываемое и не повторяющееся, оно дается лишь однажды. Это в свое время испытал каждый, причем большую близость между собой как раз чувствуют те, кто одновременно пережили эту весну душ своих, одновременно пришли к Богу» (с. 36). 9 июня 1923 г. умер батюшка — о. Алексей Мечев. Скорбь маросейской общины о потере незаменимого пастыря неожиданно обратилась в радость для всей Российской церкви: отпевать его приехал только что освобожденный из-под стражи патриарх Тихон. Со всей Москвы собирался народ на это духовное торжество... Так сбылось пророчество о. Алексея: «Когда я умру — всем вам будет радость». Но пророчество это сбылось и еще одним, для многих прикровенным образом. После смерти о. Алексея духовное руководство общиной, естественно, перешло к о. Сергию, которого на Маросейке хорошо знали и любили как сына и наследника батюшки не только по плоти, но и по духу. Сначала, по инерции, прихожане храма ожидали, что и при о. Сергии все пойдет так же, как при о. Алексее. Но о. Сергей, не обладавший ни духовным опытом, ни прозорливостью своего отца, очевидно не справлялся с его «наследством»: «И вас не спасу, и сам погибну», — вырвалось у него однажды (с. 76). Испытание достигло такой силы, что он был на грани того, чтобы отказаться от духовного руководства общиной, и даже поехал к о. Нектарию Оптинскому за благословением на этот шаг, но не доехал и вернулся в храм. (О. Нектарий, узнав об этом,

сказал позже: «И хорошо сделал, что не доехал. Я бы все равно не благословил его на уход от паствы» (с. 79).) Но духовный кризис, постигший паству о. Алексея после его смерти, разрешился во славу Божию. Жизнь без батюшки поставила его чад перед необходимостью превращения в подлинную духовную общину-семью, основанную на взаимной любви, большей духовной самостоятельности и ответственности друг за друга и за общину в целом: «На духовных детях лежит обязанность входить в труд их пастырей. Если современные пастыри не могут идти в уровень с древними великими пастырями, то все же в своей мере взяли на себя этот подвиг и хотят идти добрым путем. И каждый из духовных детей должен чувствовать свою ответственность, должен помогать духовному отцу совершать общее дело спасения» (с. 129), — писал о. Сергей, и именно по этому пути и повел он свою паству, развивая и укрепляя в ней те начатки общинной жизни, которые появились еще при его отце. Еще большее развитие получили духовные семьи, или группы, их стало больше, а возглавлявшие их старшие стали подлинными помощниками духовного отца, могли помочь в выборе чтения⁸, оказать первую духовную помощь членам своей группы, утешить, ободрить, что-то посоветовать, поддержать в трудную минуту, вовремя направить к духовнику. В письме к своей духовной дочери, которая была старшей в своей группе, о. Сергей пишет дерзновенные слова о пастырстве не как о специфическом служении отдельных членов церкви, но как об одном из путей спасения, открытом всем верующим, и братьям и сестрам: «Для приобретения «пространства» в сердце утесненном (грехом и страстями) всегда существовало два пути: 1) с Богом и 2) с людьми. 1) Служить Богу и через это служить людям и 2) Служить людям и через это служить Богу. Служить Богу и этим служить людям — подвижничество, служить людям и этим служить Богу — пастырство. Эти два пути часто приводили идущих по ним к разделению, даже и великих. Если идти с образом пастыря и дальше, то можно говорить в христианском делании и о подпаске, и о пастушонке и даже о верной, настоящей помощнице — овчарке. В этом смысле всех работающих в Христовом царстве, не только носящих священный сан или образ монашества, мужей, жен и даже детей можно поделить на пастырей и подвижников. (Здесь можно говорить — по преимуществу. Я нарочно беру по контрасту). (Часто бывает, что пастыри не признают подвижников, подвижники не принимают пастырей)» (с. 130). Впоследствии именно эта пастырская ответственность друг за друга общинников, сплоченных в небольших духовных семьях, помогла общине о. Сергия выжить после ареста и последующей гибели духовного отца и закрытия храма и просуществовать до сих пор. Возможно, в этом подлинном, а не просто символическом христианском единении, прошедшем испытание на прочность во время гонений, и заключается та главная духовная радость, о которой пророчествовал о. Алексей. В этом можно видеть и исполнение загадочных слов о. Нектария, который говаривал об о. Сергии (который, очевидно, не обладал теми духовными дарованиями, которыми был наделен его отец): «Отца Алексея знала вся Москва, а отца Сергия пока знает только пол-Москвы, но потом он будет выше отца». Конечно, паству сплывали не только искушения. Однажды, в 1924 г., о. Сергей устроил поход с маросейскими богомольцами в подмосковный Николо-Угрешский монастырь, где жил на покое «живой русский святой» (слова о. Сергия), в то время уже парализованный 80-летний старец, бывший митрополит Московский Макарий, имевший тогда от патриарха Тихона титул митрополита Алтайского. Поездку эту живо описала одна из ее участниц: «Впервые я встретила со многими, кого знала лишь внешне по храму. Как-то особенно радостно было ехать вместе в поезде, чувствовать себя вместе со всеми, видеть среди нас о. Сергия — оживленного, разговаривающего то с одной, то с другой группой. Когда мы вышли из поезда и направились полевой дорогой к монастырю, сестры запели, о. Сергей подхватил, и так радостно было идти в кругу близких, так легко дышалось, так дружно звучало пение. Когда показались главы Угрешского монастыря, о. Сергей запел тропарь святителю Николаю, и здесь, среди полей, он звучал по-особенному торжественно. Внезапно разразился теплый летний дождик. Он только прибавил всем веселья, а по приходе в монастырь сестры раздобыли утюг и началось глаженье. Особенно промокла белая ряса о. Сергия, ее немедленно просушили горячим утюгом. И когда вручили о. Сергию идеально выглаженную рясу, он

лукаво поглядел на одну из сестер и сказал: «Вот бы дома так все выполняли». Невольно покраснела не одна сестра: многие из нас забрасывали домашние обязанности. Вскоре о. Сергей повел нас за благословением к владыке Макарию. Он, разбитый параличом, сидел в кресле и мог только слегка поднять правую руку на благословение. В то время я очень мало знала о м. Макарии, о его апостольском подвиге на Алтае, но когда увидела, с каким благоговением опустил у его кресла о. Сергей и как почтительно принял благословение, это сразу передалось, и всем сердцем почувствовалось, что немощный, беспомощный старец — это значительная духовная личность. Вечером молодежь затеяла на лужайке игры, бегали в горелки, и сам о. Сергей принял горячее участие, а после подшучивал над теми, кто стоял в сторонке, называя их «старичками». Каким-то образом всю нашу большую компанию разместили на ночевку, а рано утром о. Сергей исповедовал нас и дал нам возможность быть причастниками. После этого дня я значительно крепче ощутила свою связь со всеми, как-то реальнее стало понятие единой «семьи» (с. 120–122). А вот как сам о. Сергей (уже из ссылки) описывал свой рост как духовника и духовного руководителя общины, изменение своего отношения к духовным чадам. Думается, что слова этого письма будут и сегодня полезны и назидательны для всех — и священников, и мирян: «Ваше письмо свидетельствует о настоящем подлинном покаянии. Не теряйте этого состояния. Если чувствуете, что была гордость, самочиние, самооправдание, обиды и т.д. — начните отложение всего этого. Никто вас не бросал. Всегда помню, молюсь и готов идти навстречу. Помните, сколько раз в жизни звал Вас к себе, сколько раз уговаривал. Родная, велика ли польза была от этого? Одни обиды были в конце концов у Вас. Делали большей частью все по-своему. Ну что же мне оставалось делать? Поймите меня. Я должен был хоть напоследок исправить свое временное неправильное отношение. Помните, в притче о блудном сыне. Отец — ведь это сам Господь. Идет ли Он Сам за блудным сыном? Нет. Он ждет, ждет с любовью, с терпением, ждет, когда тот потянется с покаянием. Таков основной подход Господа навстречу кающемуся. И так, родная моя, нужно мне было давно идти не в отношении только Вас, а и многих других, страдающих Вашими же недостатками. Знаете Вы, что я раньше по-матерински подходил к Вам, избаловал Вас: раньше, чем нужно, звал Вас и т.д. Мне казалось, что если так буду поступать, то совесть Ваша не позволит Вам больше поступать так, как поступали. Но Вы часто, сделав что-нибудь, ждали, что я непременно позову, а когда замедлялось это, Вы, ожидая этого как должного, возмущались, негодовали и так далее. И я в этом тоже был виноват, потому что очень баловал Вас (как и многих). Сейчас трудное время, нужно все лишнее, что мешает, снять с себя. В жизни духовной свои законы и понимать их можно, только опытно встав на этот путь. Нельзя лукавить перед Богом. Ведь отношения к духовному отцу несут решающий момент спасения. Можно и хорошо подходить к духовному отцу, а Господь будет как бы в стороне. Важно пред Господом сердце сокрушенное и смиренное, а у Вас, как Вы хорошо сами написали мне, часто бывали слезы обиды, жалости к себе вместо слез покаяния; у Вас, родная, все всегда начиналось: вот я могу только со старцами, а вот М. — кто она мне и т.д., обида за обидой... требование за требованием. Вам-то и не видно было. В христианстве главное — смотреть на себя со стороны, а вы все по сторонам глядели, вот от того и так всё. Никогда не терпели замечания, а ждали только похвалы. Христианин же сам наблюдает за своим плохим, и, конечно, с радостью принимает указания... Не давайте поэтому хода своим помыслам обиды и вообще неудовольствию. Шлю Вам благословение Господне на обновление мыслей Ваших» (с. 140–142). В Великий четверг 1929 г. (за полгода до ареста), день десятилетия своей пресвитерской хиротонии (он был рукоположен в Великий четверг 1919 г., и именно этот день, а не календарное число считал днем хиротонии), он говорил в проповеди, как бы подводя итог своей пастырской деятельности: «В эти дни гонений мы должны теснее сплотиться друг с другом, по-настоящему любить друг друга и помогать друг другу, сострадать, терпеть недостатки друг друга и носить тяготы друг друга. Об этом духе единения и любви нам надо молиться в этот день Тайной вечери, где Христос показал образ служения ближним, друзьям. В час предсмертный, как говорит Евангелие, «Христос явил делом, что возлюбил Своих сущих в

мире, до конца возлюбил их», т.е. в этот час Он выявил всю полноту любви к Своим близким, окружавшим Его в земной жизни. Что же говорить нам о нашей малой любви к Господу и людям? Сейчас в эти страшные дни надо бросить носиться только с собой, со своими горестями и радостями, от которых так тесно в сердце, что сердце не вмещает в себя других. Надо сплотиться теснее, тогда легче будет жить. Каждому ведь предстоит в его мере чаша испытаний. Возможно, что уже скоро нельзя будет собираться здесь, в храме, для общей молитвы — ведь чем же тогда жить останется? Много будет легче, если будет это единение, любовное единение друг с другом. А этого в нас всех нет. Есть, наоборот, вражда, зависть и осуждение. Мы не понимаем времени, в котором живем. Сейчас делают страшное дело — закрывают храмы, а многие относятся к этому легко: «ну что ж, теперь уж так делают!» (А ведь это наши грехи привели к этому). Нам надо бы плакать и каяться. Это дерзкое отношение, это сказывается та дерзость и вольность, которые мы, русские православные люди, внесли в богослужение, в отношение к таинствам. Другие люди, напротив, впадают от этого в уныние, говорят, что все пропало, все гибнет, все безнадежно. Но и это неверно. Всем надо стремиться только к сохранению своего внутреннего завета с Богом» (с. 133–134). Об этом же он продолжал говорить на утрене Великой субботы: «В эти труднейшие дни, в которые мы живем, в дни гонений, поношения, насмешек, клеветы, в дни лишения часто самого необходимого — мы должны перед гробом Господа дать обещание установить свой личный завет с Господом. Мы много грешим, грех тяготеет над нашей душой, но это еще ничего. Важно то, чем мы сейчас живем, вернее, как хотим жить, к чему наша любовь. Сегодняшняя служба скорбная: она — наш плач о Спасителе, умершем за нас; но в ней есть уже и проблески радости (радости пасхальной). Такова вся жизнь человеческая: через скорбь, через покаяние проходит христианин, но по мере очищения себя от скверны он начинает чувствовать в себе иную жизнь, жизнь радостную. И не где-нибудь, а в своей душе, в своей жизни начинает чувствовать воскресение Христово, а с ним вместе и обновление души» (с. 134–135). Но все же главный итог своей пастырской деятельности, свое духовное завещание о. Сергей сформулировал уже будучи вдали от своей паствы, в ссылке, в письмах, адресованных им всей своей общине, своей «покаяльно-богослужебной семье», которые мы и предлагаем вниманию нашего читателя, надеясь, что они послужат всем нам как к покаянию, так и к утешению, а главное — к размышлению и выверению того церковного пути, на который поставил нас Господь

1 См. Свящ. Георгий Кочетков. Наследие старца Силуана в контексте современной церковной жизни. // «Православная община» № 48. С. 40–43. 2 Идущее от прп. Паисия Величковского и Серафима Саровского. 3 Здесь и далее цитаты даны по «Жизнеописанию священномученика иерея Сергия Мечева, составленному его духовными чадами», опубликованному в сборнике «Надежда. Душеполезное чтение» № 16. «Милосердный самарянин», Базель—Москва, 1993. С. 15–207. 4 Это было возможно потому, что обедня в Батюшкином храме начиналась в 6 часов утра, а вечерняя служба в шесть вечера, и все служащие могли успеть попасть на работу вовремя. Только в среду и пятницу служилась поздняя обедня. 5 Биограф о. Сергия пишет: «После смерти Батюшки о. Сергей старался во всем идти его путем, но впоследствии он не говорил о «монастыре в миру», так как это название употреблялось другими лицами в несколько ином смысле. Для некоторых это было как бы некое общество тайных монахов, живущих среди мира и имеющих обязанность выполнять монашеские правила молитвы и поста. Взамен этого о. Сергей заимствовал из практики древнерусской церкви термин «покаяльная семья». До петровских реформ XVIII в. на Руси не было прихода как территориально-административной церковной единицы. Вместо них были «покаяльные семьи», членами которых по свободному выбору сердца и совести мог стать всякий православный. Каждый верующий ходил в тот храм, который был ему по душе, где он исповедывался и причащался. Каждый находился под руководством того священника, который был ему по сердцу. «Приход», как его знало русское общество до революции, т. е. ближайший по месту жительства храм, где по закону каждый человек должен был говеть раз в год, возник после

петровских реформ. Покаяльной семьей была и Маросейка, в которую люди стекались со всей Москвы. А о. Сергей называл ее еще и покаяльно-богослужебной семьей. «Мы не только покаяльная, но и богослужебная семья», — писал он своим духовным детям впоследствии» (с. 86–87).⁶ О еп. Серпуховском Арсении (Жадановском) и организованном им братстве апостола и евангелиста Иоанна Богослова см. «Православная община» № 37, с. 107–113.⁷ Интересно, что молитвы на разрешение венцов новобрачных (которых венчал батюшка Алексей), были прочитаны не непосредственно после венчания, а через восемь дней, как и положено по церковному Уставу.⁸ Интересна такая деталь. Своим духовным детям о. Сергей благословлял читать ежедневно по главе Апостола и Евангелия, но однажды решил, что всем, включая его самого, надо читать одновременно одну и ту же главу, чтобы это чтение и в разлуке всех объединяло. Этому одновременному чтению он придавал особенное значение и велел беречь его больше всего остального правила, т.е. когда не удавалось прочитать правило, главу Евангелия надо было обязательно прочитать, а однажды сказал: «Когда будет Страшный суд, я по этой главе узнаю моих духовных детей».

Дмитрий Горин: Почему поныне церковь молчит. К двухлетию событий в московском храме Успения в Печатниках

Церковная жизнь

Дмитрий Горин

ПОЧЕМУ ПОНЫНЕ ЦЕРКОВЬ МОЛЧИТ

(данная статья в сокращенном виде впервые опубликована в газете «НГ-религии» от и 03.11.99 под названием «Молчание пастырей»)

Я был нем и безгласен, и молчал даже о добром; и скорбь моя подвиглась.

(Пс 38:3)

Но они молчали и не отвечали ему ни слова, потому что от царя дано было приказание: не отвечайте ему.

(Ис 36:21)

Исполнилось два года со времени печальных для всех событий в московском храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, после которых одна из крупнейших общин в Русской православной церкви была изгнана из открытого и восстановленного ею храма. Духовник этой общины, проректор Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы, основатель Преображенского братства свящ. Георгий Кочетков по-прежнему остается под запрещением в священнослужении и даже не может причащаться, как и двенадцать активнейших его прихожан. Страдает община, страдает церковь, и конца этим страданиям не видно. Некоторым итогам этой двухлетней истории, о которых не принято говорить открыто, посвящена данная, не претендующая на абсолютную полноту и объективность, статья.

*

Итак, конфликт тянется уже два года. За его ходом следят и в России и за рубежом, его разрешения ожидают во всех епархиях нашей церкви, но сегодня никто не может сказать, когда церковь от него освободится. Запрещенный священник и его община предприняли, кажется, все возможные и невозможные шаги для того, чтобы Московская патриархия могла разрешить ситуацию. Выполнены все требования и официального патриаршего указа, и заявленные в устной форме от тех или иных патриархийных работников. На имя епископа Москвы направлено не одно и не два письма от находящихся под прещениями, и сотни от тех, кто их поддерживает. Все: и рядовые прихожане, и люди, известные всему миру, просят патриарха о восстановлении справедливости и церковного мира, о снятии бессрочных прещений со священника и с его прихожан и восстановлении нормальной деятельности общины. Но патриарх молчит. Порой кажется, что предстоятель Русской церкви, как в тиски, зажат в обстоятельства, преодолеть которые ему не под силу. Тем не менее, разрешение конфликта сейчас зависит целиком только от него.

Впрочем, одну попытку выйти из столь скандальной для него и для всей церкви ситуации патриарх сделал. Накануне Великого поста 1999 г. многие прихожане Успенского храма, отчаявшись получить ответ на свои вопрошания через канцелярию Московской патриархии, напрямую подходили к Его Святейшеству на богослужении и спрашивали, когда же будет урегулирован конфликт. Патриарх ответил, обратившись к членам общины с амвона храма Христа Спасителя после литургии в Прощеное воскресенье 21 февраля с.г. Он сказал, что необходимо просить прощения у тех, кто обижен и «тогда у нас будет возможность снять прещения». Вечером того же дня в патриаршем кафедральном соборе на традиционном чине прощения прихожане о. Георгия говорили патриарху, что уже второй год подряд они просят прощения у всех, кто считает себя хоть сколько-нибудь обиженным, но этого прощения не получают. В ответ, по мнению многих свидетелей, искренне, Святейший обещал решить этот вопрос с помощью управляющего делами Московской патриархии митр. Солнечногорского Сергия. К концу Великого поста по церковной Москве даже ходили упорные слухи, что будто бы к празднику Пасхи все прещения будут сняты и будто бы уже определен храм, в который будет направлен служить о. Георгий Кочетков.

Но прошла Пасха, затем Вознесение, Троица, и вновь нет никакого ответа от чиновников Чистого переулка. Недавно обманутые люди вновь вопрошали своего епископа. Теперь патриарх всем отвечает одинаково лаконично: «Все передано митр. Сергию. Он все должен решить».

На сегодняшний день в церковных вопросах любой архиерей в границах своей епархии обладает практически неограниченной властью. (Даже если и есть каноны, упорядочивающие архиерейскую власть, нет силы, или церковной институции, могущей осуществлять контроль за соблюдением канонов.) Что же помешало Его Святейшеству осуществить свою волю, о которой он заявил перед Великим постом? Какая неведомая сила препятствует ему разрешить конфликт, который не просто крайне не выгоден, но прямо вреден и для его личного, и для общецерковного внутреннего и международного авторитета? Почему предстоятель церкви, который постоянно провозглашает миротворчество как основной принцип своего и церковного поведения в обществе, не может восстановить справедливый мир непосредственно в своей епархии, в Москве?

Церковная история последних лет говорит нам, что, к сожалению, данная история — не единственная в своем роде. Череда церковных скандалов не прекращается как минимум с 1996 г., со времени незаконного запрета в священнослужении одного из лучших современных церковных иконописцев архим. Зинона (Теодора) и отлучения от причастия его братии. За все прошедшее столетие, столетие, быть может, самое страшное в истории России и Русской

церкви, не было времени столь активных внутри-церковных гонений: запрет о. Зинона и разорение его иконописной школы и монастыря, провокация против общины свящ. Георгия Кочеткова, травля и буквально «выдавливание в раскол» общины Сретенского храма в г. Херсоне, бесчинства Томского архиерея, сопровождавшегося также бесчисленными запретами и ссылками священников и разгоном их общин, сожжение книг современных православных богословов в Екатеринбурге и запрет несогласного с этим священника, и снова разгон общины — игум. Мартирия (Багина) (в том храме теперь расположилось подворье Александрийского патриархата), а потом новый скандал в Екатеринбурге. И все это за неполные четыре года, причем тогда, когда государство не борется с церковью и за спинами архиереев уже нет уполномоченных и т.п.

Епископат теперь действительно свободен в решении церковных вопросов и, казалось бы, должен поддерживать всякую инициативу «снизу», направленную на соби́рание церкви. Но почему тогда во всех указанных случаях архиереи прибегают к столь нецерковным методам, а часто прямо к таким, как, например, в случае с общинами в Москве, Херсоне, Томске, какими действовали известные органы еще пару десятков лет назад? Откуда вдруг возник и закрепился как единственный и абсолютный принцип поведения епископа во всех случаях: «кто не с епископом, тот вне Церкви» (см. интервью митр. Солнечногорского Сергия в «НГ-Религии», № 9 (32) от 12.05.99 г.)? Каким богословским образованием и эkkлезиологическим сознанием нужно обладать, чтобы не смущаясь, открыто говорить: «Церковь — это епископ. Кто против епископа, тот против Церкви» (из интервью еп. Никона программе Екатеринбургского ТВ «Земля Санникова»)? Или мы уже забыли о том, Кто глава Церкви, или упразднены уже слова святого апостола: «...и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф 1: 22-23)?

Отвечать на такие вопросы страшно и опасно. Но церковь, несмотря ни на что, все же жива, и то, что, например, в Томске добились-таки снятия архиерея (который, как и Екатеринбургский, тоже снятый решением Священного синода 20 июня с.г., все же остался епископом, и значит, в любой момент может быть вновь назначен правящим), говорит о том, что возможно добиться исполнения правды в нашей церкви. Но это задача не отдельных людей или даже приходов. Это дело всей церкви, всего церковного народа, тем более, что нынешняя ситуация в РПЦ, видимо, такова, что исправлять ее в духе Св. Писания и Св. Предания, без насилия, расколов и других нестроений, может только подлинно народное, внутрицерковное движение. Всевозможные изменения «сверху» всегда чреватые серьезными церковными конфликтами.

Но вернемся к московской истории. Рассуждая над тем, почему образовался сегодняшний тупик при том, что, рассуждая здраво, ни одной из сторон его продолжение не выгодно, можно было бы сделать, по крайней мере, два вывода.

Первый вывод: патриарх имеет или личную обиду или претензию к о. Георгию Кочеткову, и поэтому как бы сам о. Георгий и его общинники ни старались делать все для уврачевания инцидента, сделать ничего не удастся и не удастся. Примечательно, что никаких собственно личных отношений между патриархом Алексием II и о. Георгием не было и нет, из чего можно заключить, что такая неприязнь могла возникнуть лишь в силу соответствующей «обработки» патриарха кем-то из его окружения. Очевидно, что преодолеть такую неприязнь, если она имеется, можно одним лишь способом — личной встречей, на которой можно было бы снять имеющиеся недоразумения. Но поэтому так же очевидно, что никогда архиеп. Арсений (Епифанов), прот. Владимир Диваков, архим. Тихон (Шевкунов) не допустят этой встречи. А именно их открыто называл присланный в 1997 г. в храм Успения в Печатниках второй священник в качестве прямых руководителей своих провокационных действий. Для них такая

встреча, где патриарх может услышать правду обо всем происшедшем, как говорится, «смертельный номер».

Второй вывод. Патриархия... не хочет идти против себя. Разреши она сейчас о. Георгию служить, пусть даже в самых диких условиях, это может означать хоть и не полное, но признание своей, скажем так, неправоты. Еще более важно то, что для многих и многих церковных людей и в Москве и в других епархиях это будет означать, что «системы», по выражению архим. Антонина (Капустина), можно не бояться, что в церкви им можно открыто делать церковное дело, не боясь лишиться за это места на приходе или в духовной школе, не боясь быть отлученным от причастия только за то, что, например, прошел полноценную взрослую катехизацию у о. Георгия, как это поныне с благословения местного архиерея делается во всех (!) храмах Твери.

К сожалению, пока нет оснований исключать какой-либо из этих двух выводов.

Люди, не очень сведущие в московских церковных делах, с искренним непониманием спрашивают: «За что гонят о. Георгия и его общину?» И в самом деле, за что? Что делал или делает свящ. Георгий Кочетков или его прихожане противного Евангелию и церковной традиции, достойного того, что они претерпели и терпят с 1993 г.?

Никогда о. Георгий не боролся и не призывал бороться ни с кем и ни с чем, кроме зла и греха. В этом может убедиться любой интересующийся, так как проповеди его открыто издаются. Его приход, один из крупнейших в Москве, был одним из самых бедных, а основанная им Свято-Филаретовская высшая православная школа не имеет ни одного регулярного спонсора и живет целиком на пожертвования членов и друзей неформального Преображенского братства. Поэтому финансовую зависть как источник агрессии можно, кажется, исключить. Его многолетняя переводческая, миссионерская, катехизационная, образовательная, благотворительная и приходская деятельность была совершенно открыта, всем известна и никогда не вызвала никаких подозрений в канонической несостоятельности или противоречии Евангелию или Преданию Церкви. Да и тысячи людей, пришедшие в Русскую православную церковь через основанное им Огласительное училище — более чем «достаточное» доказательство его церковной «благонадежности». А если кто-то сомневался в этом, почему было бы не обратиться к компетентным людям, или даже комиссиям, которые во множестве существуют, скажем, при Синоде, как кажется, для выяснения всех подобных вопросов?

В Огласительном училище при Свято-Филаретовской высшей православной школе действительно в течение года готовят людей к крещению или, кто крещен в детстве, но в храм не ходил, к первой исповеди и причастию. Люди проходят последовательное, целостное наставление в основах не только христианской веры, но и жизни именно потому, что человек самостоятельно, сознательно должен выбрать свой духовный путь и вступить на него с полной ответственностью и за себя, и за своих ближних, и, в конце концов, за свою церковь. О. Георгий и его сотрудники стараются научать людей так, чтобы они являлись не «толпой верующих», но народом Божиим, который был бы в силах реально, всерьез побеждать зло и грех внутри и вокруг себя.

Конечно, таким народом, знающим Кто есть Глава Церкви, где в ней свое достойное место занимает иерархия, а где — миряне, нельзя управлять пренебрежительным окриком. Его нельзя рассеять гневливым взором. Именно о таком народе св. апостол Петр говорил: «Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел: некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда непомилованные, а ныне помилованы» (1 Пет 2: 9-10). С таким народом, а вернее, в таком народе нужно просто жить, как бы непросто подчас это ни было.

Не в боязни ли такого народа — основная причина гонений на общину о. Георгия и на другие подобные, упомянутые выше? Не выгоднее ли нынешнему церковному начальству «одинокая толпа», смотрящая в уста своему «старцу»-батюшке, что бы из этих уст не исходило? Конечно, с позиции начальства проще иметь дело с толпой, которая «не лезет, куда ей не положено», которую легко ублажить «кнутом и пряником» и заставить идти в любом выгодном для себя направлении. Но если, не дай Бог, нынешние «благоприятные» внешние условия, когда беспрепятственно можно строить храмы и монастыри, внезапно кончатся, кто будет защищать все восстановленное и выстроенное заново? Ведь мы уже знаем такое. Вспомним историю!

Конечно, такая, к сожалению, уже давняя, политика Московской патриархии не могла бы настолько развиться, будь хоть сколь-либо ощутимое сопротивление ей среди епископата и священнослужителей. Подавляющее большинство клириков Москвы знает и понимает, что весь конфликт в Успенском храме в 1997 году — незаконная провокация от начала и до конца. Но ни один из служащих священнослужителей Москвы официально не сказал об этом. Здесь ни от кого не требуется выражать свою симпатию лично о. Георгию Кочеткову или его сотрудникам. Речь идет о защите простой Божьей правды. Во всех других епархиях (Псковской, Екатеринбургской, Рижской, Томской и др.), где за последние годы были факты подобных же гонений на Церковь, находились же священнослужители, не боявшиеся сказать слово правды, даже в ущерб себе. В Москве — ни одного! Кто-то, наверное, думает, что так он спасает свое дело, точнее, свой приход, своих духовных чад. Так, видимо, думал и о. Мартирий, когда после запрета о. Георгия мягко оставил преподавание в Свято-Филаретовской высшей школе. Года не прошло, как с ним и его общиной поступили по тому же сценарию, что и с общиной Успенского храма в Печатниках. И снова Москва молчала. Фактически, такое молчание говорит о том, что на сегодняшний день все московские священнослужители вольно или невольно согласны с теми греховными методами, которые применялись против общин о. Георгия, о. Мартирия и др.

Исключительно ясно теперь, после этих случаев, что для сохранения «своего» священнику нужно уже не просто молча отвернуться от о. Георгия или ему подобных. Нужно замереть самому и приказать замереть, а лучше вообще разойтись, своим прихожанам, как это подчас и делается, — по принципу: «Вы работаете, вот и я работаю. Мне тоже надо детей кормить». Ведь уничтожают сейчас более не тех, кто высказывает поддержку о. Георгию или выступает за право приходов совершать богослужение на русском языке, или за исполнение иных решений Поместного собора Российской церкви 1917–18 гг. Пытаются уничтожить тех, кто сам в церкви пытается жить прежде всего по вере, по Евангелию, кто собирает Божье стадо, научает его, в живой вере воспитывает детей. Это — трагическая реальность современной церковной жизни, и от нее нельзя отвернуться. Реальность эту нужно трезво осознать.

В заключение нельзя не сказать несколько слов и об общине о. Георгия. Только неразумный человек может думать, что во всем произошедшем виновна только одна «сторона». Не думают так, очевидно, и те, кто находится под прещениями. Иначе в чем бы им было каяться на исповеди у епархиального духовника г. Москвы.

Церковная деятельность свящ. Георгия Кочеткова, жизнь и служение его общины, по словам одного митрополита, «вызвали в церкви напряжение». И с этим трудно не согласиться. Когда кто-то в толпе задыхается и начинает шевелиться, это всегда «напряжение» для толпы. Когда один в покорно молчащем зале начинает говорить правду, это всегда вызывает «напряжение» в зале, все чувствуют себя неловко. Это же так знакомо! И иначе в истории никогда не было и не будет. Сам Господь наш Иисус Христос, как мы знаем, вызвал некоторое «напряжение» в «добропорядочном» иудейском обществе. Слово Божие, дело Божие обладают таким неотъемлемым свойством: всегда вызывают «напряжение», «для иудеев соблазн, для эллинов — безумие». Всегда. Без исключений. Поэтому разговоры о том, что «о. Георгий бежит впереди

паровоза» или что он «оторвался от обозов и поэтому вызвал в свой адрес такую реакцию фундаменталистских кругов», являются, увы, разговорами, скорее несерьезными и безответственными. В результате «напряженной» деятельности о. Георгия (а на самом деле, не его одного) теперь уже никто не сможет сказать, что в нашей церкви нет, к примеру, проблем воцерковления взрослых, богослужебного языка или местной соборности.

И все-таки об основной, действительно серьезной и по-настоящему церковной проблеме общины Успенского храма до сих пор открыто не говорилось. О. Георгий взялся за тяжкое дело — за глубокое воцерковление интеллигенции и молодежи. (В его приходе был самый разный народ, но интеллигенция все же превалировала.) О необходимости этого еще в советские годы тому же о. Георгию говорили и о. Таврион (Батозский), и патриарх Грузинский Илия II. В первую очередь нужно учить тех, кто способен научить других. Но интеллигенция, как и молодежь, — это и наиболее проблемные в духовном отношении люди из-за своей крайней индивидуализированности, стремления на все на свете иметь свой взгляд, обо всем иметь свое суждение и т.п. Труднее всего этим людям быть единомысленными, единокорпусными, труднее быть и жить вместе, церковно.

О. Георгий собрал таких людей в общину, которая стойко пережила свое первое изгнание в 1993–1994 гг. из Владимирского собора бывшего Сретенского монастыря. Ей же навязывали второго «духовника» (по словам архиеп. Арсения: «Вы должны принять о. Михаила»), и община со смирением приняла его. Приняла, зная уже с первой его службы в храме Успения, что это будет и разрушительно для самой общины, и искушительно для церкви. Этого второго, более серьезного искушения, когда настоятель храма о. Георгий был бессилен что-либо сделать, и действовать должен был именно народ, община не смогла вполне выдержать. Сейчас очевидно, что нельзя было даже допускать в стадо «лютюго волка, на щадящего стада» (Деян 20: 29). Даже сомневающимся прихожанам это стало ясно 6 мая 1997 года (более чем за полтора месяца до кризиса 29 июня) после переосвящения им Св. Даров на Евхаристии, т.е., согласно действующим еклизиологическим принципам, прямого раскольнического действия, свидетелями которого были сотни людей, молившихся в тот день в храме. Еще тогда было не поздно закрыть перед кощунником двери храма и потребовать, наконец, встречи со своим епископом — Святейшим Патриархом. Но община все терпела...

Разрешение ситуации все равно настало. Окажись Успенская община более самостоятельной, более ответственной и более решительной, будь она более общиной, а не просто приходом, разрешение это могло бы быть гораздо менее болезненным и для о. Георгия, и для двенадцати впоследствии отлученных, и для самой общины, и для всей Русской церкви.

В результате община теперь идет иным путем. Этот путь можно сравнить с путем, которым шел народ Израиля в Синайской пустыне, чтобы выйти из нее, наконец, народом свободным, народом Божьим. Видимо, что-то подобное переживает теперь она.

Что же, все мы призваны сбросить с себя путы векового рабского страха, призваны полюбить и научиться ценить самое дорогое, что есть в жизни, — Свободу, о которой в Писании говорится: «Где Дух Господень, там Свобода». Без этого не войти нам в землю обетованную, в которой Отец может принять нас не рабами, но только друзьями. Будем же твердо идти дальше и надеяться, что время нашего пути Господь сократит, так что он будет не столь долог, как сорокалетний путь ветхозаветного народа...

Священник Георгий Кочетков:

«Всемирная отзывчивость» или изоляционизм?

Церковь и культура

К вопросу о русской самобытности и о включении России в достойный контекст мировой истории** Выступление на конференции «Россия в Третьем тысячелетии. Диалог мировоззрений». Н.Новгород, 15-16 июня 1999 г.

1. 200-летний юбилей А.С. Пушкина — лучший контекст для нашей темы, хотя эта тема не нова. На ее почве ломались копыя издавна, во всяком случае с века пятнадцатого. После татаро-монгольского ига и падения Константинополя перед Россией, а тогда еще единой Русью, встала проблема преемственности и единства с мировыми центрами и включенности ее в контекст мировой истории, и при этом полной самореализации. Мифы о «Третьем Риме» и «Святой Руси» надо рассматривать прежде всего в этом контексте. Не случайно они не были забыты и в дальнейшем. Конфликт стяжателей с нестяжателями, многое в эпохе царей Ивана Грозного и Бориса Годунова, Алексея Михайловича и Петра Великого, в истории споров духовных лидеров нижегородцев Никона и Аввакума, не говоря уже о более поздних временах, также невозможно понять вне контекста поисков Россией себя и своего места в мировой истории, определявшейся в те века более всего в Европе. Русь и Россия немислимы без больших пространств. Значит, наша страна — это всегда особый «мир». И вопрос лишь в том, может ли он осуществить себя сам, может ли он быть самодостаточен? Внутри себя этот мир всегда многообразен и открыт, и это — характерная черта русских и русского вообще. Но как быть с миром внешним, который очень часто был настолько иным и непонятым, что выглядел прежде всего враждебным? Да обычно он таковым и являлся, ибо для него Россия точно так же была слишком иным и непонятым миром, внушавшим инстинктивный страх. В этом случае провозглашенная Ф.М. Достоевским «всемирная отзывчивость» русского характера может быть легко замкнута лишь на себя, только на свой «мир», который тогда и начинает мыслиться как самодовлеющее целое, у которого нет союзников, кроме своих же армии и флота. К этому у русских издавна была своя склонность, которая своей крайней позицией не могла не вызвать реакции — крайнего космополитизма, к которому у многих русских есть такая же природная склонность, что и понятно, ведь все хороши, пока с ними не начнешь иметь одно дело. И вот одна лишь внутренняя всемирная отзывчивость русских легко и наивно переходила лишь во внешнюю. Это особенно легко, если у себя все всегда плохо, а у других, где нас нет, все всегда хорошо. В пушкинские времена Петр Чаадаев, любивший Россию, соблазнялся ее историей, оторванной от мирового процесса и от церковной вселенскости, которую он находил в Католичестве. Пушкин ему возражал и выводил смысл нашей истории из идеи охранения, но не себя, а того же самого мирового процесса, протекавшего в разных, как католических, так и протестантских, странах Европы. Он пытался всем и всему найти свое место и свой смысл, соотнесенный с открытой ему волей Божьей, заключавшейся в проповеди свободы и справедливости. Это сделало его первым большим русским пророком, от которого и пошла, по выражению Т. Манна, «святая русская литература», восполнявшая чисто церковный путь Богопознания. Дело Пушкина продолжали М. Лермонтов, отчасти Н. Гоголь, потом Ф. Достоевский и отчасти Л. Толстой. На них вырос Н. Бердяев и многие другие, поднявшие на себя великий крест русского религиозно-философского возрождения конца XIX—первой половины XX вв. 200-летний юбилей Пушкина стал наглядным примером единства всех здоровых сил русской нации и всего российского общества. Но удивительное дело! Пушкина равно до небес превозносили и все нездоровые силы той же нации и того же общества: крайне правые и крайне левые, националисты и космополиты современной России единым хором, хотя

и в разных партиях, славили одного и того же умершего молодым человека. Те, кому Пушкин не подал бы руки, тоже пытаются опираться на него. Так, например, рупор черно-красно-коричневых сил, телепередача и журнал «Русский дом», посвятили юбилюру целые часы и полосы. А агрессивнo-националистическая и откровенно изоляционистская газета «Русский вестник» (№ 18-19 за 1999 г.), постоянно, как и «Русский дом», кооперирующаяся с «Черной сотней», обществом «Радонеж», Союзом «Христианское возрождение», Союзом православных братств, Союзом православных граждан и т.п., не стеснявшаяся еще недавно на своих страницах называть русский язык языком «спекулянтов, наркоманов и сутенеров», а также языком «банщиков в Сандунах» (см. статью Ю. Исатова «Готовят новый раскол?» в № 1 за 1994 г.), на первой полосе под большим пушкинским портретом поместила слова Ф.М. Достоевского: «Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда на русского человека», продолжив эту тему на трех полосах статьей некоего Н. Богданова «Судьба Пушкина в контексте русской истории», заканчивающейся знаменательными словами: «Никакому Западу, никаким европейцам, никаким диким племенам Пушкин не нужен, хотя некоторые поклонники его таланта и удостоили его звания «всемирного поэта». Нет, он — русский поэт. И умрет вместе с Россией». И далее идут слова, с которыми можно согласиться, правда, вероятно, в другом контексте и смысле: «200-летие со дня рождения А.С. Пушкина — один из рубежей для возрождения России. Насколько это удастся — покажет время». Теперь этот вопрос — камень преткновения для многих.

2. Уникальная целостность пушкинской личности — пример для всех, в т.ч. всех русских и всех христиан. Мы живем в разорванное, нецелостное время, выявляющее наступление секуляризации на наши души и ставшее даже характерной чертой современной мировой эпохи постмодерна. Поэтому неудивительно везде видеть явления кризиса и упадка: и в области духа, и души, и тела, требующего для себя все больше материальных благ при уменьшающейся самоотдаче. Но традиционные церкви, общества, люди и нации не просто разлагаются на составные части, они начинают испытывать борьбу этих частей между собой. Все чаще жестко ставится вопрос: «или — или» там, где нужно говорить: «и — и». Ради одной части некоей целостности требуется жертвовать другой. Идея русской самобытности противопоставляется идее включения России в какой бы то ни было контекст мировой истории. Ради первой требуется жертвовать второй, что ведет как раз к изоляционизму, а то и к новым формам нацизма, что противоречит самой избранной идее. А ради мировых масштабов нашей современной жизни требуется жертвовать всем русским, национальными интересами, историей, культурой, памятью и духовным опытом народа. Но ведь жертвуя русским, мы невольно должны будем забыть и о русской «всемирной отзывчивости», пусть и придавленной в нашей жизни так же, как и все другое подлинное и глубокое. И тут ясно, что ни к чему доброму, ни к чему, кроме бескачественного и безликого космополитизма, мы в итоге на этом пути не придем. Наверное, уже стало общим местом утверждение, что как русский квасной и нагаечный патриотизм, ничего дальше своего носа не видящий и ничего «не своего» не ценящий, так и космополитизм, спекулирующий русской доверчивостью и открытостью, являются антирусским, антинародным и антихристианским, антиправославным явлением. И то, и другое — большой соблазн и большая опасность для будущего нашего народа, нашей церкви и родины. Эти явления изменяют нашим традиционным ценностям, их иерархии, связям и отношениям. Они не могут решить проблему возрождения России, русской самобытности и включения России в достойный контекст мировой истории.

3. Обе крайности должны быть обличены нашим народом, церковью и обществом как ложные пути и экстремизм. Хотя мы и помним о том, что корни обоих явлений сидят глубоко в прошлом и настоящем, что оба явления не будут вполне искоренены и в обозримом будущем, нам надо бороться не со злыми, а как учит нас Евангелие Иисуса Христа, Сына Божьего, со злом. Нам придется вспоминать свои самобытно-русские корни внешней и внутренней «всемирной отзывчивости». Они тоже могут быть найдены и в прошлом, и в настоящем, их тоже нельзя будет никому выкорчевать в обозримом будущем. Во всяком случае,

до тех пор, пока русские будут себя ощущать и будут духовно и культурно существовать как великая нация, великий народ. Ведь для России и русских быть им — значит быть открытыми ко всем, значит давать всем авансы доверия и любви, независимо от прошлых перипетий и нынешних противоречий, несмотря на различия вер, культур, характеров, типов жизни и социально-политического и экономического устройства. Иначе где наша христианская вера, где положительное отличие нашего Православия, которое не может быть ничем иным, как открытостью к Богу и ближним по искренней, а не политизированной или корыстной любви к ним. Да, и русский изоляционизм, и космополитизм могут иметь как светский, так и церковный характер, носить как советские, так и дореволюционные черты. Но задача духовного обновления и возрождения должна ощущаться как наша общая задача. Как мне представляется, для ее решения нужно искать и находить гармонию во взаимопроникновенности двух главных задач: во-первых, внутреннего качества русской жизни и внешней ее открытости, и во-вторых, внутренней ее открытости и обретения Россией своего особого внешнего лица. Все вместе позволило бы нам найти как свою самобытность без рабствования кому-либо или чему-либо в прошлом, настоящем и будущем, так и включиться в достойный контекст мировой истории без потери аутентичности пред Богом и людьми. Тогда лицо России не стало бы напоминать маску, оно под собою имело бы прочную личностную основу, порождающую живой и вечный ангельский русский лик. И не важно, будет он называться Святой Русью или нет, важно, что он в действительности, всегда не тождественной идеалам, сможет ею стать. Вечный образ России и русского народа, как и церкви Русской, не может быть обретен иначе. Тогда снова вернутся и благородные типы русских людей, дававшие миру великих святых, поэтов, композиторов, ученых и народных вождей, типы, потерянные в веках, и особенно после 1917 г. (см. Н. Бердяев. Духи русской революции).⁴ В заключение подведем итог сказанному. Россия, русский народ и Русская церковь, по нашему глубокому убеждению, нуждаются в существенном обновлении, или, если угодно, возрождении. В возрождении и обновлении всего лучшего, что было заложено в них Господом. Но надо осознать, что эта задача имеет множество своих темных двойников, способных завести лишь в тупик изоляционизма или потери самое себя. На первое работает всякого рода церковный и мирской фундаментализм и филетизм, нетолерантность и любовь лишь к себе и к своим или по внешности своему. На второе — всякого рода космополитизм и модернизм, как и подменяющее собою подлинное обновление обновленчество (об этих категориях подробнее см. в моем докладе на международной конференции «Живое предание», организованной Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школой в Москве в октябре 1997 г., материалы которой только что изданы (Свящ. Георгий Кочетков. Об опасных тенденциях в современной церковной жизни. // Материалы Международной богословской конференции «Живое предание». М., Свято-Филаретовская школа, 1999. С. 76–104).). Чтобы избежать тупиков в процессе духовно-национального и общественного возрождения, нужны одновременно традиционные и обновленные качества нашей жизни. Наверное, самое главное — это столь часто попиравшаяся и попираемая в нашем духе, сознании и действии личностность. Причем, с полным сознанием того, что это качество не столько означает какую-либо претензию для себя, сколько возможность для каждого человека, каким бы индивидуумом или бездарем он сейчас ни был или ни казался. Сейчас мы отменили смертную казнь, но эта естественная для всех после двухтысячелетней христианской истории норма еще не стала достоянием нашего сердца и ума. Любовь и благоговение к святыне образа Божия в каждом человеке могут стать единственной основой для возрождения каждого человека в соответствии с его достоинством и призванием. Личностность — динамическая задача, ибо человек не рождается личностью, а ею становится по мере познания тайны Бога и Человека. Полное решение этой задачи укоренено в вечности и принадлежит тому Богочеловечеству, которое, вслед за Владимиром Соловьевым, мы называем Церковью с заглавной буквы, Церковью как мистическим Телом Христовым — единым святым, вселенским, соборным и апостольским. Из этого проистекает то, что нашей общей задачей должно быть и восстановление, возрождение и

обновление нашей церковности. Не обязательно только в обрядово-каноническом, юридическом и юрисдикционном, а может быть даже сакраментально-мистериальном смысле, а в том же мистическом смысле, требующем воплощения Духа Христова в нас и вокруг нас — во всей нашей жизни. Никогда не будет в историческом времени так, чтобы все люди без исключения вошли во внешнюю ограду Церкви, но приобщиться внутренней жизни Церкви, а значит и жизни Христа — в полноте и совершенстве Бога и Человека, — возможно так или иначе всем. Пусть в этом тоже есть элемент, выводящий нас за пределы истории, т.е. укорененный в вечности, но это задача, которую ставит по совести всякий человек на земле. Ее осуществлению в России и должна посвятить себя Русская церковь, как и всякая церковная человеческая организация. Не в этом ли заключается главная суть ее служения Богу, Отечеству и всякому ближнему? Из такого понимания связи между всеми людьми проистекает великая ответственность всех за всех, некая недавняя взаимная порука за каждого, кому Бог предоставляет возможность жить на земле. Нет ответственности без любви, нет любви без этой ответственности. «Люби человека и в грехе его», — говорил Ф.М. Достоевский. Это завет нам всем от старого и безвозвратно ушедшего времени. Это девиз того «белого иночества» (по выражению архиеп. Сан-Францисского Иоанна (Шаховского)), того «монастыря в миру», который, по воле Христа, никого не берет из мира сего, но каждого сохраняет от зла. Этот девиз так же еще должен быть услышан русским народом в будущем, как не так давно многие в нем услышали призыв «жить не по лжи». Здесь, наверное, уместно было бы вспомнить и старый воспитательно-образовательный, педагогический принцип: где нет рамок, там нет и ответственности. Однако как ни важен вопрос адекватности цели средств ее достижения, мы сейчас не можем на нем останавливаться, поскольку это уже совсем другая тема. Интересно, что в нашей русской культуре заложен как всеобщий еще один христианский принцип: принцип служения всех и каждого, по своему дару и таланту, на своем месте. Как настаивал на этом, думая об исправлении дел в государстве Российском, Н.В. Гоголь в своей «переписке с друзьями»! Мы и сейчас говорим о военной и медицинской, или пожарной службе, но забыли смысл этого слова. В Православной церкви тоже много говорится о служении и богослужении, хотя тоже не всегда вполне сознательно. А ведь в некотором смысле можно сказать, что все Христианство есть Служение. Если не впадать в крайности, можно утверждать, что в церкви действует одновременно иерархический, предполагающий особый порядок старшинства в ней, принцип и принцип неиерархический, выраженный в Священном писании Нового Завета еще апостолом Петром, в 5-й главе 1-го своего Соборного послания: «Все вы (в церкви — и пастыри, и паства) подчиняйтесь друг другу». И Христос, как известно, «пришел не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать жизнь Свою как выкуп за многих». Так что же такое служение? Это не просто «дар и ответственность», так замечательно соединенные и противопоставленные известным современным церковным писателем о. Владимиром Зелинским. Это в точном переводе на русский язык — жертва. Так что важнейшая наша задача служения выливается в столь же важную и так же напрямую связанную с даром любви и свободы человека задачу жертвенности. Жертвенности истинной, т.е. добровольной. Жертвенности не вообще чего-то кому-то, а собою и своим, по любви к Богу и человеку. Тогда становится ясно, почему иногда еще говорят, что все Христианство есть любовь к Богу и человеку и вера в Бога и человека. А это предполагает истинное общение веры и любви, общение человека с Богом и человеком. Отсюда и последняя наша духовная и вообще экзистенциальная задача — жить в общении друг с другом, как и с Богом, после встречи с ними, не по примеру нового колхоза или киббуца, где царит в той или иной форме «сборность» людей, а по примеру Церкви, в которой в нормальном случае царит «соборность», по известному противопоставлению Н.А. Бердяева. Кто скажет, что такая «общинность» — не коренная русская тема? Размышления над этой темой уже привели в сер. XIX века в России к явлению А.С. Хомякова, и значит, к обновлению и возрождению православного учения о Церкви (экклесиологии). Они же привели, пусть так же непростым путем, и к глубоким размышлениям о русском народе, его истории и призвании... Мы вновь стоим перед теми же

вопросами. Нам вновь надо уходить от одного в прошлом, приходить к другому в нем и нащупывать новые пути нашей новой жизни в возрождающемся русском народе, в возрождающемся нашем отечестве и в возрождающейся нашей Церкви! 12 июня 1999 года.

: Горечь и надежда. Интервью с Сергеем Юрским

Церковь и культура

Александр Копировский: Сергей Юрьевич, прежде всего мы хотели бы Вас спросить вообще о ситуации в нашей стране; о Ваших оценках, Вашем видении того, что сейчас с нами происходит.

Сергей Юрский: Вы спрашиваете, или, вернее, вы не спрашиваете, а восклицаете (так как ответ вы знаете сами) о ситуации в стране, о ситуации в духовной жизни и о перспективах. Видимо, я не полно верующий, не сильно верующий человек, потому что несмотря на то, что уныние мне удалось преодолеть — уныние ежедневное, — перспективный взгляд мой мрачен. Мне кажется, что в нашей стране (на фоне такого же движения в мире) идет одичание, идет разъединение людей, или, я бы сказал, дехристианизация. Ваш журнал религиозный или, во всяком случае, с постоянным религиозным фоном, и поэтому я сразу жду от вас возражения, потому что, наверное, от вас я смогу черпать хоть какие-то оптимистические перспективы. Но сам я не могу вам их предложить, к сожалению.

А.К.: А как Вы думаете, с чего могло бы начаться какое-то движение вверх, вперед и вверх? С.Ю.: С одним моим американским приятелем, бывшим нашим человеком, а ныне инженером на одном из детройтских автомобильных заводов, мы разговаривали на эту тему, прогуливаясь. И я стал говорить довольно общеизвестные вещи о том, что вот, дескать, упадок, упадок веры, раньше было иначе и т.д. — такого рода вещи, не особо оригинальные. А он в ответ сказал фразу, мне кажется, весьма оригинальную: а ничего еще не было. Я говорю: т.е. как не было, только на Руси христианство уже целое тысячелетие! (Правда, г-н. Фоменко говорит, что того, первого тысячелетия вообще не было, т.е., фактически, русские начали это дело тысячу лет назад, а того всего не было, всё это досужие выдумки. Полные безумцы! Это, кстати, один из признаков чудовищного кризиса сознания, поддержанного громадным количеством людей.) Так вот, мой спутник сказал: этого еще не было. Были только попытки с разных сторон, и, может быть, теперь что-то действительно начнется. И вот мы присутствуем именно при начале, мы стоим на таком гигантском перегибе, которым является и история, которую мы с вами хуже или лучше, но все-таки читали и знаем, и сегодняшний день, который тоже является чудовищным перегибом. Может быть, надо воспринять такую мысль как реальную: вот теперь надо начинать и не требовать ни от себя, ни от других, чтобы было много духа, много веры, много святости. Нет еще. Но надо начинать.

А.К.: Спасибо, Сергей Юрьевич. Я думаю, что это отвечает интуиции многих людей. Может быть, не все это могут сформулировать так, как Вы сказали, но ощущение согласия будет у многих. Но если мы сейчас будем говорить не об общей ситуации, но о людях: и всех вместе, и о каком-то среднем человеке, в самом хорошем смысле этого слова, без серости. Что ему сейчас нужно? Еще недавно у него были шоры на глазах и узкоколейка, по которой он двигался, как паровоз. Теперь же появились какие-то возможности: церкви открыли, появились самые разные книги, свидетельства, Интернет, наконец. Люди выступают, что-то говорят, куда-то призывают — сразу в десять духовных направлений. Что сейчас больше всего может

помочь такому человеку? С.Ю.: Мне кажется, что ответ Вы сами сформулировали в вопросе. Вы сказали «шоры на глазах». В других случаях еще хуже, не только шоры на глазах, т.е. ограничение зрения, но просто слепота, поскольку темнота вокруг. Так было: свет где-то там, в окошке наверху, через которое ничего не видно, а тут — темно. А сейчас — ослепительный свет, в том числе и из упомянутого вами Интернета, которым я, правда, пользоваться не пробовал, не умею. И меня пугает само слово, которое произносят, скажем, по радио, призывно говоря: «Если вы хотите нас найти, мы всегда с вами, тут, в паутине Интернета». Вот эти рядом находящиеся некто, которые всегда тут и в паутине, они меня просто физически пугают. И наполнение этого Интернета сверхинформацией меня тоже отталкивает. Наверное, это возрастное явление. А может быть, и не возрастное, может быть, такой характер. Меня расстраивает и угнетает излишнее обилие информации и возможностей. Вы сказали: в десять сторон тянут человека. Как ему быть? Я не скажу, что надо тянуть его в одну сторону или только в две. Я скажу, что у него должны остаться время и силы, во-первых, самому задуматься, а во-вторых, самому смотреть. Потому что куда ни сунься, куда ни повернись, перед тобой ставят картинку: либо с просьбой и предложением что-то купить, либо с требованием или соблазном как-то поступить. Человеку остается возможным найти секунду покоя только повернувшись вертикально, глядя прямо в небо и взывая к Богу. Конечно, не нужно про это забывать, это, по-моему, обязательная вещь — вертикаль (этому посвящен финальный рассказ моей книжки «Четвертое измерение»). Ведь если забыть это четвертое измерение — вверх, то остальные три теряют смысл. Думаю, что так оно и есть, но только позиция эта очень неконструктивная, т.е. недейственная позиция — стоя, опустив руки вниз и обратив взгляд вверх. Это позиция вдоха, который человеку совершенно необходим, но потом обязательно нужна возможность деятельности. Нужно сперва открыть глаза, но с другой стороны, нужно и не упереться навсегда в небо, потому что это выйдет уже столпник. Если же всех людей призвать быть столпниками, если это будет модным или поощряемым, или за это будут давать какие-нибудь блага, допустим, популярность, то, конечно, все сразу станут столпниками. Но не все выдержат и начнут притворяться, врать, и ночью, когда все отошли, быстро сходить со столпа и есть, как герой Ильфа и Петрова, объявивший голодовку, из щей мясо.

А.К.: Тогда другой вопрос. Сейчас этот «взгляд наверх» все-таки появился у многих. Люди, когда их спрашивают, теперь уже открыто, не боясь, говорят: я — верующий (хотя это как-то немножко странно: когда они боялись, то с такой же легкостью говорили: я неверующий). Но вот результат этого взгляда вверх — он в чем-то проявляется? Или в чем он должен проявляться? С.Ю.: Вы знаете, это очень индивидуально. Для меня это открытие простое, и если бы я был более образованным или воспитанным в этой ауре, то, наверное, давно бы эта простая вещь до меня дошла. Но мне пришлось ее очень поздно открывать и открывать большими усилиями. Я хотел бы рассказать случай — маленький, но очень характерный пример, я бы сказал, тартюфства. Приходит ко мне симпатичная женщина, которая хочет баллотироваться в депутаты какого-то скромного районного отделения Гордумы в Москве или еще чего-то, приносит свою листовку и просит поддержки. Я вполне готов ее поддерживать. Но вот она пишет о себе, что получила образование там-то, то-то и то-то, и что она — православная. Я спрашиваю: «А это к чему?» Она отвечает: «Но я действительно православная». — «Я не сомневаюсь, что вы не врете. Но зачем это?». — «Ну, чтобы привлечь людей». Я не думаю, что все православные, увидев, что депутат православный, скажут: мы будем за нее. А все иудаисты и мусульмане, прочитав, скажут: «А мы за нее не будем голосовать. Мы подождем, пока следующий депутат напишет: «мусульманин», и тогда мы за него будем голосовать». Представляю, во что это превратится. Но не говоря уже об этом, сам факт нескромности в заявлении себя верующим, в гордом заявлении, публичном заявлении — не к случаю, не тогда, когда надо выйти вперед что-нибудь защищать, а когда надо привлечь к себе доброту и внимание, — это становится довольно расхожим моментом, это наша реальность. Я просто один случай рассказал. Вы их знаете, наверное, великое множество, да?

А.К.: Да, и поэтому у многих людей возникает вполне естественная реакция: в Бога я верю, но с какими-либо структурами я дела иметь не хочу: в церковь не пойду, называться как-то специально не хочу. С.Ю.: Есть и такое. Мало того, те из моих друзей (может быть, они не захотят, чтобы я их называл), которые называют себя именно сейчас, упрямо и даже публично, печатно атеистами и подчеркивают: я — атеист, в подавляющем большинстве случаев гораздо большие христиане, чем те, которые пишут в анкете «православный» (хотя нет такой графы «вероисповедание», но они на всякий случай добавляют). В них гораздо больше христианства, потому что они чисты сердцем и говоря сейчас, в наше время, «я — атеист», они просто подчеркивают нежелание следовать моде, бежать за толпой. А чистота сердца, чистота помыслов и поступков определяет больше, чем заявление о своем вероисповедании и даже участие в богослужении, не правда ли?

А.К.: И все-таки, Сергей Юрьевич, я знаю, что вы в богослужениях участвуете... С.Ю.: Участвую, но в той мере, в которой позволяет моя профессия, а это очень недостаточно. Хотя определенное количество десятков раз в году я в церкви бываю. Но для меня это непросто еще и потому, что существует проблема: деятельность и церковь. Деятельность и Бог — по-моему, такой проблемы нет, ибо Иисус Христос к деятельности относился как к естественной функции человека, и когда Он отбирал Своих двенадцать апостолов, Он вовсе не считал, что за каждым из них должны идти еще двенадцать, а за каждым из них еще двенадцать и так постепенно все население должно идти за ними. Нет, наоборот, Он говорил: только вы. Потом, когда пришло время «Деяний», в котором мы с вами сейчас, после Троицы, пребываем, они уже избрали себе помощников, но опять-таки ограниченное количество. Но я часто наблюдаю в церкви такой подход к христианской жизни, что, дескать, в принципе, стремление к монашеству должно быть у всех: пока еще я, мол, вас прощаю, паства моя, пока, но это последние разы — еще немного и я уже перестану вас прощать, и тогда уж извольте... Что извольте? Прекратить деятельность? Тогда что же это за земной шар будет? Что же это за Божье творение? Тут что-то не в порядке. Это не годится. Так вот, Бог и деяния — не в конфликте. А вот церковь и определенные деяния, например, моя профессия, профессия актера или профессия писателя, — в противоречии. Мне трудно говорить от себя, я не берусь, но вот вам факт. Я получаю из города Пскова труд артиста Яковлева (думаю, около 150 страниц) под названием «Христианин в театре». В нем говорится о том, как быть актеру-христианину в жизни, в работе и в церкви. Автор поднял целые пласты материалов об отношении церкви к театру в разные эпохи и показал, что оно всегда было отрицательным. У него был и собственный опыт общения со священниками, и он понял, что они все относятся к театру как к абсолютному ужасу. Он сам уже готов бросить театр, но вместе с тем он думает: так ли это, правильно ли это? И вот он пишет труд. Я не во всем с ним согласен, но труд необыкновенно интересный. (Я надеюсь, что Игорь Виноградов, главный редактор журнала «Континент», который сам ведет в нем один из самых интересных разделов — религиозный — опубликует эту работу.) Но задумайтесь о самом факте: артист, актер пишет вот такую махину, такой огромный труд, проходя через этот опыт и исследуя его, играя священников на сцене (поняв, что этого делать вообще не надо), и обращаясь к священникам настоящим, и вступая с ними в диалог и соглашаясь, и подчиняясь и в то же время опровергая вот такое мнение. Или вот еще факт. Артистка театра, глубоко верующая и очень талантливая (и сердце, по-моему, у нее чистое), приходит ко мне, своему режиссеру, и говорит: что мне делать — мой духовный наставник сказал мне, что если я не брошу театр, мой ребенок будет всегда болеть (а у он меня, действительно, все время болеет), что мне делать? И вот я должен выступить противником батюшки, мне неизвестного, в общении с такой женщиной, молодой артисткой, которой Бог дал театральные таланты... Вот вам примеры, нерадостные. А вот мой собственный пример. В первый раз я говорю об этом — именно потому, что говорю с вами, иначе не стал бы говорить, потому что вообще про это не надо говорить. Как про роль нельзя говорить (т.е. нельзя рассказывать, как ты будешь играть, — играй, а будешь много говорить, — не сыграешь), так и про свое религиозное чувство. Надо

быть, ну, уж совсем подвижником, чтобы позволить себе его анализировать или опубликовать. Но наша с вами встреча носит особый характер, мы не случайно знакомы и вы делаете очень важное, мне кажется, дело и поэтому я все-таки кратко расскажу. Я издал сейчас две книжки: одну стихов, другую — прозы. Сейчас, правда, даже ту сотню экземпляров, которую ты даришь самым надежным людям, почти никто не читает. Тебя целуют, обнимают, благодарят за надпись, берут книжку (это мне подарили!), но не читают, — такое время! Постараемся не быть такими, но факт есть факт... Но вот те немногие, которые по разным причинам действительно прочли книжку, все обратили внимание, что всё, что мною написано до 1990 года — в одном ключе, и непонятным образом все, что написано после 1990 года, т.е. за последние десять лет, — в другом ключе, т.е. резко отличается. Я это и сам знаю, но то, что это заметили другие люди, это важно. 1990 год — год моего крещения. В одной из этих книжек я откровенно сказал о своих долгих годах уныния. Это не значит, что я не действовал, — я играл, я, мне кажется, сделал немало серьезных работ, которыми могу гордиться и сейчас, но весь фон — все было унынием. Нет, вы не подумайте — не только веселые произведения написаны мною в 1990-е годы и вовсе не забавные спектакли я играю, но струна, настройка, камертон для меня изменились. Я полагаю, что так бывало и с другими, кто через это прошел, и это есть открытие мира и открытие нового в себе, и нового взаимоотношения с ближними людьми. Именно с ближними, потому что гораздо легче публичность свою изменить, имидж, как сейчас говорят. Но то, что произошло, это не изменение имиджа, это совсем другое. По-старому говоря, это изменение мировоззрения: оно становится иным, и ты живешь в другом измерении. Я на этом остановлюсь, просто рассказав об этом факте. Для интересующихся — вот оно, доказательство: всё меняется, даже независимо от того, что пессимистические раздумья могут оставаться, потому что моя голова, мой мозг работает в том же направлении и пользуется тем же материалом, и здесь я не изменяю себе, но сам я — другой! И я счастлив, что я другой. Это самые важные годы в моей жизни — эти девяностые годы. Они пришли поздно, но они пришли.

Семен Зайденберг: А не могли бы Вы сказать о своем обращении? Многие знают по собственному опыту, что тут всегда очень важен свидетель — или живой человек, или, например, книга, но свидетель, в котором бы ты увидел, что вера — это не слова, но действительно что-то реальное. В Вашей жизни что-то или кто-то сыграл такую роль? С.Ю.: Я думаю, что для меня это была множественность ощущений. Еще раз говорю, я не рисковал никогда их записывать, перечислять или кому-то излагать, но они вполне реальны. Это не какие-нибудь знамения: я не рискую себя причислить к просветленным, к апостолу Павлу, которому лично всё открылось и тут же для него все перевернулось. У меня это было медленное движение (и оно тоже заняло пару десятилетий моего уныния), как бы сказать, «прислонения». Когда я пришел к о. Александру, который меня крестил, первое слово, которое я сказал, и которое он с улыбкой отверг, сказав: этого недостаточно, это было слово «прислонение». «Почему Вы хотите креститься?» — спросил он меня. Я сказал: «Хочу прислониться к религии предков». Он говорит: «Хорошо, но недостаточно». Это было действительно мое желание, искреннее: я почувствовал первые робкие связи с дедом, который был не только священником, но и богословом, с дедом, которого я не знал, которого и отец почти не знал, потому что он умер очень рано, когда отец был еще маленьким ребенком, и которого от меня скрывали по причинам политическим. Было у меня, правда, еще наблюдение за людьми, как они ведут себя в церкви, в церкви, в которую я ходил, как в музей, чтобы, скажем, привести иностранцев. Просят: покажите нам русскую церковь. — Ну, пойдёмте, кажется, она здесь. А, вот она как раз здесь. А вот почему-то она закрыта. (Я не знал тогда, что службы в определенное время идут.) А вот мы придем, когда она будет открыта. А вот теперь она открыта... Я наблюдал то, как люди входят, как они себя ведут в церкви и как они знают что они делают. Они производят странные действия, но в них такая убежденность, что я, как актер, чувствую правду, так же, как в других случаях чувствую неправду, вижу, что это подражательные действия, что человек действует не от себя и не по внутренней нужде. А в

других случаях чувствую именно это — внутреннюю правду. И это убеждает меня просто как профессионала, как актера. Если это и театр (и об этом я думал), то это театр, который мне нравится. И тогда еще, до крещения, бывая на Западе, естественно, и в храмах католических, и в храмах протестантских, я для себя различал: католическое служение — это эстрада. Не в смысле пения, но в том смысле, как сцена обставлена — нет кулис, нет исчезновения священника, все открыто. Особые взаимоотношения. Я ведь также и эстрадный артист, и понимаю — это эстрада. Господь, прости, но то протестантское служение, которое я видел, показалось мне сродни затейничеству с детьми, где, конечно, с ними очень серьезно занимаются, но где все уравновешено — и воспитание, и развлечение. И, наконец, православное служение показалось мне театром, потому что здесь мизансцены очень сложные и впечатляющие вещи, вроде занавеса, который закрывается на время, а потом открывается, голоса, звучащего из невидимой части, — и все это казалось мне театром. А театр для меня, в общем, священен. И отчасти именно поэтому (вот видите, какие искренние вещи я вам говорю) я и выбрал православие — с одной стороны, потому что это религия предков, которая исчезла для меня, а с другой стороны — это театр. Потом я стал ощущать уже различие всего этого дела, но первое и главное впечатление то, что это театр — именно как родное, как священное, как интересное.

А.К.: Действительно, подобные устойчивые ассоциации с тем или иным понятием, уже ставшие штампом, обязательно нужно разрушать — вот так, как Вы сейчас и сделали. Это очень ценно. С.Ю.: Тогда я расскажу вам еще об одной вещи. Скоро выйдет очередной номер журнала «Цирк», специально посвященный воспоминаниям. Меня попросили написать об отце, и мы с корреспондентом Ириной Другиной занимались этим делом. Я написал воспоминания, и там тоже есть место, связанное с темой, о которой мы сейчас говорим. Мой отец, бреясь по утрам (часто после какой-нибудь похмельной ночи с друзьями, у нас же происходившей), очень любил говорить какие-то слова: или просто от себя, или цитировал подряд. Вот тогда я и наслушался и Пушкина, и Гоголя, и Чехова, которых он знал наизусть. В этом случае я понимал о чем идет речь, но было и другое, когда он, бреясь, вслух (жили все в одной комнате): «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых», и далее, и далее, и далее. Один раз, второй раз, третий раз... И все это бреясь, бреясь, бреясь... Потом говорит: «Сынка, я сегодня поздно приду: у нас партсобрание». Я думал: что такое этот «блажен муж»? Были и многие другие подобные тексты, которые я не знал, не понимал, а он никогда мне не объяснял, и когда я спрашивал про это или про что-нибудь другое: что это? — он мне отвечал текстом Максима Горького: «люблю красивые и непонятные слова» (реплика Сатина из «На дне»). И опять шел и Пушкин, и псалмы, и какие-то куски богослужения. Откуда это у него было? От детства в городе Стародубе, городе насквозь церковном, где жил священник Сергей Юрьевич Жихарев, его отец, богослов. И у него это просто кружилось в голове. Вот и из таких совершенно тогда бессмысленных для меня слов, но потом сопоставленных, у меня сложилось убеждение, что первый из псалмов Давида, «Блажен муж..» — это совершенно конкретное указание, что не надо ходить в собрания, не надо. И когда встает вопрос: может все-таки пойти, потому что неудобно или будут неприятности, или чтобы не нарушить, я всегда вспоминаю это. Не всегда выполняю, но всегда чувствую, что это — наставление прямо от священного текста конкретно к твоему поведению, а не к чему-нибудь другому.

А.К. Сергей Юрьевич, царь Давид нас продолжает учить и, конечно, церковная традиция продолжает учить. Но сама церковь сейчас, вот такая, какая она стала: с вновь открытыми храмами, с проповеданием веры или, по крайней мере, с возможностью такой проповеди, с выступлениями по телевидению, в газетах, с новыми книгами, — какова ее роль в духовном возрождении общества? С.Ю.: Боюсь выглядеть критиканом. Да я и не имею права говорить об этом, поскольку, как я уже сказал, я человек малоцерковный. Я вам сказал, какое примерное количество раз в год я посещаю церковь. Иду, потому что периодически хочется, и это нужно,

но не всегда радуюсь. Для меня сейчас есть трудная проблема (я не буду ее подробно касаться), — это выбор церкви, в которую ходишь постоянно. Для меня это стало серьезной проблемой, потому что в церкви я постоянно натываюсь на вещи, от которых хочется отстраниться. Простите, но иногда уже и сама церковь заставляет вспомнить ту фразу, о которой я сказал. Уж не «совет» ли это «нечестивых»? И так бывает, к сожалению. Это, например, впечатление от той литературы, которая предлагается в храмах. Иногда я сам покупаю, иногда мне дарят, со всей душой, с поклоном и с поцелуями. Потом считаешь, что тебе подарили, и думаешь: «Как же так? Я не хочу больше туда ходить, в эту церковь, я пойду в другую». А иногда покупаешь, зная заранее, что это такое, потому что не так уж я наивен, и читаешь это, и когда понимаешь, что это издание сильное, в смысле полиграфически крепко сделанное, постоянно выходящее, опирающееся на определенную часть общественного мнения, церковного мнения, — еще страшнее становится. То же касается и некоторых обычаев и способов разговора в самих проповедях. Я говорю именно об обычаях, поскольку я это слышал неоднократно. Мне, например, трудно вынести слова «католическая ересь», и даже не по той простейшей причине, что у меня жена католичка. Она, правда, столь же католичка, сколь и неверующая, хотя и крещена в католичестве. Она полька, и все ее родственники, которых я знал, поляки. Ее тетка была глубоко верующая женщина, понятия не имевшая, что Иисус Христос, когда Иисус Христос, но абсолютно костельная полька, которая свято жила, бедно, тяжело, открыто, по-доброму, и, естественно, в католичестве воспитывала мою дочку Дашу, которая с ней была. Дашу крестили в Православии, но я нисколько не стыжусь, что она первое время крест наоборот клала, потому что так тетка учила. Она в три года ходила в костел; я тогда был вообще атеистом, а Даша у меня в костеле кресты клала. Крестили ее в Православии, и теперь она, конечно, приучится, она запомнит, что здесь принято троеперстие, что теперь так будем креститься. Но когда говорят «католическая ересь» (не буду уже говорить о других вещах), я бываю смущен. Дело в том, что все эти десять лет я читаю и Ветхий и Новый завет (если закончил читать Новый завет, то снова начинаю, а Ветхий я еще до сих пор читаю и все еще до конца не дошел, и даже не представляю, дойду ли — может, никогда и не дойду, очень трудное чтение), и убеждаюсь, что жизненный ужас и полное крушение нравственности были всегда и, видимо, пока еще продолжают, так что это не наше открытие. А во-вторых, когда читаешь Писание, понимаешь, что спор о вере доступен человеку, и диалог о вере — это и есть путь к Богу, а принять священника как начальника — это не путь к Богу.

А.К.: Хочу сказать «аминь» не в смысле конца, а в смысле «истинно так». Сергей Юрьевич, Вы часто ездите, видите самых разных людей не только в Москве. Вы за свою жизнь, наверное, много проехали по России. С.Ю.: Много...

А.К. Значит, русский народ, российский народ для Вас не абстракция. С.Ю. Именно не абстракция. Поэтому я могу сказать, что я не знаю его. То, что я вижу, когда сталкиваюсь с людьми, показывает мне, что мы говорим на одном языке, но мы совершенно разные люди. Я не говорю об интеллигенции, которая есть везде. Везде можно найти людей, которые, благодаря кино, телевидению, знают меня и с которыми мы всегда найдем о чем поговорить и найдем точки соприкосновения. Ни в одной стране такого нет, чтобы читающая, думающая, знающая, хоть немного, поэзию, театр, искусство, живопись, интеллигенция была бы на всех точках гигантского пространства. Но это еще не народ. Это все те же производные наших университетов и институтов. А вот дальше идет народ. И между ними колоссальный разрыв. Потому и революция была, — объясняли нам, и справедливо объясняли, — чтобы не было этого чудовищного разрыва. Но я сегодня в журнале «Дружба народов» прочел повесть Платовой «Берег» — о зимнем ужасе в районе Феодосии, о житии каких-то антилюдей. Они совсем плохие, хотя это не какие-нибудь разбойники. Их жалко и страшно, и это народ. Видел ли я такое? Видел и такое. Лагерь, который создал Сталин на гигантских пространствах, хлынул в обратную сторону. Мне кажется, что наша страна переживает сейчас перитонит, т.е.

язву, прорвавшуюся вовнутрь. Это гигантский пузырь гноя, которым был, с одной стороны, лагерный архипелаг, описанный Солженицыным и другими, а с другой стороны, — нарыв чудовищный, который извратил людей, в виде военного производства, охватившего практически все сферы: десятки миллионов трудились только на будущее уничтожение планеты. Те, кто не понимали, им простительнее. Но многие ведь понимали, что они делают. И сейчас говорят: давайте это вернем. Значит, опять будут эти два гнойные пузыря, прорвавшиеся вовнутрь, и опять на том же месте. И опять — чеховские «Мужики», и опять — «В овраге», и опять бунинская «Деревня» и платоновский «Котлован» — кошмар.

А.К.: Сергей Юрьевич, все-таки сейчас появляются другие формы жизни, другие возможности, что-то совершенно новое, чего Россия никогда не знала за тысячу лет и, стало быть, возможен выход, обращение к людям. Уже довольно давно, лет пятнадцать назад, мы с о. Георгием Кочетковым были на приеме у патриарха Грузинского Или и долго с ним говорили. Он задавал нам все новые и новые вопросы и, в конце концов, спросил: «Скажите, вот вы занимаетесь миссионерством, катехизацией, вы обращаетесь к людям. К кому надо идти прежде всего? К простым людям или к интеллигенции?» Мы с о. Георгием, не сговариваясь, хором говорим: «Конечно, к интеллигенции». Он говорит: «Правильно. Интеллигенция это заварила, пусть она это и расхлебывает». Но, может быть, Вы сейчас видите ситуацию по-другому? С.Ю.: Интеллигенция — это я не первый раз формулирую — в период атеизма в нашей стране была мирскими священниками. Лучшие из интеллигентов. Одна из особенностей священника — это собственный пример. Если этого нет, тогда священник не выполняет своих функций, правда? Так же и интеллигент. Это человек, который освобожден от принудительного труда, от тягчайших условий жизни, в которых живет физически трудящийся. Может быть шахтер — интеллигент, но это все-таки притянутая вещь, — дескать, шахтер, который любит читать книги. А интеллигент — это именно человек, освобожденный от столь тяжелого труда, имеющий время думать и эти мысли выражать. Эту функцию когда-то несла аристократия. Аристократия нужна нации, обязательно, и если ее уничтожили, она должна быть чем-то заменена, иначе нация рухнет, что и случилось со многими нациями. У нас аристократию, почти уничтоженную, заменила интеллигенция. Во время революции мужик мог барина убить («А пошел ты» — и все и кончилось), но вообще мужик относился к этому «классовому» различию как к естественному делу, потому что это уравновешенные вещи. Барин не просто родился барин, он еще ведет себя как барин. Он за себя отвечает. Он никогда не позволит себе сделать то, что позволит себе сделать какой-то там (и это мысли мужика!). И если барин или интеллигент позволяет себе совершать грехи публично, или предательство по трусости или по глупости, то он подлежит изгнанию из этого сословия. Вы спрашиваете: к кому обращаться? Наверное, к тем, кто приходит, потому что гоняться за отдельными интеллигентами, «отлавливать» их и обращать в христианство, — дело пустое. Народ — прикажи ему ходить в церковь (если издать указ такой президентский), он пойдет. Но это не значит, что он весь станет сразу христианским и верующим. Никогда не кончается это дело — внедрение того, что мы с вами, наверное, едино считаем истинным путем. Да, это путь через узкие врата, но путь-то этот широк, по нему же идет такое количество людей. А если это никогда не кончается, то, наверное, и не с нас начнется. И я не думаю, что надо выбирать конкретно: сперва эти, потом эти. Там, где мы находимся, там и нужно проповедовать. Ну, о каком народе идет речь, если церковь находится в центре Москвы? Во-первых, в центре Москвы тоже наберется громадное количество совершенно диких людей, представляющих собой народ в худшем смысле этого слова. Ну, когда толпой вокруг церкви идут на Пасху — может, и они присоединятся. Гнать таких, конечно, не надо, но и зазывать не надо. К тем, кто здесь, рядом живет, к ним и надо обращаться.

А.К.: Спасибо. Действительно, тогда, пятнадцать лет назад, когда мы встречались с патриархом Илией, надо было обращаться не ко всем, да и нельзя было обращаться ко всем, просто нельзя,

запрещено. А в личных разговорах многие люди выходили на духовные темы. И тогда начиналось общение, которое очень часто приводило к Богу. Сейчас ситуация другая. С.Ю.: Да, сейчас ситуация другая. Если уже о. Александр Мень стал границей, по которой меряется «православность», что же говорить. Я часто слышу от очень близких мне людей, которые приезжают в монастырь, весьма известный, гремящий и развивающийся, что там это имя годится только для поношения. А в другом месте (их, к сожалению, гораздо меньше) — отношение к нему как к учителю и почти как к канонизированному святому, ну, во всяком случае, как к учителю. Но вообще нет таких мест, я их не вижу, в которых это было бы просто и естественно. Ведь это же все-таки убиенный человек. Хочется спросить тех, кто говорит все время, что вот, мол, царь убиенный, царя нужно канонизировать и все прочее, — да, невинно убиенный, вы совершенно правильно говорите, но почему вы говорите — царь? Он уже не был царем. Вы говорите, он помазанник был? А вот священник, тоже Божий помазанник, который убит при вас, он что? О! тут все другое. Спокойного отношения нету. И это внутри церкви!

С.З.: Я совершенно не собирался об этом говорить, но поскольку уж Вы об этом сказали в самом начале разговора, то все-таки спрошу. Когда Вы употребили слово «перегной», я вдруг вспомнил, что это одно из ключевых слов Иосифа Бродского, помните: нам предстоит «слежаться в перегной, в осадок, в культурный пласт» и т.д., и это же слово я все время слышу от о. Георгия, он часто говорит в проповедях: давайте о себе не будем думать много, в лучшем случае мы — навоз, на котором, может быть, что-то вырастет. А он это воспринял, насколько я знаю, от о. Виталия Борового. С.Ю.: Да что Вы? Совпадаем! С.З.: Для моего поколения — мне тридцать с лишним лет — Бродский стал человеком, кто, оказавшись в эмиграции, как бы заранее испытал на себе тот холод, который теперь приходится переживать всем нам, и выдержал его. И это одна константа жизни, как Вы сказали, — ноль. Вот знаешь, что ты — ноль, ничто, и все, может быть, только начинается. А с другой стороны, Вы сказали, что Вам захотелось «прислониться» к деду. И я хочу Вам рассказать. Мы в этом году с женой на Прощеное воскресенье шли из Патриаршего собора и познакомились со старушкой, которой 98 лет. У нее, тоже прямо как мы вначале говорили «шоры на глазах», т.е. один глаз вообще не видит, а другой видит только прямо, и она нас просила перевести ее через улицу. Я был поражен, потому что жизнь-то была у нее страшная — раскулачивание, война и все прочее, — но человек полон неподдельной благодарности Богу и благословения. А мы идем — усталые, у нас церковная ситуация ужасная и т.п. И вдруг она говорит удивительные слова: «Вот, все жалуются. Но вы только подумайте, какое время наступило, ведь страх исчез! Теперь только живи, только живи...» И вот когда я пришел в церковь, я почувствовал какой-то вдохновляющий огонь, идущий от поколения, которого мы уже не знаем. Что Вы об этом думаете? Нет ли у Вас какого-то подобного опыта встречи с теми людьми, с тем поколением? С.Ю.: Страх исчез... замечательно. Я вполне верю, что это ее состояние, ее самочувствие. Но вот только как его взять, сделать своим, когда ты окружен людьми, которые боятся жизни, боятся, может быть, сильнее, чем раньше?.. То, что Вы рассказываете, я наблюдал однажды. Как-то раз я вез домой в машине Анастасию Цветаеву. И вот когда она ехала, то молилась на все церкви (а в Москве, вы знаете, каждую секунду — церковь). И вот мы разговариваем, а она, не останавливаясь, крестится, и у нее это получается естественно. Но опять-таки, представьте себе, если все начнут этому подражать: в автомобилях, в автобусах, везде... Это тоже страшно. Да, у Анастасии Цветаевой, которой тоже было 98 лет, это было естественно, и она тоже ничего не боялась и ни о чём не жалела. Но это уже святость. В какой-то степени она уже может ни о ком не заботиться, ибо о ней никто не заботится. А Вам, которому тридцать с небольшим, вам о многих надо заботиться. А это значит — страх. Это тоже часть нашей жизни. Вот сейчас идет война в Югославии. Почитайте «Известия» — военные просто воспряли и говорят: давайте воевать, давайте мировую войну! И это же всерьез! Ведь мы уже во всех случаях не мировая держава, кроме одного — вооружения, войны. Здесь мы —

мировая держава. И тут может такое быть! Как же, очень страшно. Я уже про криминал не говорю.

А.К.: Сергей Юрьевич, чтобы не кончать на такой ноте и в то же время не пытаться искусственно взгреть оптимизм (что абсолютно не нужно, пусть все будет трезво), — скажите все-таки два-три слова тем людям, которых Вы, может быть, чувствуете, как читателей нашего журнала. С.Ю.: Могу. Опять тут ничего нового придумать нельзя. Повторяющаяся история о праведниках, которые искупят грех множества. Она возникает как реальная сегодняшняя ситуация. Я могу рассказать десятки страшных историй — никогда теперь не рассказываю. Кстати, Бродский (мы встретились с ним в Нью-Йорке) мне сказал: давай договоримся не рассказывать друг другу историй — что видел, что слышал: будем разговаривать про эту минуту. Так вот, я не буду рассказывать множества страшных историй. Знаю эти истории сам, кроме того, что читаю. Но ведь есть и абсолютно обратное, без всяких причин существующее, когда животным отдается подлинная любовь (естественная, не преувеличенная), когда родителей действительно любят и находят с ними контакт, я это тоже знаю и вижу; когда врачи в медицине, которая вообще-то пропадает, вдруг, просто отношением своим — ежедневным, естественным, радостным, веселым подвигом — помогают людям, и не то что друзьями становятся, а вот просто: это сделано — и всё; когда в нашей области, театральной, пронизанной эгоизмом и всевозможными хитросплетениями и интригами, есть такая открытость и радость, что вот увидел замечательное произведение другого — это тоже существует. И в этом есть если не божественная вера — об этом я не смею ни говорить, ни призывать, — а просто вера в завтрашний день. Да, социально плохо, очень. Но люди есть, единицы есть. Я не верю, что из этих единиц сложится масса. И не надо. Важно, чтобы они были, а они есть, и есть повсюду. Чуть-чуть на цыпочки привстать, приподняться, — и обязательно увидишь.